

- ОТ РЕДАКТОРА [1.htm](#)
- БРЕННОСТЬ И СМЫСЛ [2.htm](#) альфрид лэнгле
- ИСКУССТВО БЫТЬ [3.htm](#) борис братусь
- КОГДА ДЕТИ ДЕЛАЮТ ТО, ЧТО [4.htm](#) наталя андрейченко
ИМ ЛУЧШЕ НЕ ДЕЛАТЬ
- РЕЦЕПТ НЕТЕРПИМОСТИ [5.htm](#) светлана кривцова
-
- НИТОЧКА ПОНИМАНИЯ [6.htm](#) иосиф фурман
-
- ВЫ СЛУХАМ ВЕРИТЕ? [7.htm](#) сергей беззубцев
- ПСИХОЛОГИЯ СЛУХОВ [8.htm](#) акоп назаретян
-
- Я У СЕБЯ ОДНА [9.htm](#) екатерина михайлова
- КОГДА ДЕТИ ДЕЛАЮТ ТО, ЧТО [10.htm](#) людмила улицкая
ИМ ЛУЧШЕ НЕ ДЕЛАТЬ
- ПРОСЫПАЮЩИЙСЯ МОЗГ [11.htm](#) николай николаенко
- ТРИ ЖЕЛАНИЯ [12.htm](#) надежда зырянова
- МОСКОВСКОГО ПОДРОСТКА
БЛУДНЫЕ [13.htm](#) владимир ланцберг
- ОНИ. ОСОБЕННО ДЕВОЧКИ [14.htm](#) владимир петрушов
-
- ЗАПИСКИ МОЕЙ ЛЕВОЙ РУКИ [15.htm](#) наталия ефремова
- КАК ПРАВИЛЬНО ЖАЛЕТЬ [16.htm](#) светлана кривцова
СЕБЯ
- ДЕВОЧКА, КОТОРОЙ НЕ [17.htm](#) любовь огаркова
ХВАТАЛО ВРЕМЕНИ
- ДЕТСКИЕ КНИЖКИ ПО- [18.htm](#) андрей ефремов
ВЗРОСЛОМУ
- КАК УКРОТИТЬ ГНЕВ, [19.htm](#) надежда комолова, дарья рязанова,
ПОБЕДИТЬ СТРАХ И НАЙТИ виктория чал-борю
ДРУЗЕЙ
- ВРАЖДЕБНОЕ БРАТСТВО [20.htm](#) маргарита жамкочьян
- КАТЯ. ТРИДЦАТЬ ЛЕТ [21.htm](#) валерий мильдон
СПУСТЯ
- МУЖСКИЕ ЛАСКИ [22.htm](#) маргарита жамкочьян, алексей
беляков
- КОГДА ДЕТИ ДЕЛАЮТ ТО, ЧТО [23.htm](#) ванесса редгрейв
ИМ ЛУЧШЕ НЕ ДЕЛАТЬ
- УЧИТЕЛЯ. УЧЕНИКИ [24.htm](#) людмила воронова
- КНИГИ [25.htm](#) сергей иванов/харуки мураками/"дети
о.г.и."/ "открытие"
- МАЛЕНЬКИЕ ЗИМНИЕ СКАЗКИ [26.htm](#) пит рушо
ПОСЛЕДНИЙ НОМЕР года

ОТ РЕДАКТОРА | *александр асмолов*

МЫ врываемся в этот мир с криком... И после все гадают, о чем же каждый из нас кричал. Лукавые психоаналитики утверждают, что первый детский крик - это не что иное, как символ тревоги, за которым стоит незатейливая просьба: "Мама, роди меня обратно". Рациональные физиологи для объяснения первого крика вещают о воздухе, врывающемся в легкие младенца. Психологи, исповедующие взгляд на человека как пристрастное диалогическое существо, слышат за мелодией первого крика эмоциональную мелодию, символизирующую начало общения с миром... Все спорят, соревнуются в догадках, а новорожденные все кричат, никому не раскрывая причину: "Ради чего они кричат". Хочу вам поведать, что при рождении свое право на существование криком отстаивают не только младенцы, но и журналы. Среди них журнал "Педология. Новый век". Мы кричим негромко, но доверительно. Мы кричим почти культурно, как будто криком разговариваем по душам. Спасибо всем, кто услышал наши голоса за эти три года, услышал и захотел слушать еще... Мы вас успели полюбить. Ваши письма, звонки. Ваше доверие и недоверие. Вашу грусть и ваше желание новых встреч. Мы вас успели полюбить и не хотим расставаться.

Мы в расставании грустим,
Навеки словно расстаемся.
Мы все неверное простим,
И обязательно вернемся... |

БРЕННОСТЬ И СМЫСЛ | *альфред лэнгле* / *перевод альбины локтионовой*

Что делает жизнь состоявшейся?

Мы сможем приблизиться к этой теме, если зададим несколько необычный вопрос:

"Чего мы больше всего боимся в жизни?" Принято считать - смерти. Нам становится не по себе, когда мы видим, как она тихо подкрадывается и ворует нашу жизнь, подстерегает нас повсюду, не гнушаясь средствами. И внезапно хроническая угроза смерти превращается в реальную: тяжелую болезнь, аварию, катастрофу, террористический акт или стихийное бедствие.

В последние десятилетия с развитием техники, биологии, медицины появилась неосознаваемая успокаивающая фантазия: скоро проблема смерти в нашей жизни отступит. И нам действительно удалось вытеснить смерть если уж не из жизни, то в значительной мере из своего сознания. Еще никогда не было так легко и так просто стареть, и тем не менее никогда еще люди не делали так много для того, чтобы быть молодыми, оставаться молодыми, снова становиться молодыми. Ценность "жизни, прожитой до конца", как Виктор Франкл однажды назвал старость, уже не признается обществом. Прошлое становится предметом, занимающим лишь психоаналитика, а в реальной жизни человек подстраивается под молодых, занимается спортом и йогой и "отменяет" свое прошлое ради слышащего все на свете будущего. Так мы и добиваемся того, что до глубокой старости остаемся молодыми - и молодыми же умираем. Печальная участь, ведь, как известно, молодым умирать тяжелее.

Но смерть снова и снова дает о себе знать. Аварии атомных реакторов, авиакатастрофы, сходы лавин и наводнения, вирусы СПИДа и коровьего бешенства, чуть ли не постоянно угрожая, заставляют осознать банальную истину: несмотря на прогресс все мы смертны. Сегодня уже нет многих смертельных опасностей: искоренены чума и полиомиелит, изобретены лекарства от многих болезней. Под защитой прогресса люди стали чувствовать себя уверенней. Тем не менее возникают новые угрозы, предсказывающие нам, от чего люди будут умирать завтра. Однако самая большая угрожающая человечеству опасность - это вытеснение смерти из сознания, нежелание принять тот факт, что мы смертны, стремление отодвинуть его до тех пор, "пока не придет время". Но это время существует всегда, ведь каждый миг жизни - это и время умирания. Чем больше вытеснена эта реальность, тем сильнее внутренняя тревога.

Поэтому совершенно естественно, что от предвестников смерти - болезней и старости - разрабатываются эффективные средства защиты, все больше денег выделяется на развитие медицины, все большей популярностью пользуется лечение силами природы.

Если смерть воспринимается как нечто чуждое жизни, а прошлое - поскольку оно не позволяет перечеркнуть себя полностью - помещается в отдельную "кладовую" психоанализа, то все вопросы о том, что находится по ту сторону смерти, также прячут в "сундук со старым ненужным хламом".

Но жизнь никого из нас не оставляет в покое. Она назойлива и не довольствуется половинчатостью. Ей хочется быть прожитой полностью. И, позволяя нам переживать радость и удовольствие, она с отрезвляющей стремительностью врывается в наш удобный мир грез и желаний, пугая своими реальными требованиями. И мы снова становимся неуверенными - не уверенными даже в том единственном, что, несомненно, случится в будущем: в своей смерти. В современном мире мы часто бываем лишены очень важного опыта: если раньше люди умирали дома, среди родных и близких, то в наше время почти 90% людей умирают в стерильных условиях больницы, и у нас нет возможности быть сопричастными происходящему.

Сегодня мы стали искать жизнь уже не во всемогуществе человека, а в цветущих деревьях, красоте водоемов, в не затронутых цивилизацией природных циклах. Мы снова открыты первозданности законов природы и больше не пытаемся поставить ее на колени. Мы уже не оцениваем природу лишь с точки зрения практической пользы. Смерть - неотъемлемая часть жизни природы, и, вытеснив смерть, мы бы очень многое исключили из жизни.

Спросим себя еще раз: действительно ли сама смерть является причиной страха? Разве мы снова и снова не встречаем людей, которые несмотря на естественный страх перед смертью не теряют мужества? Можно вспомнить великих - от Сократа до патера Максимилиана Кольбе. Но сколько простых людей с удивительным спокойствием могли смотреть в глаза смерти - потому что смерть не входила в их список самых ужасных событий в жизни.

Но что же тогда делает смерть столь тяжелой? Отчего она становится ужасом жизни? Что делает смерть врагом и не позволяет нам легко принять ее?

Упущенная жизнь. Точнее сказать, упущенные в многочисленных жизненных ситуациях возможности

любить,

действовать,

страдать.

Это в точности соответствует трем "столбовым дорогам к смыслу" по Франклу - ценностям переживания прекрасного, творческим ценностям и ценностям личных жизненных установок.

Смерть становится страшной, если человек ощущает, что жизнь еще не постигнута, еще не охвачена во всей своей полноте. Смерть приходит слишком рано, когда все, что произошло до этого, жизнью назвать нельзя. До тех пор, пока не утолена жажда жизни, человек внутренне восстает, не желая умирать от жажды.

Хуже всего, если жизнь упущена по собственной вине. Каждое упущенное мгновение содержит в себе нечто важное, правильное, достойное того, чтобы это воплощать и отстаивать.

Упускать жизнь можно по-разному и по разным причинам.

Одни люди упускают возможность жить из-за того, что слишком ориентированы на стабильность, надежность и определенность. Незнание времени часа смерти становится невыносимой, поскольку время ухода из жизни неподвластно их контролю.

Другие больше жизни озабочены тем, отчего они могут умереть. На самом деле бояться можно всего - продуктов и воздуха, рака и атомной энергии. Здесь, конечно, многое можно сделать, чтобы уменьшить опасность. Но смысл жизни состоит не только в предотвращении зла, но и в жизни ради доброго, ценного.

Кто-то испытывает страх перед болью и страданиями, которыми сопровождается смерть. Но разбе и в этом случае не содержится возможности для обретения смысла без необходимости приукрашивать реальность? Быть может, кто-то знаком со страданием не только как с чем-то ужасным, но и как с тем, что несмотря на всю свою тяжесть способствует личностному развитию? Тот, кто приобрел подобный опыт, вероятно, сможет с большей надеждой вступить в последнюю фазу жизни.

Кого-то больше всего заботит расставание с родными и близкими: дети еще совсем малы, или, может, только пришла новая любовь. Однако в экзистенциальном аспекте можно задать вопрос: а был ли я прежде по-настоящему близок с дорогими людьми? Большого мы сделать не можем, но это можем вполне. Мы можем сделать наши встречи и наше общение более глубокими, если будем жить с осознанием безвозвратности и уникальности каждого мгновения, если мы иногда будем думать о том, что бы мы сказали или сделали, если бы знали, что это была наша последняя встреча...

Возможно, такой взгляд поможет осознать, что есть еще что-то незавершенное, что еще нужно было бы делать сейчас, иначе однажды станет поздно.

Итак, всегда существуют причины для страха, возможность неудачи, напряжение и боль. Это часть жизни. Но - не ее суть. Экзистенциальная опасность заключается в той внутренней позиции, с которой мы проживаем день за днем. Если нам не удастся переplавить боль потерь в духовную силу и благодаря этому расти, становиться сильнее неотъемлемую часть жизни, то мы упускаем жизнь. Мы упускаем смысл жизни, упускаем возможность жить целостно, что означает жить в соответствии с реальностью, в согласии с тем, что существует или может существовать в действительности. Нам следует воспринимать опасное и мучительное точно так же, как обнадеживающее и возделенное. Идти по жизни с открытыми глазами - признак экзистенциальной зрелости.

Большого мы сделать не можем, но большего мы делать и не должны. Жизнь имеет свое течение, и мир следует своим путем - и я тоже должен следовать только своим путем.

Отклонение от смысловой структуры жизни может вылиться в чувство страха и прочие психические нарушения. Чаще всего в основе таких нарушений лежат жизненные переживания, которые человек не в силах выдержать и преодолеть. За ними скрываются базисные установки, связанные с нарушенным восприятием того, что дает нам опору в жизни, неадекватным пониманием ценностей, восприимчивостью к подлинной встрече с другими людьми и отсутствием видения возможностей для своего развития в будущем.

Жить полной жизнью означает по мере своих сил и возможностей вовлекаться в каждую ситуацию. Однако при этом главное не то, что мы делаем чем-то занимаемся, а то, что имеемся нечно, ощущаемое нами как несущее смысл. Чем больше осмысленно прожитых жизненных ситуаций, тем более состоявшейся в конечном итоге становится жизнь.

Почему смерть должна пугать меня, если я исчерпывающе прожил жизнь в каждом ее мгновении? Чего я должен бояться, если я не укрываюсь от проживших и предожженных жизни? И дело не в том, что смерть станет в результате более благосклонной. Наверное, иногда она может быть для нас другом и забывателем, но точно так же она может внезапно мучительно уничтожить нашу жизнь. Определенная боязнь того, как именно наступит смерть, вероятно, всегда сохранится. Однако разрушительную силу, пронизывающую жизнь, смерть утрачивает, если человек живет с осознанием реальных возможностей, которые всегда представляет жизнь. Эта воля к осмысленной, полноценной жизни представляет собой движущую силу, нереализованность которой скрывается в страхе смерти.

Но этим страх смерти полностью не объясняется, потому что нам не известен в точности предмет страха. Собственно говоря, смерть - только символ чего-то, лежащего глубже. В глубине души страх перед смертью предстает как страх перед "ничто". То есть страх смерти - это страх "не быть" или же страх перед ничемностью своей жизни. Таким образом, страх смерти может быть связан с ощущаемой пустотой жизни.

Сам непостижимый факт, что я почему-то появился на свет, наводит на мысль, что это, по-видимому, должен иметь какое-то значение. Однако этот "онтологический смысл" моего бытия я могу понять лишь частично. Ибо смысл, который нечно имеет просто потому, что оно есть, может быть известен, собственно говоря, только его создателю. Этот мир создан не нами, и поэтому нам не дано знать, почему он существует и почему так устроен, почему существует, и почему существуют беды, болезни и несчастья. Вопрос об "онтологическом смысле" не является "делом" человека. Ответ на него, наверное, можно попытаться найти в философии, но, по сути, он относится к особой области религий. Религии дают знание, которое выходит за пределы объективного знания людей.

Поэтому мы не можем точно сказать, какой смысл имеет наше собственное бытие. Мы можем в этот смысл только поверить. Мы несем в себе чувство, что мы здесь не просто так, и потому очень трудно согласиться с мыслью, что жизнь была прожита впустую.

Если осмысленная жизнь не удалась, явное противоречие между интуитивным пониманием бытия и реально прожитой жизнью порождает отчаяние.

В тягостном сознании того, что прожитая жизнь была бедна смыслом или вообще лишена его, появляется ощущение "экзистенциального вакуума", которое слово и попытка зияет посреди прожигающей за эмиссии различными занятиями жизни. Хотя имеем все для того, чтобы жить, но нет того, ради чего жить. Это представляет собой типичное чувство "экзистенциальной фрустрации". Если человек пытается изо дня в день избавиться от пустоты и скуки, и все же продолжает от них страдать, то насколько ужасной тогда должна быть для него смерть? Не будет ли он тогда воспринимать ее как концентрированное выражение своей непрожитой жизни, как абсолютное "ничто"?

В связи с этим можно понять, почему человек пытается вытеснить "ничто" смертью. Подточенный смысловой пустотой, он избегает всего, что в его предстательстве может символизировать "пустоту" - пустой квартиры, пустых отношений, а также покоя или смерти. Но вытесненная смерть по-настоящему делает жизнь лишенной смысла. И мы можем избежать ничтожности своего существования, вытеснив "ничто" жизнь. Однако это "для чего" никогда нельзя сделать или сконструировать самому. Оно уже имееется - его нужно только найти. Смыслом не может быть все что угодно - это всегда определенная возможность, которая имеет ценность и, будучи реализованной, навсегда сохраняется в прошлом прожитой жизни. И эта возможность также только тогда обретает смысл, когда она подходит данному человеку.

Ни успокаивающие фантазии, ни хорошо продуманные ценностные суждения не позволяют избежать отчаяния. Покончить с "экзистенциальным вакуумом" может только решительный и активный реализм, при котором тот факт, что человек смертен, не вытесняется, а расценивается как один из основополагающих элементов жизни. Если же этого не происходит, то тогда мы не живем, а грезим.

И действительно: смерть не является чуждой жизни, она не представляет собой ничего враждебного жизни. Она делает жизнь возможной и относится к жизни, как ко всему возникающему, развивающемуся и исчезающему. "Едва только человек появляется на свет, он уже достаточно стар для того, чтобы умер", - утверждал богемский поэт Аккерманн. Мы должны оставить детское представление о том, что будем жить вечно. Эта иллюзия мешает нам жить по-настоящему. Если мы хотим действительно жить, то должны осознать новую позицию по отношению к жизни: с самого начала наша жизнь конечна!

И тогда мы сможем наконец начать жить!

Ибо только принимая во внимание конечность жизни, мы постигаем ее неповторимость.

Разумеется, жизнь не наполняется смыслом благодаря своей продолжительности - точно так же, как качество биографии не зависит от количества страниц в книге, ее описывающей, как однажды сказал Виктор Франкл.

В конечном счете мы сможем сказать: если был человек был бессмертен, ему не нужно было бы искать смысл. Он был бы совершенен. Он мог бы сохранять свой покой и быть при этом вполне довольным собой. У него всегда было бы время для того, чтобы что-то сделать - сегодня, завтра, через тысячу лет. Но поскольку это не так, в каждой ситуации есть "время" для чего-то, ироиздающе "высшее время". Ибо каждая ситуация уникальна. Поменять в ней что-либо потом человек уже не сможет.

Если мы действительно сознаем, что далеко не всегда располагаем временем и что необходимо использовать каждый момент, пока он не исчез и вместе с ним не исчезла часть нашей жизни, то тогда мы находимся в исходной экзистенциальной позиции. Речь идет об исходной позиции для осмысленной жизни.

Итак, если мы сознаем, что каждая ситуация неповторима и уникальна и что каждый человек уникален и неповторим, то речь может идти только о том, чтобы действовать в соответствии с этим. Сущность бытия может состоять только в том, чтобы подняться над преходящим и предявить жизни себя во всей своей уникальности. Это можно выразить следующим образом: "Быть человеком - значит быть постоянно открытым запросам жизни, а жить - значит давать ответ на ее запросы".

Если человек хочет жить осмысленно, то он нуждается в такой открытости, он должен позволить жизни "запрашивать себя". А далее человек должен выбрать одну из возможностей, представляющуюся ему лучшей, и сказать ей "да", поскольку она никогда уже не повторится.

Такой подход в наше время не очень популярен. Чаще считают, что жизнь состоит в том, чтобы успеть удовлетворить как можно больше потребностей, что только тот, кто имеет определенные требования к жизни, получает что-то от нее. Однако когда человек попадает в эту опасную западню ожиданий с девизом "Жизнь должна мне", то все очень легко может стать бессмысленным. Ибо пассивно ожидая, что жизнь однажды исполнит его желания, человек утрачивает активность и жизнелюбие, которые позволяют ему находить смысл.

Экзистенциальный подход в корне противоположен этому. Мы постигаем полный смысл жизни только благодаря радикальному повороту на 180° нашей позиции по отношению к жизни: не "жизнь должна удовлетворить мои запросы", а "я сам должен соответствовать ее запросам". Не различные заранее данных ценности делает жизнь осмысленной. Главная предпосылка осмысленной жизни возникает внутри человека: она заключается в его внутреннем отношении к жизни. И именно изменение внутреннего отношения к жизни часто позволяет нам увидеть совершенно иные ценности.

Следовательно, если с позиции психотерапевта, а не пастыря (такой подход тоже имеется), спрашивать, что является ключом к осмысленной жизни (и следовательно, как обрести способность без страха встретить смерть), то исходной точкой и главной предпосылкой оказывается готовность быть открытым жизни, принимать запросы жизни. Благодаря этому человек открыт всему, что есть, и потенциально может быть в мире.

Человек также открыт ценностям - тому, что говорят его чувства о мире, о нем самом, о том, что он воспринимает, проживает и делает.

Кроме того, человек открыт для собственной созидательной энергии, которая конкретизируется в воле и находит окончательное выражение в следовании принятому решению. Эта творческая энергия позволяет человеку изо дня в день задавать себе самые важные вопросы и отвечать на них.

Наконец, человек открыт будущему: тому, что может произойти благодаря ему самому, что он должен или может сделать, кем он сам может стать, что может принести ему прекрасные переживания. Это означает открытость будущему, общему для всех людей, рядом с которыми человек живет и в судьбе которых он неизбежно участвует, а поэтому и должен участвовать.

Это - экзистенциальный смысл. Существует этот смысл или нет - зависит от самого человека. Это та область, где человек творчески участвует в смысле структуре бытия. Наше бытие становится по-настоящему полным, только если мы сами формируем его, привносим в него свою личную духовную энергию, принимаем его в свой внутренний мир и отдаем ему свои мысли и чувства, свою способность любить и страдать.

Только тогда мы действительно живём. |

ИСКУССТВО БЫТЬ*борис братусь**- заведующий кафедрой общей психологии факультета психологии МГУ, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования.*

Альфред Лэнгле - замечательный австрийский психолог и психотерапевт, профессор, директор Венского института экзистенциального анализа и логотерапии, ученик, ближайший сотрудник и преемник основателя логотерапии Виктора Франкла.

Появление логотерапии тесно связано с величайшей трагедией XX века - второй мировой войной, когда, казалось бы, беспросветная ночь разума опустилась на Европу, торжествовала варварская идеология, которой с поразительной легкостью поддавались многие тысячи людей и целые народы. За несколько десятилетий до появления Гитлера Салтыков-Щедрин сказал слова, оказавшие столь пророческими: "Пришел бандит и, не долго думая, взял да и погасил огонь мысли. Он ничего не страшился, ни современников, ни потомков, и с одинаковым неразумением накладывал гасильник и на отдельные человеческие жизни, и на общее течение ее. Успех такого рода извергов - одна из ужаснейших тайн истории; но раз эта тайна прокралась в мир, все существующее, конкретное и отвлеченное, реальное и фантастическое - все покоряется гнету ее".

Именно тогда, во тьме этой "тайны беззакония", родилась логотерапия в голове и душе рядового заключенного фашистского концлагеря смерти, которым был венский психиатр, психолог и психотерапевт Виктор Франкл. Одним из толчков к этому стала гипотеза другого венского психиатра, психолога и психотерапевта - Зигмунда Фрейда, согласно которой люди, столь очевидно различающиеся по внешним манерам, воспитанию, привычкам и причудам, непременно станут одинаковыми, если их поместить на длительное время в крайне жесткие, бесчеловечные условия. И тогда облетят все фиговые листочки цивилизации и останутся одни "базовые инстинкты" яростной борьбы за выживание. Франкл находился сейчас именно в таких условиях. Более того - его ждала смерть в газовой камере, которая для него, узника-еврея, была неизбежна. И вокруг люди были в тех же жестоких условиях. Но они не стали все одинаковыми, не потеряли всей своей человеческой сути. Фрейд - ошибся!

Но что же делало людей разными и - главное - что удерживало их человеческую жизнь и сознание в этом аду? Ответ Франкла: удерживал их особый, только им - каждому в отдельности - присущий внутренний смысл, найденный и исповедуемый ими, тот путеводный, защищаемый всеми силами души огонек, пусть маленький и зыбкий, как свеча на ветру, но который светил им в этой тьме. Франкл, например, продумывал шаг за шагом свою теорию и представлял, как после войны будет докладывать ее в зале Венского психотерапевтического общества (том самом, в котором когда-то выступал и Фрейд) и как он скажет, в частности, об ошибке Фрейда. И это - напомним - в жуткой повседневности лагеря смерти, где твое будущее предопределено, где ты не человек, а порядковый номер.

Много лет спустя, в 1986 году, Виктор Франкл приедет в Москву, будет с триумфом принят на психологическом факультете МГУ, где ему среди многих других зададут и такой вопрос: "Поделитесь, пожалуйста, секретом - каким образом вам удалось так сохранить молодость?". Франклу было тогда за восемьдесят, но он был удивительно бодр, ясен, остроумен, точен в движениях. Франкл засмеялся и ответил, что если и есть секрет, то он прост - вовремя ухватиться за сильную, великую идею. Огонек смысла стал светом жизни...

Но тогда, во время войны, да и сразу после нее, было не до пафоса и триумфа. Несмотря на великую победу над фашизмом остались незалеченными раны потерь и глубокое разочарование в человеке, его истинных намерениях и морали. Если такая война, такая идеология оказались возможными, то каковы же перспективы человека, в чем теперь основы и гарантии его будущего? Даже традиционная вера у многих была глубоко поколеблена, поставлена под вопрос, требовала каких-то новых обоснований (достаточно вспомнить название одной из статей того времени - "Понятие Бога после Освенцима").

И вот тогда, в послевоенные годы, учение с труднопроизносимым названием **экзистенциализм**, заложенное еще в начале XX века в России (Бердяев, Шестов), в разработке которого принимали участие такие корифеи, как Ясперс, Хайдеггер, Сартр, Бубер, Марсель и другие, стало получать распространение среди образованных людей на Западе. Исходным стало понятие "экзистенции" (существования) - того состояния, что лежит в основе бытия человека и остается при всех возможных перипетиях внешнего мира. Экзистенциализм отвечал, резонировал с тогдашними умонастроениями, поисками опоры в разоренном внутреннем мире. Но до начала этих поисков конкретному человеку, вышедшему из мясорубки войны, надо было просто ощупать самого себя, понять, что он жив, цел, уцелел, что он может видеть, слышать, дышать, мыслить несмотря на всю проявленную к нему несправедливость, злобу и враждебность. Предстояло как бы заново освоить пространство своего существования, открыть его для себя не как умственную, интеллектуальную или идеологическую реальность, а как переживаемый чувственно, душой и телом факт, как жизнь.

Свобода, познание, ответственность так же требовали своего переоткрытия, освоения не в качестве только отвлеченных философских категорий, но как индивидуально-психологические, бытийно-переживаемые реалии, сама возможность которых была поставлена войной под вопрос. Одной "чистой философией" было уже не обойтись. Философия должна была опереться, начать с психологии, рассуждения о жизни - с самой жизни. И здесь опыт и воззрения Франкла оказались не просто к месту, но жизненно, экзистенциально важными для многих людей. Его статьи, книги, идеи стали широко распространяться сначала в Европе, затем в Америке.

Прорывались они в шестидесятых годах и сквозь решетку "железного занавеса" в Советский Союз. Помню самиздатский слепой текст на папиросной бумаге и потрясший меня простотой и ясностью пример значимости смысла: помощь, оказанная Франклом пожилому врачу, находящемуся в глубокой депрессии после смерти горячо любимой жены. Франкл спрашивает в беседе: "А что было бы, если бы вы умерли раньше ее?" "О, - восклицает доктор, - для нее это было бы ужасно, она бы так страдала". "Вот видите, - говорит Франкл, - теперь вы страдаете за нее, вы взяли на себя ее страдания". Нельзя вернуть потерю, нельзя изменить ситуацию, но найденный смысл способен ее преобразить, придать цену и ценность.

Возвращаясь к экзистенциальной концепции и, разумеется, поневоле ее здесь упрощая, можно сказать, что вопрос о смысле жизни возникает прежде всего в кризисных или, как предпочитал говорить Ясперс, "пограничных ситуациях", в периоды глубочайших потрясений. Именно тогда возможен прорыв к подлинному бытию, которое всегда является глубоко личностным, а не объективно-предметным. Поэтому прообраз отношения к бытию Марсель видел в личном отношении к другому человеку, и бытие тогда предстает не безличным "оно", а "ты", с которым человек взаимодействует, к которому он может осуществить прорыв, как он осуществляет прорыв к другому человеку прежде всего через отношение любви. Прорыв этот, как уже говорилось, осуществляется не одним умствованием, а всем существом человека. Соотнося это с религиозным пониманием, Федор Степун писал в 1940 году: "Сущность положительной экзистенциальной философии заключается... в обновлении старого убеждения, что полнота истины открывается человеку не как отвлеченно мыслящему субъекту, а как целостно, то есть религиозно живущему существу". Степун при этом ссылается на слова классика экзистенциализма Ясперса: "То, что мы в мифических терминах называем душой и Богом, именуется на философском языке экзистенциальностью и трансцендентностью".

Так или иначе мир объективности, где все измеряемо и взвешиваемо, и мир личностный - безмерный, трансцендентный - построены на принципиально разных основаниях, и первый непрестанно вопрошает и грозит разрушить второй. Экзистенциальная коммуникация, человеческое бытие в этом плане существуют не благодаря, а вопреки давлению внешней объективности как постоянный ответ на это давление, как "мужество быть". Человек должен научиться жить и любить несмотря на сознание хрупкости и конечности жизни и любви, которое способно не покидать даже в минуты полного покоя и счастья - некая печаль и горечь неизбежности утраты, заклинание "о, если б навеки так было". Но именно это и придает щемящую человечность, неповторимую окраску, мелодию, значимость моменту, ощущение его как дара и благодати.

Разумеется, жизнь состоит отнюдь не из одних кризисных, пограничных ситуаций, она разноразлична не только высоко трагедию, но и другие жанры - драму, пьесу, фарс, водевил, поэтому поиски смысла или, как говорил А.Н. Леонтьев, - "задача на смысл", может иметь разную остроту, степень выраженности, насыщенности. В какие-то периоды она выдвигается на первый план, в какие-то затухает, оттесняется иными задачами. Отсюда - практическая востребованность экзистенциального подхода в психотерапии может быть весьма различной как в индивидуальной, так и в социальной общественной жизни. Есть, например, эпохи, которые определяются как героические, трагические, а есть эпохи безвременья, застоя, упадка, есть времена и общества устоявшиеся, стабильные, есть - нестабильные, ломкие. Казалось бы, проблема обретения и защиты смысла должна являться насущной и острой только для героических и переломных эпох. Какие, например, муки смыслоискательства могут быть в развитом обществе потребления и комфорта.

Эти рассуждения были бы верны, если бы не одно обстоятельство: поиск смысла жизни необходим для самой жизни человека, это не факультативная, дополнительная, а фундаментальная потребность, сущностная черта, которую, следовательно, нельзя отнять без ущерба самой этой сущности. И общество потребления, эпоха благополучия на Западе подтвердили это, было отмечено распространение так называемых экзистенциальных неврозов, неврозов смысла жизни, порожденных тем явлением, которое Франкл назвал "экзистенциальным вакуумом" - внутренней смысловой пустотой, которая обезцвечивает жизнь и несмотря даже на полное внешнее благополучие приводит человека к депрессии, наркомании, различным средствам ухода от жизни. Логотерапия, следовательно, всегда, в любые периоды - и внешне благополучные, и трудные, - может быть востребована, использована как помощник человека в обретении им смысла - того особого, уникального, именно ему нужного смысла, без которого жизнь лишается стержня, вкуса, радости - в конечном счете - самой жизненности..

И тем не менее несмотря на всю сложность и жизненность экзистенциальный анализ является отнюдь не самым популярным видом терапевтической помощи. Первенство на Западе прочно удерживает психоанализ и поведенческая психотерапия (бихевиоризм). Не касаясь других причин этого, отметим одну, но едва ли не главную. Логотерапия подразумевает в качестве цели "мужество быть", не прячась, отвечать на нелегкие вопросы жизни. Логотерапия ставит задачей не приспособление к обществу, а самостояние человека, обретение внутреннего смыслового мира, способного отвечать, взаимодействовать, а когда надо, то и противостоять внешним давлениям. А это отнюдь не простая позиция, отнюдь не легкий путь, и немудрено, что немногие его выбирают и следуют ему, особенно когда вокруг столько соблазнительных обещаний быстрого и легкого решения всех проблем и возвращения к привычной позиции "как все", к пути погоня за общепринятым успехом.

Сегодня логотерапия - направление уже не только западной, но и отечественной практической психологии. Особая заслуга в этом, безусловно, принадлежит профессору Лэнгле. Несколько лет он приезжает в Москву, ведет семинары, читает лекции, которые, по моим наблюдениям, всегда вызывают какой-то особый резонанс у слушателей. Думаю, это не случайно: экзистенциализм имеет русские корни, но главное - это глубоко резонирующее с нашим менталитетом внимание к внутреннему миру человека, его истинному бытию. |

КОГДА ДЕТИ ДЕЛАЮТ ТО, ЧТО ДЕЛАТЬ НЕ НУЖНО

наталья андрейченко

Одна из моих героинь, отвечая на такие вопросы, говорила так: "Я не могу дать никаких рекомендаций". Это была Мэри Поппинс. Все случаи разные, отношения у всех с детьми разные, дети все в конце концов разные - один должен обрести собственный опыт и проделать все глупости и гадости, которые решил проделать. Другому этот опыт не нужен вовсе. Хотя личный опыт ничем не заменить. Со своими детьми я всегда любила сочетать профилактику с шокоотерапией. Объясняла, почему не надо пускаться в эксперименты, но и не мешала экспериментам. Иногда даже, что греха таить, помогала им. Мой сын в год и восемь месяцев взял сигарету и сказал, что будет курить. Дело было на съемках фильма "Мэри Поппинс, до свиданья!". А я сказала, что это все не игрушки, и курить, если курить, надо по-настоящему. И дала ему затянуться. Как он, бедный, кашлял, как ругался, как на меня обижался! Я была непреклонна и утверждала, что по-настоящему курят так, глубоко затягиваясь. А если нет, так нечего и товар переводить. Сейчас он уже взрослый, но табак так и не курит. Хотя вообще родительские провокации дело - рискованное, я же говорю, сын на меня обижался. Наверное, я склонна действовать по старинке, но мне кажется, что глупости не свойственны тем, кто занят. Потому что дела, работа, ответственность человека облагораживают. Моя младшая дочка Настя полгода назад вопреки всем моим запретам завела кота и собаку. Мы очень любим животных, у нас на ферме в Австрии живут 25 кошек и 3 собаки. Но в большом городе, в Лос-Анджелесе... Однако теперь Настя из школы опрометью несетя домой - кормить и выгуливать своих друзей. Еще она занимается музыкой. У Насти просто физически отсутствует время для экспериментов. Но ведь и занятие времени и головы еще не все. Скажем, наркотики, они скорее от пустоты внутренней. Значит, у человека должна быть ответственность, он должен нести ношу, которую, кроме него, никто нести не может. И знать, что никто ее нести и не поможет. Ведь под "тем, что не нужно делать" мы должны подразумевать не только опасности, прямо грозящие нашим детям, но и то, что сами наши дети могут становиться угрозой. Подлости, пусть мелкие, - это ведь тоже из "зоны риска". Сходящая с рук подлость развращает человека, а родители могут, между прочим, о ней никогда и не узнать... Получается, что куда важнее заложить в ребенка нормальную систему ценностей, представление о безусловных истинах. И вот тут я почти теряюсь. В нашем мире, в нашей цивилизации, столько понятий было отменено, столько подменено... Кто сейчас без запинки ответит на вопросы: "Способны ли вы на жертву ради любимого?", "Что есть преданность?", "Что такое служение?", "Что - измена?"... Веками мир держался на взаимном доверии поколений, отсюда и понятие "родительское благословение". Многие ли и сейчас без усмешек произнесут эти слова? А ведь это как раз то, что как бы выверяло поступки перед лицом ценностей непреходящих, передающихся из поколения в поколение. Но знаете, я не думаю, что, если ребенок угодил в "зону риска", родители должны лишь предостерегать и, что называется, "воспитывать". Тут как бы врагом не стать. А надо быть другом. С нашей помощью ребенок должен осознать, что мир огромен, в нем много шансов и у всего в жизни есть альтернатива. Человек имеет право на многовариантный мир. Осознание этого права и дает возможность выбрать правильный путь. Это легче сделать, когда точно знаешь, что он есть. |

РЕЦЕПТ НЕТЕРПИМОСТИ

светлана крицова

психолог по призванию, профессии, судьбе; ведущий мастер в области практической психологии образования, она успешно владеет экзистенциальным анализом мира детских переживаний и психотехническим ремеслом. Бессменный научный руководитель психологического центра "Генезис". Мама, влюбленная в свою восьмилетнюю дочь.

Вечное зло и последняя опора

В 1916 году в истории кинематографии произошло поворотное, если верить "Кинословарию", событие. Известный и преуспевающий американский кинорежиссер Дэвид Йорк Гриффит на пике своей режиссерской карьеры задумал и на собственные деньги снял фильм, который не только показал новые масштабы немого кино и поразил разнообразием новых выразительных технических приемов, но и затронул важную и непростую тему, она, собственно, и отражена в названии фильма - "Нетерпимость". Много лет назад я увидела его в московском "Иллюзионе" и до сих пор хорошо помню трогательные истории, драматические развязки, нарастающее к концу сеанса чувство безысходности и трагизма. Четыре истории сменяют друг друга - одновременно предельно разные и очень похожие. Их герои живут в разных странах и в разные времена: древний Вавилон, евангельская Иудея, средневековая Франция и современная Австрия Америка 1910-х годов. Темп рассказа нарастает, одна за другой, такие разные, истории стремительно движутся к трагическим финалам - человеческая нетерпимость приводит к гибели героев. Фильм динамичен и дидактически прост: нетерпимость - вечное зло, которое отравляло жизнь людей во все времена и в разных странах. Хотя фильм был чрезвычайно важен для самого Гриффита, культового кино не получилось, фильм провалился в прокате. Почему-то мне кажется, что сегодня такое кино постигла бы та же участь. Ибо нетерпимость оказывается сегодня единственной опорой для многих и многих людей. Боюсь, и для меня эта проблема существует тоже.

Быть терпимым может лишь тот, кто защищен

Три года назад я была в Вене на конгрессе по психотерапии и хорошо запомнила тихий, окраинный район города, в котором жил знакомый психотерапевт. Зеленый ухоженный скверик у метро, небелая оригинальная скульптурная композиция в центре, чистые улицы, тихо и мило. Оказавшись в том же месте этим летом, я была неприятно поражена тем, как изменился облик района. Дело в том, что скверик у метро стал турецким. Два десятка турецких детей носились по нему с криком и гиканьем, турчанки в белых платках готовили прямо на улице национальную еду, мужчины-турки громко что-то обсуждали. Их было так много, они так шумели, что мне все это, честно говоря, не понравилось. Точнее говоря, эта картина напугала меня. И вот, обращаясь к своему приятелю-венцу, я озабоченно спросила: что же это делается? И услышала совершенно неожиданный ответ: "А что плохого? Мы им очень благодарны, турки делают в Австрии всю черную работу, строят, убирают. Сами-то австрийцы желают этого не хотят". Так я неожиданно столкнулась с толерантностью к мусульманам. И она, если быть совсем честной, не вызвала у меня воодушевления, скорее недоумение. "Как мы все-таки отличаемся от европейцев", - подумала я.

Сегодня, размышляя о психологических предпосылках зарождения и развития феномена межнациональной, да и шире - любой терпимости, или, как принято говорить ныне, "толерантного сознания", - я не случайно вспомнила о своих первых и последующих впечатлениях о милой спокойной Австрии. "Спокойная и безопасная" - именно это впечатление затмило все другие: на улицах, особенно на проезжей части, ночью, в магазинах, в столице и в провинции - везде присутствовала атмосфера уважительной заботы о тебе. Умом я понимала, что так не может быть, но, увидев в центре Вены под кустом в сквере жующего травку кролика, ощутила детскую жгучую зависть к жителям этого города и подумала, что так защищенно не чувствовала себя, наверное, со времен детского сада.

Пожалуй, привычное базовое чувство "я защищен" - одна из важнейших предпосылок, позволяющая быть толерантным. И, наоборот, нетерпимость - это попытка справиться со своими тревогой, страхом, неуверенностью как реакцией на "незащищенность". Центральный фактор, порождающий нетерпимость, - страх и тревога. Часто они - адекватное отражение реальных обстоятельств - угрозы, ущемления прав или агрессии. Однако точно так же страх и тревога могут быть воображаемыми, ведь переживание чужого не всегда адекватно отражает реальное положение дел. Одни люди более пругливы, чем другие. Некоторые скорее чувствуют неуверенность и потерю опоры, в то время как других не так легко "вышибить из седла". Можно с уверенностью предположить, что проблем, связанных с нетерпимостью и предубеждением, больше у людей, которые с трудом находят опоры в жизни, часто чувствуют себя "проваливающимися". Отчего это бывает? Это одна из самых больших загадок психологии личности. Есть факты в пользу того, что с этим нужно родиться: человеческая эмоциональная, укорененная в физиологии и генетически заданная, создает серьезные предпосылки для того, чтобы страх возникал быстрее или медленнее, а вслед за ним и определенный тип реагирования, с помощью которого человек защищается от непонятного или страшного. В психоаналитических подходах "пугливость" и хронические переживания незащищенности связывают с неблагоприятными отношениями с матерью в раннем детстве, с психологической травмой. В более глубоком, экзистенциально-аналитическом подходе роль ранних отношений не считается главной в процессе возникновения базового доверия к миру. Доверие рассматривается как решение человека самому заботиться об опорах и готовность находить их в окружающих обстоятельствах, большое внимание уделяется духовным опорам, помогающим выстоять в самых тяжелых обстоятельствах. Этот процесс требует большой и упорной личностной работы, в то время как ненависть и нетерпимость возникают как бы сами собой, никаких душевных усилий не требуют, это спонтанные защитные механизмы, не имеющие отношения к человеческому в человеке.

Страх очень эффективный воспитатель, образы врага, неосознанно подкрепляемые страхом и ненавистью, превращаются в глубочайшие предубеждения, часто минуя стадию осознания.

Толерантность, напротив, естественна тогда, когда человек ощущает привычную безопасность. Эта мысль не нова и подтверждается, например, тем фактом, что толерантность - одна из главных ценностей либерального сознания, то есть идеологии среднего класса, людей материально и социально защищенных, тех, которые могут ее, эту толерантность, себе позволить.

Кстати, именно потому, что психологические механизмы рождения в человеке нетерпимости связаны с глубинными личностными структурами, непростой задачей становится и поиск адекватных программ ее профилактики. В документах ООН толкуют о "воспитании в духе толерантности", которое начинается с разъяснения общих прав и свобод и заканчивается призывами противодействовать страху и отчуждению по отношению к другим. Американские программы формирования толерантных установок сознания тоже содержат скорее набор конструктивных концепций, то есть все же информацию интеллектуальную, но ведь бояться и ненавидят люди не головой. То место в душе, где живет человеческий страх, человеческая неуверенность и недоверие к миру, находится так глубоко, что ни в малой степени не контролируется нашим сознанием.

Следовательно, чтобы разобраться с происхождением ненависти и нетерпимости, важно понять природу тревоги и страха, а также разгадать загадку того, как человек справляется с ними. А для этого придется обратиться не к когнитивной, а к глубинной психологии.

Рецепт развития в человеке нетерпимости и враждебности

Живет в Германии прекрасный детский писатель Микаэль Энде. Его книги для детей - готовые психотерапевтические новеллы, которые с интересом читают и дети, и взрослые. В одной совсем простой истории для малышей злой колдун Бредовредом и его тетка колдунья Тириания пытаются создавать волшебные этикетки, которые приносят жителям города разные несчастья, а Кот и Ворон, живущие у этих персонажей на правах домашних любимцев, потихонечку исправляют то зло, которое неудачливые колдуны творят. Попробуем сейчас и мы создать рецепт волшебного напитка для получения массового бытового нетерпимости и сопровождающих ее качеств. Придется побить некоторое время циничными и злыми, руководствуясь **необходимостью понять суть изучаемого нами симптома. В самом деле еще** Петр Яковлевич Гальперин, автор великой теории планомерного формирования умственных действий и понятий, говорил: если нам удастся систематически получать желаемый феномен с желаемыми свойствами, создавая при этом определенную систему условий, следовательно, мы постигли природу этого феномена и можем описать его психологические механизмы.

В основу рецепта, конечно, следует положить постоянно испытываемую тревогу или пережитую травму (большой страх). Для этого подходят потеря средств к существованию, потеря работы, война, террористический акт, который касается тебя лично, страх потерять близкого человека, угроза жизни ребенка и т.д. Подойдет все, что вызовет в нас острое чувство своей малости, беспомощности и "дрожащей тварности" перед лицом смерти, нищеты и болезней. Однако этого, к сожалению, недостаточно, чтобы получить стопроцентный результат. Все это потому, что речь идет об эмоциональном мире человека, где нет ничего, напрямую связанного с реальным положением его дел.

Конечно, есть люди, которые "легко пугаются", быстро впадают в отчаяние, постоянно чувствуют существенную беспомощность, с чем бы им ни приходилось сталкиваться, для них и придумывать ничего особенного не нужно, они найдут повод для нетерпимости даже внутри самой обеспеченной и безопасной жизни. Но ведь есть и другие. Несмотря на не слишком крепкое здоровье или на отсутствие бытовых тылов проявляют они поразительно жизнестойкость и не высказывают претензий ни миру, ни судьбе, сохраняя завидное миролюбие. Для этих упрямяцев нужен напиток, замешанный на предательстве или на адресной, направленной именно на них агрессии. Такая основа особенно жестоко проверяет на прочность их самое большое достояние - абсолютное доверие к миру.

Вторым ингредиентом этого зловещего напитка придется сделать нечто, что до предела сузит, сократит и выхолостит сферу хороших чувств.

Когда человека почти ничего не радует, когда ему ничего не нравится, когда нет у него повода для теплой улыбки, возможно, он уже на пути к нетерпимости. В предельной, патологической, ситуации в человеческих чувствах происходит как бы смена полюсов: все, что радует, опустошает теплом и жизнью здорового происхождения, у невротика вызывает злость и осуждение. Напротив, все, что вызывает отвращение, тошноту и безразличие у человека нормального, притягивает невротика. Такие патологические изменения в эмоциональной сфере характерны для фанатизма - крайней степени нетерпимости. **Эрик Фромм**, анализируя психологию Гитлера, назвал его диагнозом некрофилии, любовью к смерти.

Вернемся к задаче формирования бытового нетерпимости у обычных людей, для этого достаточно сделать с человеком нечто такое, чтобы он перестал получать удовольствие от того, что он делает и как живет. Так, как произошло это, например, в еще одной книге Микаэля Энде - "Момо". Злые существа, прикинувшись страховыми агентами Банка Времени, убедили людей огромного большого города отказаться от счастья. Люди начали все делать очень быстро, второпях и ...заскучали. Все из того, что когда-то так нравилось им, оказалось теперь не по средствам - некогда было любоваться закатыми и играть с детьми, мечтать перед сном и ходить в гости, ведь все это не имело практической пользы. А то, что они продолжали делать - теперь в быстром темпе, - перестало приносить удовлетворение. Люди превратились в живых роботов, равнодушных и легко управляемых.

Печальная история книги Микаэля Энде закончилась счастливо, но если бы мы были злыми волшебниками, то, проанализировав эту поучительную историю, попросту добавили бы в волшебный напиток спеckу, дефицит времени, сосредоточенность на одной прагматической цели, той, на которой сошелся клановый свет. Тогда бы у нас появился шанс превратить жизнь человека в серое, безрадостное существование или в черный тоннель с далеко впереди едва горящей целью. Тогда люди перестали бы спрашивать себя, нравится ли мне это или то, а просто делали нечто, как все, потому что это модно или потому, что нельзя не делать. Когда человек перестает ощущать свои "нравится" и "не нравится", когда он забывает себя, отторгает свои чувства, теряет близость с собой, мир его ценностей беднеет.

В этот самый момент в волшебный напиток следовало бы добавить **третью составляющую** - великую идею. Великая идея всегда базируется на чем-то хорошем, оттого она и великая. "Россия для русских", "коммунизм для трудящихся", "Царство Божие на земле для христиан" или же "... мусульман", "равные права женщин", "свобода слова", "справедливость" и многое-многое другое. Хочет того человек или нет, он вынужден как-то радоваться, проживать хорошие чувства. Когда это не удается сделать, наслаждаясь разнообразием того прекрасного и правильного, что мне особенно близко в окружающем меня мире, приходится довольствоваться эрзацами, этими мощными заменителями. Например, пивом, бьющими по нервам видеофильмами, запойным чтением дешевых романов.

Но наибольший эмоциональный подъем на фоне суженного, выхолощенного мира ценностей вызывает все, что связано с Великой идеей. Нестественная экзальтированная эмоциональность вызывается не живой жизнью, но некоторой концепцией, то есть все-таки чем-то абстрактным и, в общем-то, не существующим. Великая идея, кроме того, исключает необходимость обращаться к собственным чувствам - достаточно списаться с интрижками, из нее следующими. Конечно, при этом приходится распыляться удовольствиями, но людей убежденных это не останавливает.

В эксперименте крысы быстро обнаруживают в левом углу лабиринта сыр, а в правом - болевой удар током. Больше крысы не ходят в правый угол. При передельном условном рефлекса, когда сыр и ток меняют местами, крысы так же быстро обнаруживают, что теперь не стоит ходить в левый угол. Человек же может годами ходить в левый, получать удар током и упрямо повторять: здесь должен быть сыр! Итак, Великая идея:

- ➔ в неопределенной ситуации дает опору в виде принципов,
- ➔ заменяет многие радости жизни, навязательно подражательной получая специфическое наслаждение от собственной правоты, навязательно выдаваемой неправотой другого,
- ➔ в содержательном плане безупречна, так как проверена временем и описывает нечто действительно хорошее.

Это очень сильное чувство, но и оно не гарантирует стопроцентного результата злому колдуну Бредовреду и колдунье Тириании. Почему? Оказываясь, ни пережитое насилие или даже предательство, ни приверженность великой идее, ни вынужденный дефицит времени, ни даже депрессия не могут сделать человека нетерпимым. Не они обеспечивают стопроцентную гарантию колдовства в нашем мыслимом эксперименте. **Самой главной составляющей**, без которой все это не будет действенным, является сложнейшая система инстинктов, которая обеспечит нашим "испытуемым" сниженную самооценку: заставит их откатываться от привычки ориентироваться на свои собственные представления о плохом и хорошем и в каждой ситуации заново сверяться со своими чувствами, со своим впечатлением о том, что представляет собой данная конкретная ситуация "здесь и сейчас".

Без этой составляющей многие и многие люди не пройдут контрольного теста на нетерпимость. Эти непослушные испытуемые вопреки собственным страданиям и вопреки собственным инстинктам захотят даже и захотеть во всем статьям и сейчас быть просто врагом. Или еще хуже, они смогут посмотреть на мир его глазами и согласиться с его правом на правоту, таким же, как мое собственное. И все это они могут сделать без всякой выгоды, просто так, потому что так правильно. И когда этих упрямяцев спрашивают, кто сказал им эту чушь, они отвечают: совесть.

Совсем другая картина возникает перед нами при добавлении в состав напитка сложнейшего фармацевтического состава, снижающего самооценку. Он разрушает доверие к себе, делает человека очень зависимым от чужого мнения, заставляет думать о себе как о никчемном и плохом человеке и наконец лишает его Я - доступа к говорящей в нем совести, его Я глухнет. И вот тогда все остальные разрушительные составляющие начинают действовать в полную силу, и самый милый и тихий человек превращается в носорога: нетерпимого, толстокожего, упрямого и глухого. И чем ниже самооценку, тем более страшную картину мы получаем. Если злым волшебникам удастся отлучить детерминированного Я от собственной совести, они получат, то, что хотели - абсолютное человеческое личностное. Человека, который не свободен что-то изменить в своем отношении к миру и в самом этом мире. Конечно, разрушить Я непросто. Начинать нужно с детства и не пропускать ни малейшего отклонения от намеченного плана патологического развития личности ребенка. Во-первых, относиться к нему как пустому месту. Во-вторых, заставлять его самого не обращать на собственные потребности и нужды внимания. В-третьих, быть к нему чудовищно несправедливым: за хорошее ругать, за плохое хвалить, тем самым, заодно, перепутать в его голове все представления о хорошем и плохом. Постараться как можно чаще вызывать у него чувство вины, ругать не за ошибки, а за то, что он - такой, какой он есть. И, наконец, обесценивать все, что ему дорого. Убедить, что он законченный неудачник, и только вы сами можете руководить им по жизни.

Добиться всего этого достаточно сложно. Состав последнего ингредиента действует лишь после длительного приема - годами, и при раннем начале - с самого детства. Поэтому могут добиться желаемого результата. И в достаточно редких случаях. И это хорошо, иначе род человеческий, напоенный напитком нетерпимости, уже уничтожил бы сам себя. |

Что может противостоять нетерпимости? Дружба народов? Русское долготерпение? Миролюбие, которое и не долготерпение, но и не толерантность? Резистентность как жизнестойкость или как стрессоустойчивость? Умение и желание решать конфликты мирным путем? Готовность отстаивать свои права? Личностная позиция, в которой признается наиболее ценным право другого на не близкие мне ценности? Но тогда, может быть, это просто "нравственный релятивизм"? Что из этого следует развивать, формировать у молодого поколения как альтернативу нетерпимости?

НИТОЧКА ПОНИМАНИЯ

иосиф фурман

- постоянный автор нашего журнала, первокурсник факультета социологии Московского государственного педагогического университета

- Ты

жалуешься, что тебя никто не понимает, что ты одинок?

- Да, я одинок. У меня нет друзей, которые бы разговаривали на интересные мне темы, читали книжки и переживали их вместе со мной, смотрели мои любимые фильмы...

- Но ведь когда ты оказался среди умных, много читающих ребят, ты тоже почувствовал себя "непонятым" и стал играть роль "простого парня"...

Я посмотрел в окно, где за зелеными зарослями домашних цветов мерцал желтый фонарь.

- Да что это вообще такое - "понимание"?

- А ты попробуй определить, что это слово означает для тебя самого.

Я долго молчал. Понимание - практически необъяснимое понятие. Это что-то безумно личное, но неуловимое, почти случайное; легкое, но вместе с тем глубокое и тяжелое.

- Если представить, - неуверенно начал я, - что каждый человек движется в каком-то своем направлении, то понимание можно представить как быструю, неотчетливую фотографию этого течения, показывающую очень размыто и неясно дорожку, уходящую непонятно куда и непонятно откуда... Я запнулся, казалось, продолжать не имело смысла. Но я сделал еще одну попытку.

- У каждого человека есть как бы темная комнатка или чуланчик, который наполнен всем тем, что стоит за его повседневным общением - страхами, надеждами, переживаниями, мыслями и прочим. Кто-то догадывается, что наполняет его собственный чуланчик, кто-то и знать об этом не желает. Так вот, понимание - это заглядывание в этот чуланчик мыслей и надежд. Но оно не всегда может оказаться приятным. Оно может приносить и страдание. В нем есть что-то обезоруживающее, оголяющее. Разве ты сам это не испытывал?..

Мы с ребятами не виделись год.

И хотя я знал, что никто за это время не изменился настолько, чтобы это было заметно, мне казалось, что я должен сходить на эту встречу, увидеть старых приятелей.

- Ты только зря потратишь время, - печально наметнули родители.

Я не хотел этого слышать, потому что знал, что это так. Но я все надеялся - может, там будет что-то такое, чего я все время жду...

- Я приду непоздно. Туда и обратно.

- Да, да, только не надо вот этих оправданий. Во сколько приедешь, во столько и приедешь...

Я вернулся ночью. Злой. Пришлось кого-то ждать, кого-то провожать, а зачем? Ради чего? Я был взбешен этой жизненной предсказуемостью и нелепостью. "Откуда вы знали, что там не будет ничего интересного?" - требовал я ответа. "В твоём возрасте мы сами вот так же ходили, как и ты, и не верили своим родителям!" - весело ответили мне.

Вот он, опыт поколений, опыт жизни. Родители понимают меня гораздо лучше, чем я их, так как они все это уже пережили. Что это? Стадальность, мое личное предсказуемое поведение или обезоруживающее понимание молодых старшими?

Наверное, когда у меня родятся дети, настанет мой черед понять моих родителей, мне будет стыдно за все скандалы и нелепые споры, и я буду говорить своему сыну: "Не ходи туда, ты только зря потеряешь время", - а от меня будут отмахиваться. Тогда я буду звонить своим стареньким родителям, рассказывая про эти детские ошибки, вспоминая свои, как бы прося прощения...

"Когда же ляжет снег?"

- думалось мне. - Вот он все сыплет, сыплет - а на следующий день все опять будет просто сырым и размякшим. Но в один из дней выходишь на улицу, а она вся белая, и так свежо-свежо, в нос бьет ледяная бодрость с морозом..."

- Получается, что другие тебе понятны, а ты им - нет. Но что ты сделал, чтобы они смогли понять тебя? Понимать других легче, чем распахнуть свой "чуланчик" перед окружающими. Ты боишься, не хочешь, не находишь в себе сил, ждешь кого-то, кто придет и поймет тебя... Но пока ты - закрытый, недоступный и затаившийся, живущий жизнью созерцателя. Что ж, это твой выбор...

Чтобы как-то отвлечься, я уткнулся в книжку, но застрял на первой же строчке: "Между ними протянулась ниточка понимания, а это важнее дружеских чувств или соучастия..." Отбросив книжку, я попытался спастись от себя в горячей ванне, но эта строчка, с этой "ниточкой понимания"...

Новый десятый класс был набран частично из бывших параллельных классов, а частично - из новичков, перешедших из других школ. Жизненный период у всех и без того был достаточно буйный, а через некоторое время лидерство в буйстве взял длинный, нескладный и умный Пашка. Случалось, он прямо на уроке спускал штаны, демонстрируя свои дорогие трусы и то, что они прикрывали, умело харкал на потолок, бесстыдно пукал и громко говорил всем любые глупости и гадости. При этом он достаточно много читал, где-то глубоко внутри себя, наверное, переживая прочитанное, но у многих в классе вызывало уважение именно его "беспредельное" поведение, способное не считаться с приличиями и границами "дозволенного". Будучи лидером, Пашка, как умел, творил "общественную жизнь": давал одноклассникам унижительные клички и прозвища, рисовал оскорбительные карикатуры, заводил обидные "разоблачающие" беседы. Несмотря на эту агрессивность у него были очень странные манеры: довольно высокого роста, он сильно сутулился и сидел всегда в каких-то неуклюжих позах - как бы сжимаясь, скручиваясь, съезживаясь; к тому же он любил с детской непосредственностью усаживаться ко всем на колени, и все его касания были не просто абсолютно безобидными, но и какими-то по-детски мягкими. Порой его становилось жалко...

Вокруг него очень быстро образовалась группа, подхватывающая все его новые "изобретения" и безобразные игры. То и дело срывались уроки, учителя подавали заявления директору, а падающие по-прежнему с потолка плевки многих доводили до бешенства. Вершиной же Пашкиного беспредела стал надутый им на уроке презерватив. Атмосфера в классе постепенно накалялась, мы разделились на группировки и начали собачиться друг с другом. Большинство ребят откровенно побаивались буйных Пашкиных выходов, но у него было и немало восхищенных сторонников, твердивших: "Паша такой сложный, умный и непонятный мальчик..."

Я не разделял мнения о "непонятности" Пашки. Мне было вполне близко и понятно его попираание запретов и приличий (хотя я использовал совершенно другие методы срывания урока); мне бывало интересно его мнение на уроках литературы, и часто мы с ним отстаивали одну позицию против всего класса или вступали в диалог поверх голов всех остальных. Но в то же время его дикие выходы каждый раз вызывали у меня едва ли не ненависть. И это чувство возвращало меня к тому, что я испытал, читая "Повелителя мух".

Я долго не мог решить, что делать. У меня все еще была странная надежда, что когда-нибудь наша вражда исчезнет и мы станем друзьями. У меня будет друг, читающий книжки, переживающий их вместе со мной...

Это произошло на уроке ОБЖ. Пашка сидел тихо, но полчаса назад наша классная руководительница в очередной раз подала заявление об уходе, и директор пригрозил разогнать класс... И я вдруг решил.

- Слушай, хватит устраивать оргии! - я в первый раз обратился к нему напрямую за два месяца знакомства. Пашкина "свита" замолчала, в классе тоже воцарилась тишина, и только маленький очкастый "обэжешник" продолжал что-то неуверенно бубнить в углу. Пашка оторвался от своего любимого занятия - рисования человечков с отрезанными головами - и, усмехнувшись, спросил:

- Какие оргии?

- Ты знаешь, о чем я. - Я говорил тихо, но из-за мгновенно повисшей тишины все нас слышали. - Хватит делать для них это шоу. Ты ведь умнее, так займись чем-нибудь более достойным...

Я говорил долго, а он меня слушал. В этом разговоре Пашка признал меня равным, он больше не сопротивлялся, и мы стали друзьями. Для меня наступило прекрасное время: мы разговаривали, обменивались книжками и фильмами, держались вместе. Мы чувствовали себя выше всех, у нас были свои шутки, свои взгляды, не понятные остальным. Разделяла нас лишь по-прежнему проявлявшаяся Пашкина агрессивность. Но в целом он стал заметно тише, словно его бешенство и мое спокойствие перемешались друг с другом, изменив нас обоих. Он был той частью меня самого, которую я в себе подавлял, а я - тем, что он без меня не мог вывести наружу. И мы вместе рисовали его человечков с оторванными головами, сочиняли насмешливые стишки и прозвища...

Прошел год. За это время наши отношения охладели, но между нами осталась "ниточка понимания"... И вот теперь случилось так, что Пашка уезжал навсегда, и мне было ужасно грустно с ним расставаться.

Наша последняя встреча заканчивалась. Мы уже как бы попрощались, я стоял и ждал лифта. Пашка отошел к окну, стоя ко мне спиной. Когда открылись двери, он вдруг сильно нагнулся, его перевернутое лицо показалось между раздвинутыми ногами, и он уставился на меня своими грустными карими глазами. Я оглядел его склоненную фигуру, лицо, неотрывно смотревшее на меня из столь неожиданного места, и кивнул, заходя в лифт. Это было для меня понятно, наверное, я сам бы так сделал, если бы мог... Больше я его никогда не видел...

К новому учебному году из нашего класса ушли еще несколько человек. Мы стали похожи на разгромленное войско, потерявшее лучших бойцов. И тут произошел странная похоть: неожиданно для себя я возглавил "движение сопротивления" всем странам и учителям, жаждет на развалинах факел агрессии. "Пашка завещал мне добить этот класс!" - объяснял я свое буйное поведение одноклассникам. И все поверили. Меня просили нарисовать портреты нашего класса, я переделал все прозвища на новый лад, на уроках вновь стали расходиться неприличные стишки, зазвучал смех, и волна беспредела снова запенилась, накатываясь на наш разлагавшийся "гуманитарный" коллектив.

Я был более добродушным, я не был столь свободен, и я быстро устал. Кто-то еще продолжал трепыхаться, но это было уже не сравнить с былым размахом. Мы заканчивали школу и вспоминали Пашку. Его знаменитые шутки и проделки были поделены между всеми "ветеранами", которые стали выдавать их за свои, но коллективная память о нем оживала в нас вспышками какой-то необузданной веселости, схожей с безумными первобытными ритуалами. В какой-то момент собственной веселости совсем другим: ранимым, не справляющимся со своим телом, увлеченно читающим книжки и как-то по-детски усаживающимся к тебе на колени...

- С легким паром!

- Да, с легким, с легким паром...

Из-за прижавшейся к столу настольной лампы комната казалась какой-то бездонной. Я повернул лампу, плюхнулся на кровать и раскрыл валяющуюся рядом биографию Конфуция из серии "ЖЗЛ": "...не пытайся угадать свой путь - и великая сила безошибочно поведет тебя вперед..." |

ВЫ СЛУХАМ**ВЕРИТЕ?***Сергей Беззубцев**- аспирант факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.*

Из полуприкрытой двери кабинета заведующей детского сада, если прислушаться, можно было услышать: "Не будет!.. Уходят... У нас нет выбора". Постороннему наблюдателю было бы трудно догадаться, о чем и с кем разговаривает заведующая по телефону. Трудно постороннему, но только не "случайно" проходящей мимо нянечке! "Нет выбора... Ну, конечно, - многие дети уходят, и... сад закрывается!".

Получив такую "эксклюзивную информацию", нянечка поспешила поделиться ею со своей подругой на кухне, та - с воспитательницей младшей группы. "Странно", - подумала воспитательница, ведь из моей группы никто не собирался уходить. Чтобы прояснить ситуацию, она обратилась к коллеге из старшей группы. Вместе они решили, что это "линия заведующей", которая, судя по всему, "совершенно спятила" и, преследуя корыстные цели, хочет сократить число бесплатных мест в саду. Заведующая была разоблачена! Информация о ее хитрости строго по секрету распространялась дальше. И уже день спустя стала достоянием всего небольшого педагогического коллектива.

Особенно интенсивно обсуждались следующие моменты: зачем заведующей понадобилось сокращать группы именно сейчас? Стоит или не стоит предупредить родителей? Попутно обсудили новое пальто заведующей и, как всегда, коснулись вопроса повышения заработной платы - могут ли грядущие изменения отразиться на ставке воспитателя? Теперь в детском саду наблюдалась такая картина: пользуясь любым моментом, сотрудницы отходили в сторону и что-то бурно обсуждали. Они говорили вполголоса, но время от времени, не в силах себя сдерживать, выкрикивали недовольно: "Стерва!", "беспредел", "ну вообще уже"... На их лицах теперь даже постороннему человеку, не говоря о приходящих ежедневно родителям, были заметны признаки озабоченности и переживания надвигающейся катастрофы...

В последнюю очередь новость о том, что сад пустеет, дошла до самой заведующей. До чего же она была удивлена! Главное - она не знала причины, поэтому решила потихоньку ("чтобы не поднимать лишнего шума!") разобраться самостоятельно. Для этого она стала приглашать воспитательниц к себе в кабинет и, стараясь не касаться прямо интересующей ее темы (дабы не прослыть некомпетентной), непринужденно вела с ними непонятный разговор. Озадаченные женщины еще более укреплялись во мнении, что "здесь явно что-то не так"...

К счастью, в небольшом коллективе слухи быстро не только распространяются, но так же быстро развеиваются.

Э тот небольшой реальный эпизод - прекрасная иллюстрация силы влияния слухов. Слухи всегда актуальны, их сюжеты отражают большинство наших мыслей и эмоций.

Мы исследовали роль слухов в работе людей самых разных профессий. Один из вопросов звучал так: "Доверяете ли вы слухам?" Большинство тех, кого мы опрашивали, а это были работники двух заводов, торговой и строительной компаний, редакции журнала, учителя и сотрудники детского сада, уверенно отвечали: "Нет". Но тут же добавляли, что "разговоры сотрудников между собой помогают прояснить ситуацию". Или неожиданно жаловались, что ни о чем, кроме непосредственной работы, его официально не информируют, поэтому обо всем интересующем человек узнает неофициально от своих друзей-коллег. Случалось, что человек "не знал", какие слухи ходят среди сотрудников, да "и вообще не интересовался слухами", зато увлеченно рассказывал нам о мнениях и настроениях коллег, о разговорах в курилке, по дороге домой...

И студенты, и учителя, и воспитательницы детских садов, и сотрудники фирм - разные люди улыбались, вспоминая нелепые слухи, всячески подчеркивали свое несерьезное к ним отношение. Ассоциации к термину "слух" назывались самые несерьезные: "одна бабка сказала", "утка" и т. п. Тех, кто обсуждает или распространяет слухи, называли бездельниками, грязными сплетниками. В то же время признавались, что бывали случаи, когда слухи подтверждались.

Чаще слухи определяли как непроверенную или недостоверную информацию, и вместе с тем многие соглашались, что в условиях дефицита официальной информации по интересующему вопросу им приходится искать и использовать неофициальные источники, обсуждать новости с коллегами.

По крайней мере половина, а в некоторых случаях - большая часть опрашиваемых соглашалась с тем, что неофициальная информация позволяет точнее ориентироваться в происходящем. В среднем пятая часть опрошенных подчеркивала, что слухи только запутывают, заставляют волноваться, мешают сосредоточиться на выполняемой работе. Интересно, что все педагоги были единодушны в том, что неофициальная информация помогает работать, никто из учителей не признал ее возмущающего эффекта.

Чувствительность к неофициальной информации относительно устойчива у большинства из нас. И именно этот факт делает возможным сознательное использование слухов с целью оказания определенного воздействия. Но важно знать, что негативные эффекты воздействия слухов можно контролировать и минимизировать. А для этого прежде всего надо информировать людей о том, что является предметом их интереса. Важно вовремя заметить зарождающийся слух и не дать ему заполнить информационную пустоту. Открытые и доверительные отношения, возможность задавать любые вопросы и получать на них удовлетворяющие ответы, конечно, не могут остановить потоки неформальной коммуникации. Вместе с тем вероятность негативного эффекта наверняка будет сведена к минимуму. |

ПСИХОЛОГИЯ СЛУХОВ *Акоп Назаретян*

Философ и психолог, профессор Акоп Назаретян с начала 70-х годов занимается прикладной политической психологией; работал в России, Латинской Америке и Европе, на Ближнем Востоке. Автор статей, брошюр и книг по универсальной эволюции, методологии науки, психологии общения, теории искусственного интеллекта, истории насилия и морали.

Что такое слух, интуитивно кажется ясным, хотя в действительности это понятие вызывает немало путаницы. Энциклопедические и толковые словари связывают слух с недостоверностью, ложностью или непроверенностью информации. Приблизительно так оно и трактуется в обывденном сознании.

Бессспорно, слухи могут содержать недостоверную информацию, равно как и официальные сообщения. Но мне неизменно серьезные исследования, доказывающие, что слухи недостоверны чаще. После черныбыльской катастрофы украинские партийные власти из кожи вон лезли, чтобы разоблачить слухи об опасности радиации. Летом 1998 года те, кто верил слухам о грядущей девальвации рубля, оказались в лучшем положении, чем те, кто внимал ежедневным клятвенным заявлениям президента и исполняющего обязанности председателя правительства в том, что это абсолютно исключено. Степень достоверности не имеет никакого отношения к тому, квалифицируем ли мы некоторую информацию как слух. Важно то, что информация передается по сетям межличностного общения.

Циркуляция слуха, его распространение происходит тогда, когда оценки, мнения, отношения, планы и доктрины сопровождаются не известными собеседнику сведениями о предмете. Это могут быть факты из биографии, нечто прочитанное в журнале и многое другое. Слух - это всегда передача предметных сведений по каналам межличностного общения.

Феномен слухов издавна использовался в целях идеологической и политической борьбы, особенно в войнах. (Не станем злоупотреблять богатством русского языка и специально различать слухи, сплетни, молву и кривотолки. Слова, близкие по значению слову "слух", будем использовать лишь в меру стилистического удобства.) Крупный американский специалист по психологической войне П. Лайнбарджер анализирует один из фактов истории России. В русских летописях и даже в современном русском языке сохранились свидетельства необычайной многочисленности монголо-татарских войск ("тьма тьмуца"), хотя, согласно данным исторической демографии, эти войска никак не могли быть столь многочисленны. По всей видимости, монгольские полководцы мастерски вели спецпропаганду, распространяя деморализующие противника слухи-пугала, разжигая по ночам гораздо больше костров, чем было практически необходимо.

Систематическое изучение феномена слухов началось только после первой мировой войны в США и в Германии. В Америке появились коммерческие фирмы, специализировавшиеся на распространении слухов. Это делалось, например, в целях рекламы товара, или подавления конкурента, или борьбы с профсоюзом. Так, среди рабочих конкурирующего предприятия распространялся слух, который мог спровоцировать их на забастовку. Или, наоборот, хозяин, узнав о готовящейся забастовке на собственном предприятии, заказывал распространение среди жен рабочих слуха такого содержания, которое подрывало доверие к профсоюзным лидерам и т.д.

В Германии, где пришли к власти нацисты, исследовательские работы в этой области были засекречены и приобрели гораздо более злоеущую направленность. После войны секретные германские документы и специалисты перебазировались в США (советское руководство подобные "благотупости" не заинтересовали). Работа со слухами сделалась прерогативой государства.

Уже в 60-е годы, по оценке американских экспертов, пропаганда при помощи слухов, особенно во внешнеполитической деятельности, по своему значению была сопоставима с пропагандой через средства массовой информации. Механизмы распространения слухов профессионально изучали в ЦРУ, в Пентагоне и в спецподразделениях американской армии. В посольствах работали специалисты, внимательно отслеживающие тематику, содержание и динамику слухов, циркулирующих в стране пребывания...

Важность такой работы обусловлена тремя обстоятельствами. Слухи - достоверный источник информации об общественном мнении, политических настроениях, отношении к руководству, к государственному строю, к средствам массовой информации. Ибо люди не всегда склонны и готовы откровенно делиться своими мнениями и не всегда отчетливо осознают свое настроение и отношение к политическим событиям.

Слухи часто служат катализатором социально-политических настроений и событий. Поэтому их учет помогает прогнозировать процессы в обществе. Циркулирующие слухи - активный фактор формирования настроений, мнений, а соответственно поведения людей и вызываемых ими политических событий. Таким образом, оперирование слухами - это дополнительный инструмент политического влияния.

Слухи можно классифицировать по различным основаниям: по длительности жизни, величине и структуре аудитории и т.д. Наиболее интересные параметры - экспрессивный и информационный. По экспрессивному параметру различают три типа слухов: слух-желание, слух-пугало и агрессивный слух.

Слухи-желания отражают надежды, ожидания и в целом благодушное настроение аудитории. Неопытному руководителю или политику часто кажется, что это "хорошее", благоприятное и безопасное явление. Между тем циркуляция слухов-желаний очень часто чревата разрушительными последствиями.

Образцом эффективного применения слухов-желаний стала подготовка к захвату Варшавы в сентябре 1939 года. *С началом военных действий в польской столице нарушилась регулярность выхода газет и радиопередат. Напряженный интерес и дефицит информации создали идеальную почву для слухов, и противнику оставалось только придать им нужную направленность. "Наши (польские) войска дают на всех фронтах, уже приближаются к Кенигсбергу; немцы не готовы к войне, им не хватает боеприпасов, вместо авиационных бомб они используют стальные рельсы", - с энтузиазмом рассказывали друг другу горожане. Для подготовки этих слухов бомбардировщики действительно в ряде случаев сбрасывали фрагменты рельс: стальной предмет громко, как бомба, свистит при падении, пугает, но не взрывается...*

Охваченные эйфорией варшавяне не заботились о том, чтобы организовать помощь фронту или оборону города. Появление фашистских войск на таком фоне произвело шок и деморализовало возможное сопротивление...

Самый впечатляющий пример эффективного использования слухов-желаний в послевоенной истории связан с чилийским переворотом осенью 1973 года. Утром 11 сентября на улицах Сантьяго появились танки, и путчисты взяли под контроль основные центры массовой коммуникации. Одновременно по городу стал быстро распространяться слух: армейская бригада под командованием Пратса с севера движется к столице, "обратная, как снежный ком, добровольцами". Поясно, что бригада - это пятая часть сухопутных сил страны, а Карлос Пратс - кадровый генерал, известный своими вымыслами взятиями, которого чилийцы хорошо знали в лицо... Левые с особой радостью вымысли такой информации. Готовые к сопротивлению, они приняли решение затяться и начать вооруженное восстание против путчистов одновременно с подходом верной социалистическому правительству бригады Пратса...

Когда начались эти события, в Москве уже был поздний вечер, и я с группой латиноамериканцев пришел в телетайпную комнату Института общественных наук. Всю ночь мы внимательно читали срочные сообщения зарубежных агентств, сопоставляя их со сведениями советских радио и телевидения. Сведения о бригаде Пратса повторялись всеми, но была одна маленькая невязка, которую я слух осознать лишь сутки спустя. В текстах иностранных агентств говорилось про слух о движении бригады на помощь столице, тогда как в тассовских упоминаниях о слухе не было. Это различие в "уловнях рефлексии" оказалось роковым.

Чилийцы различные политические убеждений настроили свои радиоприемники на московскую волну: для одних это был единственный заслуживающий доверия источник информации, другим было в любом случае очень важно знать, как отреагирует СССР. С небывалой для советских СМИ оперативностью в ту же ночь в редакции международного вещания была создана новая программа "Escucha, Chile!" (Слушай, Чили!), и немедленно в эфир полетело эмоциональное сообщение в духе: держитесь, чилийские братья, с вами все прогрессивное человечество, а с севера на помощь приближается бригада Карлоса Пратса!

Именно этого и ждали заокеанские режиссеры, чей следующий шаг был заранее тщательно продуман и подготовлен. Генерала Пратса, находившегося в столице под домашним арестом, срочно доставили на центральное телевидение Сантьяго и "проинтервьюировали" в прямом эфире. Первый вопрос звучал примерно так: "Только что Московское радио сообщило, что вы во главе боевой бригады движетесь с севера к Сантьяго. Как бы вы могли прокомментировать эту информацию?..."

Буквально через неделю после описанных событий и много позже мне пришлось беседовать с десятками чилийских беженцев - коммунистов и социалистов, - и все рассказывать про это телеинтервью, отношу его к числу самых мрачных и шокирующих событий того дня. Появление генерала на телеэкране стало одним из решающих факторов деморализации потенциальных бойцов. Установка на борьбу мгновенно сменилась на противоположную: бежать из страны!..

В периоды социального напряжения во время стихийных бедствий, войн, государственного переворота возникает слухи-пугала. Они варьируются от просто пессимистических до откровенно панических. Самая банальная их фабула - грядущий рост цен или исчезновение некоторых продуктов. Сведения о неверной реализации слуха-пугала в военных целях.

В детстве мне рассказывали старики на Кавказе, что в период коллективизации распространялся, например, такой слух: новые власти принесут большое одеяло, под которым придется спать всем жителям аула вместе с женами. Представьте мое удивление, когда, через полвека и более, аналогичный сюжет был зафиксирован в странах Ближнего Востока (в Египте и Южном Йемене), в Афганистане и других мусульманских регионах с началом мероприятий по кооперативизации сельского хозяйства.

Задолго до переворота в Чили в разных городах вежливые молодые люди стучались в дома представителей среднего класса, представлялись социологами и якобы от имени правительства распространяли анкеты. В них содержались вопросы: "1. Сколько спален в вашем доме? 2. Сколько из них вы готовы поделить с неимущими соотечественниками?". - и далее в том же духе. Это сопровождалось намеками на оппозиционную прес., будто правительство Альенде планирует масштабную операцию по "подселению" и "уплотнению жилья" по примеру большевиков в России. Распространение такого слуха-пугала (представители среднего класса, имевшие, как правило, собственные дома, составляли значительный процент населения) служило дальнейшей подготовкой к военному перевороту...

В последних эпизодах уже просматриваются оттенки третьего типа - агрессивных слухов. Они возникают там, где имеются напряженные отношения между социальными группами, причем даже если стихийные или вызванные собственной неразумной деятельностью бедствия часто усиливают ненависть к какой-то группе или личности. Так, сюжет "большого одеяла" вызывал не только страх перед новой властью, но и возмущение, и злобу по отношению к ее представителям, презревшим законы предков.

При необычайно суровой зиме 1978-1979 годов Москва была наводнена не только слухами-пугалами (в машинах замерзает антифриз, в домах лопаются батареи, ожидается понижение температуры за -500С, но бюро прогнозов запретило об этом сообщать...), но и разговорами о том, что небывалый мороз - следствие применения американцами нового "климатического оружия". После черныбыльской аварии, в 1986 году, впервые в СССР был зафиксирован слух о "жидо-масонском заговоре". После страшного землетрясения в Армении в 1988 году много говорили о "геологическом оружии".

В те же дни тяжелой трагедии, унесшей десятки тысяч жизней, люди видели бродящую по городам и деревням республики Деву Марино. Появление в момент бедствия, когда актуализуются архаические пласты психики, слухов-желаний с возвышенными мотивами - также парадоксальное, но характерное обстоятельство.

В разгар венгерского восстания 1956 года толпа, влекомая ненавистью к правящей партии, штурмовала здание ее городского комитета. В Будапеште давно говорили о том, что это здание есть выход в подземелье, где томятся политические узники. Но никаких тайных ходов в захваченном доме найти не удалось, а сотрудники горкома даже под страхом смерти клялись, что ничего об этом не знают. Не смог помочь и архитектор здания, доставленный на место события. Тогда привезли буровые машины. Целую ночь толпа не расходилась, с волнением наблюдала, как в различных точках просверливаются пространство вокруг. При этом сотни людей слышали из-под земли стоны и мольбы о помощи, предупреждая буровиков об осторожности. Но ни подземной тюрьмы, ни заключенных так и не нашли... Этот эпизод ярко иллюстрирует поразительное суггестивное влияние циркулирующего слуха.

Один и тот же сюжет слуха может иметь совершенно различные эмоциональные характеристики. Решающим критерием для экспрессивной оценки слуха является не сам его сюжет, а реакция аудитории.

В 1982-1983 годах, когда Генеральным секретарем ЦК КПСС был старый чекист Ю.В. Андропов, в Москве и других городах Советского Союза очень много рассказывали о том, как на улицах, в магазинах и прочих общественных местах специальные уполномоченные товарищи вылавливают людей, не находящихся днем на рабочем месте, и строго их наказывают. Казалось бы, типичный слух-пугало. Между тем подобные истории почти всегда рассказывались с улыбкой и сопровождалсь веселыми комментариями, причем не только среди рабочих, но и в среде ученых, трудников ФНИИ и прочих граждан, для которых такая ситуация была вроде бы совсем уж司空данной. По-видимому, всем настолько надоел нудный беспорядок затянувшейся брежневской эпохи (в народе его называли бардаком), что любые изменения воспринимались с радостью...

Информационный параметр отражает степень достоверности фабулы. Слухи классифицируют от совершенно недостоверных до сравнительно достоверных. Абсолютно достоверными слухи не бывают. Важно помнить: циркулирующий слух способен "подстраивать" события под свой сюжет и вызывать у первоначально низкой достоверности слуха, упав на благодатную почву и захватывая умы, побуждая людей к действиям, и, таким образом, по мере распространения слуха достоверность фабулы повышается.

Как преобразуется в процессе циркуляции фабула слуха? Во-первых, сглаживаются несоборственные в глазах аудитории детали, сюжет становится короче и функциональнее. Сохранившиеся детали выдвигаются на передний план. Сюжет может обрастать новыми деталями, первоначально отсутствовавшими, которые способствуют его "функционализации". Эту тенденцию называют заострением. В самых элементарных примерах цвета и марки столкнувшихся автомобилей могут исчезнуть (**сглаживание**), зато на месте одного раненного пассажира образуется "гора трупов" (**заострение**); внешность и одяние драчунов забудутся, но драка с двумя участниками "виртуально" вырастет в массовую потасовку. Но именно в деталях, как всегда, кроется дьявол.

Какие именно детали исходного события будут подвергнуты сглаживанию, а какие, наоборот, заострятся, определяется стереотипами и установками аудитории. В некоторых африканских культурах с сильно развитой цветовой символикой как раз цвет столкнувшихся автомобилей часто становится самой важной деталью и подвергается заострению: цвет морской волны превращается в синий, бордо - в красный. Впрочем, и в Советском Союзе, где первый цвет автомобиля обычно означал его официальный статус, авария черной "Волги", а тем более "Чайки", иногда возвышалась молвой до государственного события.

Слухи приспособляются под стереотипы и установки так, что решительно меняются психологическое содержание информации. Этот феномен удалось изящно смоделировать в экспериментальной лаборатории.

Для участия в эксперименте приглашались группы испытуемых - белых граждан южных штатов США. Первому из вошедших в комнату на три секунды предъявлялся фотокруг, на котором дерутся два молодых человека - белый и черный, причем у белого в руке открытая бритва. Испытуемый, видевший фотোগрафию, пересказывал ее содержание следующему, второй пересказывал услышанное третьему и т.д.

В процессе трансляции оставались неизменными драка, количество и цвет кожи ее участников и бритва. Не происходили ни сглаживание, ни заострение: драка не превращалась в беседу, не устранялось расовое различие, не возникало массовое боище и даже ни разу вместо бритвы не появилась, например, револьвер. Зато стабильно (эксперимент проводился неоднократно) срабатывал один и тот же эффект - бритва пересказывала из руки белого в руку черного противника. Но эффект, регулярно повторявшийся у взрослых, не имел места в экспериментах с детьми...

Итак, изменения фабулы в русле какой-либо одной, двух или всех трех указанных тенденций практически исключают возможность того, чтобы слух оставался полностью достоверным.

Н еискусственному наблюдателю слухи кажутся явлением беспричинным, либо обусловленным исключительно чьими-то злыми намерениями. Этой иллюзией подчас определяются и меры противодействия: поиски провокаторов, репрессии против разговорчивых граждан и т.д.

Не секрет, что иногда слухи намеренно "подсаживаются" специально нанятыми провокаторами. Но ни один "слухач" не в состоянии подсадить какой угодно слух в какой угодно аудитории и ситуации. Для этого ему нужно найти подходящую "нишу", в которой слух и без того возник бы с высокой вероятностью, и задача состоит в том, чтобы придать фабуле желательное содержание и направленность.

Какой слух легче распространить среди москвичей: о том, что в Саудовской Аравии поднялась цена на верблюдов, или о том, что упала Остантинская башня? Здесь уже обнаруживается парадокс: первому сообщению поверят, но едва ли станут его пересказывать; второму, вероятно, не поверят, но при определенных условиях оно может передаваться дальше и превратиться в циркулирующий слух.

Всех, кто хочет ближе ознакомиться с этим механизмом, я отсылаю к восьмой главе "Вертвых душ", где блистательно описано, как слухи, идя другого нелепе, начали возникать и распространяться по городу, чуть только выяснилось, что главный герой замешан на деле казенный непонятный машинистами. Дошло до того, что Чичиков - это на самом деле пленный Наполеон, которого англичане инкогнито заслали в Россию. И тут же горожане стали обнаруживать внешнее сходство между ним и свергнутым французским императором, "особенно в профиль"...

Изучая, отчего возникают слухи, почему один слух живет в сетях неформального общения людей и спокойн, другой быстро захватывает обширную аудиторию, побуждая людей к действиям, третий бытует в узком кругу, не выходя за его пределы, а четвертый умирает, едва успев родиться, психологи выделили два фундаментальных фактора. Их совокупность еще называют *conditio sine qua non* - **абсолютно необходимым условием для возникновения слуха**.

Первым фактором является интерес к теме: слух способен возникнуть там и тогда, где и когда к его предмету имеется интерес.

Второй фактор - дефицит надежной информации. Для слуха нужен не просто интерес, но интерес неудовлетворенный. Те, кому наличная информация представляется достаточной, - почва для слуха неплодотворная. Иначе вероятность (или интенсивность) слуха прямо пропорциональна силе общественного интереса к предмету и обратно пропорциональна количеству официальных сообщений на данный момент и уровню доверия к источнику.

Исследование, проведенное в середине 70-х годов, выявило у москвичей довольно высокий уровень доверия к сообщениям ответственных СМИ. Действительно они (СМИ) тогда еще работали с чрезвычайной ответственностью, каждая информация многократно проверялась и контролировалась (если нужно, искажалась в унисон всеми органами). При этом, однако, доля была постоянно полна слухами, поскольку сведения поступали очень скудно, дозированно и, как правило, запаздывало. В западных странах ситуация была обратной: циркуляция слухов обуславливалась тем, что при очень высокой оперативности информации множественность источников сочеталась с не очень высоким доверием к ним.

При обсуждении результатов исследования с московскими журналистами ими был рассказан анекдотический случай, иллюстрирующий оперативность западных журналистов и неповоротливость наших информационных работников. В старом здании ТАСС произошло возгорание, и сотрудники, находящиеся на работе, узнали об этом из... сообщения агентства ЮПИ. Оказывается, его корреспондент, проезжая на машине, заметил дым из складских помещений, быстро доехал до своей резиденции и "отстучал" обнаруженную информацию. Очевидцы со смехом вспоминали, как, прочтя теледанный ленту, кто-то из работников советского агентства громко возмущался бестействительным заокеанским коллег до тех пор, пока не выглянул в окно.

Б еспечением слухов неудовлетворенного интереса, слухи, с характерными для них сглаживанием, заострением и приспособлением фабулы, могут представлять большую социальную опасность. Коль скоро лагуна образовалась, она обязательно будет заполнена либо "творчеством масс", либо умелыми провокаторами, преследующими свои экономические, политические и идеологические цели. Поэтому и самое надежное средство слухоустойчивости - информационная среда с заполненными экологическими нишами.

Кроме основных, есть и сопутствующие условия распространению слуха. Слух способен временно оптимизировать эмоциональный баланс в группе, понижая или повышая эмоциональное напряжение до оптимального уровня. Если группа продолжительное время живет в напряженном ожидании, люди испытывают непреодолимое желание обсуждать между собой возможные опасности. Парадоксальным образом, даже распространение слухов-пугал способно на время снизить эмоциональное напряжение и сглаживает эффект афиляции, ощущение принадлежности к общине. По наблюдению психологов, фронтники, чье подразделение долго пребывало во втором эшелоне, так и не дождавшись выхода на передовую (незавершенная ментальная структура), сохраняют более страшные воспоминания о войне, чем их соратники, прошедшие самое пекло.

Благоприятную почву для слухов образует и противоположное эмоциональное состояние - скука. Рассказывая о причине столь бурных страстей вокруг персоны Чичикова, Н.В. Гоголь писал, что три месяца перед тем не было никаких событий, вестей или хотя бы сплетен, которые, "как известно, для города то же, что своевременный подвоз съестных припасов".

Циркулирующие слухи насыщают жизнь виртуальными псевдособытиями, которые способны частично компенсировать социальный разрезженность и дефицит эмоционального возбуждения. Но такая форма психологической компенсации (другая форма, например, злоупотребление алкоголем), со своей стороны, влечет опасность непредсказуемых действий и потери контроля и часто становится первым признаком разложения группы. Опытные офицеры знают, как вредно надолго оставлять солдат без дела - это чревато потерей дееспособности подразделений...

При тоталитарном режиме слухи - такое же, безусловно, негативное явление, как, например, частная собственность или предпринимательская инициатива, и задача состоит в том, чтобы освободить общество от этих вредных "пережитков".

В демократической системе информации слухи считаются нормальным явлением общественной жизни. Здесь допускается оптимальное соотношение определенности и неопределенности, которое делает систему более аморфной, но вместе с тем внутренне разнообразной, а потому гибкой и адаптивной.

Соответственно в демократическом обществе никогда не ставится задача ликвидации слухов вообще как социального феномена. Практические задачи ликвидационные выстраиваются слухоустойчивой среды в рамках отдельных, относительно замкнутых групп.]

О слухах как социально-политическом явлении и орологи политической борьбы подробно читайте в книге Акопа Назаретяна "Психология стихийного массового поведения", изданной в 2001 году московским издательством "PerSe".

/ П. Лайнбарджер. Психологическая война. М., 1962.

Я У СЕБЯ ОДНА

Екатерина Михайлова

- ведущий специалист Института Групповой и Семейной Психологии и Психотерапии, кандидат психологических наук, руководитель женского проекта института.

*Софья Андреевна полагала, что любит дочь: доказательством тому служили многочисленные девочкинны недостатки. Много терпения требовалось для того, чтобы сносить ее постоянную восторженность, ее привычку раскладывать палец дырки в мебельной обивке, ее манеру оставлять медленно тонущие ложки во всех кастрюлях и банках, откуда ей пришла охота зачерпнуть. Для выражения любви не надо было целовать и гладить по головке, следовало просто не кричать, - а Софья Андреевна никогда не кричала...
Юльга Славникова*

Бедная девочка. Бедная мама. И как легко, хотя и очень не хочется, узнать в этой мрачной картине нищенской, скудной любви что-то уютно знакомое: "Мама, ты меня любишь?" - "Да-да, конечно, а вот тетради у тебя опять безобразные, пишешь, как курица лапой, Марина Евгеньевна мне уже не раз..."

Большинство из нас не соответствует ожиданиям родителей. Мы недостаточно красивы, умны, успешны, кротки или решительны, энергичны или благодушны - почти все мы не совсем таковы, как ожидалось. Это, как и собственный пол, - если мама предпочла бы сына, - изменить нельзя. Те, у кого уже есть свои дети, знают, какой это труд - отказаться от своих фантазий-требований, фантазий-сравнений, принять своего реального ребенка. Даже тем, кто искренне верит в постулаты "безусловной любви" как осознанной ценности, не всегда легко удается следовать этой вере. Порой не удается вовсе.

"Заведешь своих, - тогда узнаешь", - слышали мы от мам и бабушек. А может, и не слышали. Может, все было совсем по-другому. Но как бы ни сложились наша собственная жизнь, как бы далеко мы ни ушли от порога родительского дома, огромная - до неба - фигура главной женщины нашего детства отбрасывает тень, дотягивающуюся до самых взрослых и на первый взгляд независимых наших поступков, суждений и чувств. Та, без которой нас не могло бы быть. Та, которая до поры до времени была нашим единственным ответом на все вопросы и в чьей правоте мы - тоже до поры до времени - не сомневались. Та, от повторения судьбы и черт которой мы, возможно, отчаянно рвались в свои молодые годы: "У меня все будет по-другому, мама!". Насколько получилось? И что заставляло так стремиться доказать, что "по-другому" лучше?

Отношения дочери и матери невероятно сложны: вина и прощение, привязанность и бунт, ни с чем не сравнимая сладость и ни с чем не сравнимая боль, неизбежное сходство и яростное его отрицание, первый и главный опыт нашего "вместе" - и первая попытка все-таки быть отдельно...

Конкуренция. Борьба. Страх. Пронзительная потребность во внимании, в одобрении. Ужас перед силой этой потребности. Любовь, порой проявляющая себя в убийственных, удушающих формах. Первый опыт подчинения власти,

"превосходящим силам противника" - и первый же опыт своей власти над другим человеком. Ревность. Невыказанные обиды. Высказанные обиды. И над всем этим - уникальность, единственность этих отношений. Другой - не будет. Но очень многое будет связано с тем, какова была та, психоаналитик Джудит Виорст в "Необходимых утратах" пишет: "Большинство исследователей соглашаются, что в возрасте 6-8 месяцев у детей уже формируется привязанность к матери. Вот когда мы все влюбляемся впервые в жизни! И вне зависимости от того, связана ли эта любовь с облакоподобной потребностью в человеческой привязанности, - я убеждена, что связана, - она обладает огромной силой, интенсивностью. Что и делает нас впоследствии такими уязвимыми в ситуации утраты - или даже только угрозы утраты - тех, кого мы любим".

Нам трудно вспомнить, - во всяком случае, без специального погружения в свои свободные ассоциации или особое состояние сознания - собственные чувства раннего детства. Они между тем всегда с нами. Что и делает первых взрослых нашей жизни - и особенно мать или человека, заменяющего ее, - такими важными. Блаженство полного, беспредельного единения с другим человеческим существом длится недолго - так оно и должно быть. Растворившись в другом, не вырастешь. Да что там не вырастешь, ходить не научишься! И шаг за шагом, сперва ползком, потом на нетвердых ножках, придерживаясь за чей-то палец, - скорее всего, за мамин или бабушкин - мы начинаем отделяться, уходить. Сначала возвращаемся бегом, чуть что. Зовем, если чего-то не понимаем, или испуганы, или не можем справиться. Потом расстояние, а вместе с ним и наша самостоятельность увеличиваются. Нас ждут другие открытия и отношения, да и контакт с матерью становится совсем другим: меньше ласки и больше замечаний, меньше воркования, забав, песенок и больше инструкций, поручений, "дела". А на ручки иногда так хочется - и даже совсем взрослым женщинам, уже предпринявшим свои попытки найти эти "ручки" в мужьях и любовниках, вернуть невозвратное...

Спой мне, мама, колыбельную -
ту, что в детстве, как тогда.
Не чужую - самодельную,
не про серого кота.
И не выдержу - заплачу я:
стать бы маленькой опять...
Ты баюкай, ты укачивай,
а я буду горевать,
что не так полжизни прожито,
что невесело пою...

Елена Казанцева

Но произойдет еще многое до того важного и горького момента жизни, когда наступает окончательная взрослая ясность: как бы ты ни была испугана или беспомощна, как бы ни нуждалась в этих коленях или прикосновении, какой бы отчаянной ни была твоя тоска по ней, - все кончилось. Мамочка не придет. Не придет, даже если когда-то бросалась утешать и помогать по первому знаку. И тем более не придет, если никогда этого не делала, не умея или не желая. Не потому даже, что ее нет на свете - возможно, она жива и в добром здравии. Просто магия материнского всемогущества кончилась. Надежда, что мать на этот раз не сделает замечания, а утешит, кончилась, а вместе с ней иссяк ядовитый источник разочарования. Вера, что ее терпение и поцелуй могут исцелить любую боль, кончилась: все больше ситуаций, когда она сама нуждается в помощи. Любовь изменилась и больше не основана на зависимости и нужде, страхе неодобрения или мечте о том, как она наконец "все поймет". Как перестала быть смертельной ее критика, так и похвала утратила свою неповторимую сладость. Она - всего лишь человек, такая же женщина, как ты. Она может поддерживать и помочь всего лишь как другой взрослый - и не больше.

Мы теряем ее много раз - становясь отдельным человеческим существом в самом начале, не находя ее рядом в десятках ситуаций, когда отчаянно в ней нуждаемся; освобождаясь от ее власти и авторитета, узнавая ее как человека, а не только свою мать; отрицая сходство с ней словом и делом - до поры до времени; пытаясь получить недозанное ею у других людей - мужчин и женщин. В отношениях с ней, первых отношениях человеческой жизни, заложено зерно будущих любовей и страхов, иллюзий и реального умения справляться с жизнью.

Меня часто спрашивают: что, неужели на самом деле отношения с "материнской фигурой" так важны? Зачем так много всего возложено на несовершенную, порой неумелую или очень молодую женщину, которая, может, и не готова к этой ноше и знать по нее не знает? Или, напротив, на бабушку, заменяющую мать, немолдую и не очень здоровую, которая "сидит" с ребенком? А я отвечаю: поменяйтесь ролями с Матушкой-природой и обдумайте этот вопрос, ответ получится тот же самый - на кого же эту ношу еще и возложить? Для кого связь с младенцем может стать настолько важной, что его писк выдернет даже из самого глубокого сна? Чьи руки не разожмутся, как бы ни ныла натруженная поясница?

Одна женщина рассказывала сон, приснившийся ей через месяц после рождения ребенка. Сон пугающий: как будто она заснула, пристроив детеныша под бочок, да и придавила его. Проснулась в ужасе: кто не знает таких пробуждений в холодном поту, рывком из кошмара на твердый берег реальности? Последним "кадром" сновидения было бездыханное тельце, которое она трясет, пытается оживить; первый "кадр" реальности - полусидя в кровати, она трясет и пытается оживить собственную ногу; дитя мирно спит в своей кроватке. Мы бы обратила здесь внимание не столько на страх причинить вред ребенку, хотя под этой маской действительно часто разгуливают не principinные в сознание агрессивные импульсы, и рассказ Чехова "Спать хочется" описывает не только поведение несовершеннолетней няньки-убийцы. Но в этом сновидении мне кажется более важным то, что ребенок ощущается частью собственного тела: ноги, видимо, в прерывистом сне молодой мамы было неудобно; "мне плохо" равняется "ему плохо", и наоборот. А если мне хорошо, ему хорошо, и наоборот. Что может быть отдельно, когда мы почти одно? Если это так для взрослой женщины - а так бывает, и очень многие мамы маленьких детей знают и хорошо описывают это "благоприятное" первого года, это сияющее слияние, - то какой же интенсивности переживание испытывает дитя! И если ранний опыт безопасности, тепла и доверия так важен, - а это так, что подтверждается десятками экспериментов и клинических наблюдений, - то от важности "материнской фигуры" никуда не денешься. В сущности ею может работать и отец или дедушка, хотя бы на "полставки". Правда, работа эта у мужчин престижной не считается, так что опыт "работы мамой" бывает связан с какой-то необычной и драматичной ситуацией или речь идет о молодом отце, следующем западным нормам. Как бы там ни было, последующий "женский почерк" и, в частности, важнейшее для женщины умение терять и не саморазрушаться, пресловутая женская живучесть прямо связаны с первым нашим серьезным расставанием - утратой ощущения единства, слияния с матерью.

Естественное, "правильное" отделение происходит не в одностороннем порядке: ребенок стремится к самостоятельному исследованию коврика, комнаты, мира. Мать может отлучиться на минутку, может быть, уже достаточно ее голоса; а вот уже можно рискнуть выбежать из дому, сделать надежный человек "посидеть" на часок-другой... И даже тогда ситуация драматична. И даже тогда вынужденные расставания с матерью могут быть болезненными - для обеих. Мне часто случалось работать с довольно распустроенной ситуацией: необходимость "отдать" ребенка в детский сад или бабушке, переживания вины и тревоги по этому поводу, ребенок рыдает и цепляется за мамини ноги, мама рыдает и сама же отдирает эти самые ручонки, чувствуя себя последней ехидной. А если у мамы был опыт вынужденного расставания со своей матерью, то она воспринимает ситуацию глазами - и сердцем - себя двух - или трехлетней: это ее бросают, отрывают от единственного источника ощущения безопасности. Это ее предают те самые "руки матери", это она покинута навсегда, потому что для маленького ребенка понятие "скоро" или "вечером" слишком абстрактно. Травма? Да, но сколько "бывших девочек" и их детей через это прошли в той или иной степени и без совсем уж тяжких последствий. Значит, вынужденный отрыв от матери все-таки в каких-то случаях компенсируется, все-таки психологически переносим. Джудит Виорст объясняет разницу в последствиях так: "Если эти моменты окружены более широким контекстом надежных, предсказуемых отношений любви и привязанности, мы это переживем: разумеется, с болью, но без непоправимого вреда. Работаящие матери и их маленькие дети зачастую убеждают нас в том, что и в этих обстоятельствах возможно формирование устойчивой, основанной на любви и надежной взаимной привязанности."

Но когда сепарация нарушает естественную привязанность, крайне трудно создать основу для любви, развития в себе убеждение в том, что в последующей жизни мы сможем - и заслуженно - найти людей, не безразличных к нашим потребностям. И если наши первые отношения ненадежны, оборваны или запутаны, мы можем невольно перенести этот опыт и свою реакцию на него в свою последующую жизнь и свои ожидания. Ожидания по отношению к собственным детям, друзьям, спутникам жизни и даже деловым партнерам. Ожидая, что нас покинут, мы виснем на тех, кто нам дорог: "Не покидай меня. Без тебя я ничто. Без тебя я умру".

Ожидая, что нас предадут, мы хватаемся за малейшие знаки, превращая их в улики: "Вот видишь, я так и знала, что тебе нельзя доверять".

Ожидая отказа, предъявляем избыточные требования, заранее сердясь на то, что они не будут выполнены.

Ожидая разочарования, обеспечиваем себе возможность разочароваться - рано или поздно.

Исследования показывают, что утраты раннего детства делают нас особенно чувствительными к утратам взрослой жизни. И в среднем возрасте наша реакция на смерть в семье, развод, потерю работы может оказаться очень мощной. - например, принять форму депрессии - реакции беспомощного, отчаявшегося, гневного ребенка.

Тревога - это больно. Депрессия - это тяжело. Возможно, не пережить утраты безопаснее. И хотя мы бессильны предотвратить смерти и даже разводы - как бы бесполезны сделать так, чтобы мама не уходила, - мы можем развить стратегии защиты от боли утраты.

Одна из таких защит - эмоциональная отстраненность, отчуждение. Мы не можем потерять того, что нам дорог, если нам все равно. Ребенок, который страстно хочет, чтобы мать была с ним и чья мать снова и снова не с ним, может извлечь из этого опыта урок: любить и нуждаться в ком-то слишком больно. И в своих будущих отношениях он может ожидать и давать поменьше, стремиться не вклидывать почти ничего, отстраниться, не вовлекаться, "окаменеть".

Другая защита от утраты может принимать форму коммуникативной потребности заботиться о других. Вместо переживания боли мы помогаем тем, у кого болит. И "творя добро", мы идентифицируемся с теми, о ком заботимся. И они, и мы тем самым перерабатываем свое старое, старое чувство беспомощности и ужаса оттого, что "никто не придет и не поможет".

Третья стратегия - преждевременная автономия. Мы претендуем на независимость слишком рано. Очень рано мы учимся не позволять нашему выживанию зависеть от любви и внимания других. Мы облачаем беспомощного ребенка в сверкающую броню самодостаточного взрослого.

Утраты раннего детства могут существенно повлиять на то, как мы переживаем необходимые утраты последующей жизни.

Так и получается, что каждая вторая работа на женских группах - "про маму". То есть на самом деле про маму, потому что начальная постановка вопроса может быть совсем даже и про другое: не могу простить изменившего мужа, хочу научиться отзывать людям в просьбах о помощи, если это нарушает мои границы и превосходит возможности; страшно боюсь потерять свою работу - только в этой большой компании чувствую себя в относительной безопасности, только пока принадлежу этой отлаженной системе, хоть как-то защищена. В совершенно разных сферах жизни звучит "эхо взрыва" резкой или преждевременной сепарации (отделения от матери). Точно так же, как в совершенно разных сферах жизни отзывается нарушение эмоционального контакта с матерью - даже тогда, когда физическое присутствие ее сохранялось. Иногда спонтанная попытка исцелить эту рану ведет к тому, что женщина "удочеряется", выбрав себе в матери тетку, бабушку или старшую подругу; порой "вспомогательным лицом" становится и вовсе мужчина... Этими сюжетами полным-полна взрослая жизнь, и здесь есть одно неприятное обстоятельство: чем болезненнее и раньше случилась начальная "поломка" в отношениях с матерью, тем хуже осознается связь с нею последующая привязанность, конфликтов и неудовлетворенных потребностей.

Классическая психоаналитическая мысль о том, что муж или любовник воплощают фигуру отца, не доступного в качестве сексуального объекта, по-прежнему "живет и побеждает" и находит частичное подтверждение во многих женских историях. Но... Эта мысль - старая, многократно и разнообразно описанная, уже ставшая частью психологического фольклора, - как и зеркально отражающая ее тема поиска "мамочки" в жене. "Уровень освещенности" здесь таков, что для самостоятельных поисков и открытий осталось не так уж много места. Драматические и порой отчаянно сложные отношения женщины с матерью, конечно, не исчерпываются простой конструкцией "дочка - соперница мамы в борьбе за внимание и любовь папы". В истории любви - о, если бы только любви! - матери и дочери есть загадки, напряжения и боль, никак не связанные с "классическим треугольником" ревности и соперничества, особенно если "трудные времена" этих отношений пришлись на самое раннее детство девочки.

Отец бесконечно важен, но в реальности сползает и рядом оказывается фигурой далекой, туманной, почти символической. Мать (или любой человек, ее заменяющий) конкретна, как и способ ее взаимодействия с ребенком: прикосновение, звук голоса, тепло ее большого тела, улыбка или гримаса гневного крика, внимание к нашим действиям и чувствам ребенка или только к содержимому горшка и чистоте платяца. Об отце можно знать и говорить - в том числе и о своем "внутреннем отце", унаследованной "по мужской линии" части собственной личности. Мать, особенно ее ранний образ, нужно прочувствовать, чтобы понять, как огромна ее "доля" во внутреннем мире, чтобы на уровне этого самого внутреннего мира еще раз "переиграть" абсолютную близость и ее утрату.

Дочь - бесконечная мать.
Мать - бесконечная дочь.
И не пытайся понять.
Но пытайся помочь
матери - дочь доносит,
глушью - старую дочь,
дочери - мать выносит
в ночь. В бесконечную ночь.

Вера Павлова

Сколько историй разворачиваются к сквозной теме "потерянного рая"! Чем мягче и естественнее произошло это расставание, тем лучше мы приспособлены для всех наших будущих разлоз: золотыми буквами где-то глубоко внутри нас вышиты сакраментальное "Жизнь продолжается". "Отдельность" своего существования - если угодно, принципиальное и непреодолимое одиночество каждого взрослого человека, - не кажется концом света, катастрофой, хотя временами может причинять сильную боль.

Тогда, скорее всего, женщина будет в состоянии вовремя уйти с бесперспективной работы, где только и есть, что привычное окружение. Тогда ее не уберет наповал измена и даже уход или смерть мужа, ибо он все-таки не является ее "частью", как и она, - его рукой или ногой: будет больно, но сердцевина выдержит, жизнь продолжается. Тогда она сумеет и своих детей отпустить - до дивана по коврику, до поворота по дороге к школе, до первого не приходя ночевать, до взрослой жизни без нее. Мгновенного слияния, растворения собственных границ могут по-прежнему быть следствиями, будь то растворение в музыке и ритме, влюбленности в кого или что угодно, медитации, природе или оргазме, - но это будут именно минуты, а не постоянная попытка к бегству. Чем лучше знаем эту свою потребность - для чего вовсе не обязательно провести десять лет жизни на кушетке у психоаналитика, - тем больше найдется в жизни способов ее "докормить", не проваливаясь в нее с головой и не теряя себя. Это важно для всех сторон и сфер жизни: отношений с мужчинами, карьеры, собственного материнства. И есть еще один веский довод в пользу того, чтобы внимательно обдумать и прочувствовать все, что в твоей собственной жизни "про маму": если эта работа сделана, она бывает вознаграждена новыми, взрослыми отношениями с самой матерью. И сколько, оказывается, удовольствия и свободы можно получить в общении с той, про которую, казалось бы, давно все поняла! Не все, поверьте. Отделяясь от матери внутренне, становясь равной и взрослой, женщина получает возможность совершенно новой - и уже не основанной на детских потребностях - душевной близости. Для обеих это может стать чудесным подарком. Что и говорить о том, как важно это успеть... |

Ю. Славникова *Стрекоза, увеличенная до размеров собаки. М.: Вагриус, 2000.*

Judith Viorst. *Necessary Losses. The Loves, Illusions, Dependencies and Impossible Expectations That All of Us Have to Give Up in Order to Grow.* Fawcett Gold Medal, New York, 1990. Pp 12 - 172.

КОГДА ДЕТИ ДЕЛАЮТ ТО, ЧТО ДЕЛАТЬ НЕ НУЖНО | *людмила улицкая*

У меня была замечательная мама, которой я очень многим обязана. Два эпизода. Эпизод первый: мне десять лет, и я говорю маме "дура". Мама врезает мне оплеуху и, отдернув руку, тут же говорит: "Ой, Люська, извини, пожалуйста!"

Эпизод второй: мне пятнадцать лет. Я, влюбленная по уши в молодого человека, полное гнилье из золотой молодежи, собираюсь на свидание. Мама, прекрасно понимающая, что он собой представляет, меня отговаривает, предсказывая, что именно произойдет, если я пойду... Достаточно прозорливо. Что я хорошо понимаю... Структура разговора следующая: если ты сделаешь так и так, и так, то потом будет так и так, и так.

Я это выслушиваю и отвечаю: "Мамочка, ты совершенно права. Скорее всего так оно и будет. Но я должна совершить все свои ошибки, а если я их не совершу, но это буду не я, а ты..."

Эпизоды эти свидетельствуют о полном взаимном доверии и о том, что мама не боялась утратить в моих глазах родительский авторитет. Вероятно, я воспроизводила со своими сыновьями ту же модель поведения. Сейчас они взрослые, отношения у нас очень хорошие. Люди они разные - по характеру, по склонностям, по интересам. Я бы сказала, что трудно найти менее похожих людей. И воспитание, хотя и было одним и тем же, все-таки требовало от меня разных подходов. Со старшим во многих отношениях было проще. Он был послушный ребенок, умный, и если в его планы входило совершение какого-то поступка, который заведомо был бы мною не одобрен, он это достаточно хорошо скрывал. То есть он сам умел избегать конфликтных ситуаций - качество умного человека. Если же такая конфликтная ситуация возникала, мы всегда искали компромисса. Установка же моя личная была всегда такова: если я могу позволить, я позволяю. То есть, на пределе возможного. Всегда шла навстречу, обозначала для себя границу, дальше которой я не отступаю. Но если говорила "нет", меня трудно было "раскачать". Запрещала вообще только ну уж совсем невозможные вещи.

Со старшим сыном эта политика была эффективна.

Что же касаясь младшего, благодаря ему я поняла, что воспитание - взаимный процесс. Он был столь упрям, что мне приходилось самой делать внутренние пируэты, чтобы заставить его делать то, чего он не хочет. Или достойно отступить в безнадежной ситуации. У него была некоторая психическая особенность, с которой я вынуждена была считаться. Например, он не давал себе стричь ногти. До истерики. Что делать? А не стригла. Но требовала, чтобы он их мыл щеткой. Мыл. Это и был компромисс. Выглядело так:

- Я знаю, что ты не любишь стричь ногти, хорошо. Но тогда прошу тебя, следи, чтобы они были чистыми.

И тут уж ему пришлось идти со мной на компромисс. Ссориться-то мы оба не любили.

Он, скажем, не завязывал шнурков. Терпеть не мог. Ходил, а за ним волочились две грязные веревки. Была борьба по этому поводу. Однажды пришел ко мне приятель. Завалился на диван. И вижу я, что у него нет шнурков в ботинках.

- Ты что как арестованный? - спрашиваю я его.

- Да я терпеть не могу шнурки завязывать. Если покупаю ботинки со шнурками, я их сразу выбрасываю...

Тут я задумалась: у него, взрослого, есть право решать, возиться ему со шнурками или нет... Почему же я Петю лишаю такого права?

Я взяла резинку и зашнуровала ботинки. Вопрос был решен. Обуви на залипках или мокасин тогда не было. Это было бы тоже решение.

Общение с моим младшим сыном скорее меняло меня, чем его. Я поняла ограниченность моих возможностей. Поняла, что есть вещи, которых мне от него не добиться.

Все равно в конце концов за каждым человеком остается право поступать так, как считает нужным. И у детей оно точно такое же, как у взрослых. Насилие всегда оскорбительно. И на бытовом уровне, по отношению к детям. Особенно по мелочовке: съешь это, надень то... Надо себя проверять: так ли важно и необходимо то, что мы требуем от детей?

И если двенадцатилетний человек хочет идти на улицу в мороз без варежек или без шапки, я предпочитала отпустить по доброй воле. Ведь если не отпустить, он все равно в парадном шапку снимет.

Резюме: чего я добилась своим либеральным воспитанием? Ничего: у младшего сына ногти до сих пор (ему 27 лет!) нестриженные. Он их иногда обкусывает кусачками. Изредка. Но моет. У старшего руки в идеальном состоянии - ему так нравится. Старший имеет прекрасное образование. Младший - никакого формального образования. То есть, мне ничего не удалось добиться, кроме того, чего они сами хотели. Но в том, чего они хотели добиться, я им помогала, насколько могла. И у нас прекрасные отношения. |

ПРОСЫПАЮЩИЕСЯ ЛЮДИ

Николай Николаенко

— доктор медицинских наук, сотрудник Санкт-Петербургского института эволюционной физиологии и биохимии РАН.

В июле 1994 года молодая петербургская художница Татьяна Лебель попала в автомобильную катастрофу. Она фактически пережила смерть и только через несколько месяцев чудом вернулась к жизни. Все последствия произошедшего с ней уникальны с медицинской и научной точек зрения.

Когда впервые видишь коллекцию рисунков молодой петербургской художницы Татьяны Лебель, испытываешь нечто вроде потрясения. Татьяна родилась в августе 1970 года в Ленинграде. С шестилетнего возраста стала заниматься в изостудии Государственного Эрмитажа. Уже тогда ее рисунки отличались реальностью изображаемого, проработанностью деталей. Она училась в детской художественной школе, а затем в Художественном училище им. В.Серова. Окончила курсы Академии художеств. Татьяна очень любила лошадей, занималась в конноспортивной школе, серьезно увлеклась фотографией, каждое лето выезжала в археологические экспедиции, работала реставратором, преподавала.

Творчество Тани того периода как в зеркале отражает ее духовную жизнь. Тут реальность и воображение: сюжеты и образы, рассказывающие о человеке и его чувствах; животные – кошки, собаки и, конечно, лошади. Есть сюжеты, наполненные символика, а также буддийской тематикой (Таня участвовала в работах по реставрации буддийских ритуальных масок). В основном это графика.

И вдруг – трагедия. В 24-летнем возрасте Таня была сбита на улице грузовиком.

Из истории болезни: ушиб головного мозга тяжелой степени с кровоизлиянием в ткань мозга и травматическим повреждением левой лобно-височной области (левой! – отметить это); отек головного мозга. Состояние крайне тяжелое.

Далее – нейрохирургическая операция, реанимация. Послеоперационный период протекал также крайне тяжело... В течение трех (!) месяцев Таня оставалась без сознания, пребывая в глубокой мозговой коме. Когда через три месяца она наконец открыла глаза, то просто не понимала, что происходит. Никого не узнавала, даже мать. К ней было опасно подходить: она кусалась, царапалась. Из-за этого ее кровать (уже дома, после выписки из клиники) обнесли решеткой. Зверек в клетке (или действительно зверь?). Жуткое зрелище. Женщина 24 лет. Молодая, красивая.

На протяжении последующих месяцев у нее оставались грубо нарушены память и восприятие речи (так называемая сенсорная афазия: непонимание человеком обращенных к нему слов). Спустя десять месяцев после травмы, находясь еще в неясном сознании, с трудом произнося слова, Таня, этот зверек в клетке, взяла в руки карандаш. Первым в ней проснулся художник. Но какой?

Известно, что головной мозг человека функционально асимметричен: правое и левое полушария выполняют разную работу, хотя и взаимодействуют друг с другом.

Каждое полушарие вносит свой вклад в организацию эмоционального поведения или речевой деятельности человека, причем происходит это взаимодополняюще. В процессе восприятия речи сливаются воедино восприятие-порождение интонационных характеристик речи (это дело правого полушария) и опознавание-порождение артикулированных звуков, за что отвечает левое полушарие. Способность правого полушария различать предметные образы органично дополняется “левополушарным” стремлением их классифицировать и схематизировать.

Другой механизм взаимодействия может быть объяснен как межполушарный перенос информации: первоначальная активность правого полушария попеременно сменяется возбудимостью то левого, то вновь правого полушария. Происходит как бы межполушарный диалог. Ну а если речь о творческом процессе, то тогда это постоянный и напряженный диалог познавательных способностей правого и левого полушарий головного мозга человека.

У Татьяны серьезно травмировано левое полушарие, лобно-височная область, которая отвечает за слуховое восприятие речи и расшифровку ее. Поэтому Татьяна не понимает произнесенные слова. Нормальное взаимодействие полушарий невозможно. Как показывают экспериментальные данные, даже у неповрежденного мозга, если у него по медицинским показателям выключено (заторможено) одно из полушарий, должно пройти время, прежде чем действующее полушарие возьмет на себя функции бездействующего. В нашем случае повреждения гораздо серьезнее. В процессе восстановления первым начинает функционировать правое полушарие, которое способно воспринимать и воспроизводить зрительно-пространственные образы, но не умеет их обрабатывать – систематизировать и сопоставлять, не допускает “невозможных” образов и отличать фантазии от реальности. А теперь вспомним, что этот мозг принадлежит талантливой художнице.

Рисунки Тани, первые после возрождения из небытия, приводят в замешательство. Вглядитесь в них. Это грубые, иногда страшные, но всегда выразительные образы людей и животных. Мифические звери-люди. Но ведь именно так выглядят наскальные рисунки, именно так рисуют дети, едва научившись твердо держать в руке карандаш. Таня теперь воспринимала мир так же, как воспринимает его любой ребенок, как воспринимал его первобытный человек. Это правополушарное восприятие мира.

Но все-таки у Тани люди, да и люди-звери, выглядели несколько иначе. Это лаконичное контурное изображение, часто выполненное одной непрерывной пластичной линией. При нарушенной речи и памяти на слова Танина рука “помнила” прежние профессиональные навыки. И это поразительно.

Удивительно для нас, специалистов, анализирующих рисунки Тани, оказалось и то, что при таком сильно нарушении левого полушария изображения людей и животных даны в профиль и в сложных ракурсах. При этом как бы подчеркнуты объемность и материальность изображаемых объектов. Отсюда возникло предположение: за создание на плоскости видимой геометрии окружающего мира, наглядно-чувственной картины ближней части пространства “отвечает” правое полушарие. Для правого полушария, как оказалось, характерен и синтез разных проекций в целостном изображении – органичное сочетание вида сбоку с видом сверху или снизу. Сложные ракурсы рисунка говорят о правополушарной способности интегрировать множество признаков предмета в процессе мысленного его вращения.

Наглядно-чувственное отображение проявляется у Тани и в том, что фигуры людей и животных на рисунках того периода выполнены анатомически правильно. Пластичность создаваемых образов связана с правильным сочленением разных частей тела и с точными пространственными взаимоотношениями частей изображения. Даже если конечности вывернуты необычным образом, то повернуты они в суставах. Подобные “невозможные” ракурсы тела встречаются в рисунках Пикассо, Матисса, Леже. Более того, изображение некоторых характерных деталей анатомии животных (холка, прогиб спины, выступы таза) придают рисункам Тани весьма реалистичкий вид и вновь поражают способностью руки помнить особенности формы.

Еще одна значимая особенность изображений человека у Тани в рисунках – увеличены размеры стоп и кистей. То же и при изображении животных: так, голова, копыта и хвост лошадей подчас больше их тела, отчего они похожи на скачущих, резвящихся жеребят.

Подобные особенности изображения человека и животных встречаются, как правило, у детей 5-6-летнего возраста и в наскальных рисунках у взрослых на заре человеческой культуры. Например, изображая бизона, первобытный художник рисовал необычно большой горб и отвисшие складки кожи этого зверя, что придавало рисунку особую, впечатляющую убедительность.

Итак, возвращаясь к жизни, Таня изображала мифических персонажей – чертей, зверей, похожих на грифонов, сфинксов. Но эти существа выглядели реалистически: части их тела плавно перетекали из одной формы в другую и анатомически были пропорциональны. Но почему и как в сознании или подсознании возникали эти фантастические существа? Как они “пришли” именно к Тане в период ее восстановления после мозговой травмы?

Скорее всего, здесь мы опять же сталкиваемся с ситуацией детства. В детском сознании и детском мышлении, по преимуществу мифологическом, свободно комбинируются разные части разных предметов (или части тела человека и животных). И получается так, что свобода оперирования частями разных образов у детей реализуется в способности синтезировать из них новый образ, зачастую совершенно неожиданный, “незавпаждавший” (для взрослых), мифический, но для сознания ребенка вполне реалистичный. По сути дела, это комбинаторное мышление, или мышление комплексами, по теории нашего соотечественника психолога Льва Выготского. Теперь известно, что подобные комплексы ощущений и зрительных образов действуют как совокупные впечатления, как целое, без далеко идущего анализа. Они надолго сохраняются в памяти человека еще с раннего детства, сохраняются без глубокой переработки сознанием и периодически “выходят” из подсознания. Это вариант архаического мышления. Вот потому-то, как в случае с Таней, следствием относительно более раннего восстановления правого полушария – зрительно-пространственного, “интуитивного” – и стало появление в сознании именно мифических образов. Именно правое полушарие способно создавать оригинальные, самобытные образы, в основе которых – не скванное догмами мышление. Это мышление дологическое, оно оперирует фантазиями, свободно комбинирует части разных образов, создавая новый целостный образ. Благодаря именно этому свободно, недогматическому мышлению и возникают люди-звери. Хотя они лишь частично: возникает целый мир образов – художественных, музыкальных, поэтических – и чем более “правополушарна” творческая личность, тем больше шансов, что созданное ею будет по меньшей мере нетривиально, а то и талантливо. Вспомним те песни (песни) Высоцкого, которые, по сути, можно объединить в некий сказочный, мифологический цикл. Там и упыри, и ведьмы, и лешие, и “огромная старуха”, которая “хохотнула прямо в ухо – злая бесустья”, и прочая нечисть – и все они (то трагически, то комически-остроумно) сосуществуют в реальном времени с героим автора – его “я”. И вот что не менее удивительно: мы, по большей части “левополушарники”, все это не просто воспринимаем (понимаем-чувствуем!), а тянемся к этому! Перечитываем и переслушиваем! А дело в том, что в нас, в нашем правом полушарии, продолжает жить этот архетип.

По мере восстановления после травмы рисунки Тани меняются: теперь это разрозненные фигуры, обращенные лицами в разные стороны и отчаянно жестикулирующие. Они как будто производят никому не адресованные экспрессивные монологи. Люди образуют группы, в которых каждый человек выражает жестиком свое отношение. Это напоминает сцены из театра абсурда, где позы актеров выразительны, но в то же время каждая из актерских оболочек, независимо от прочих в своей игре. Что из этого следует? Очевидно, на раннем этапе восстановления мозга Тани смысловая связь между изображаемыми ею отдельными фигурами отсутствует, не организовано взаимодействие изображаемых ими фигур в воздухе, они не связаны друг с другом, а изобразительное поле не ограничено какими-либо рамками.

Теперь нам ясно: в период, когда словесно-логическая функция левого полушария угнетена, включается особая, древняя зрительно-пространственная память правого полушария. Восстановление в первую очередь зрительно-пространственной памяти и мышления (когда другие способы общения недоступны) словно отблеск самосознания Человека Разумного. По существу это, может быть, единственный способ общения в ситуации, когда психика фактически возрождается из руин. Вот как в случае с Таней: особая, тихая сосредоточенность во время рисования – эквивалент словесного общения, который приносит успокоение, некое чувство высказанности, реализованности. И не случайно, что именно в этот период – очень медленно – к Тане начинают возвращаться человеческий облик: она уже может плакать, временами появляется застенчивая улыбка. Агрессия постепенно сменяется на ласку. Постепенно возвращается мир нормальных эмоций человека. Но что дальше?

С возрастанием речевой активности и расширением словаря (значит, по мере восстановления функций левого, вербально-логического, полушария) характер Таниных рисунков меняется. В этот период возникают и постепенно начинают доминировать элементы орнаментальной композиции, появляются ритм и симметрия. Так, листья, принадлежащие одной ветви, нарисованы точно одинаковой формы и строго по обе стороны прутика. Растительные композиции усложняются: это уже самостоятельные декоративные сюжеты. Отметим и то, что изображения растительного орнамента все больше вытесняют отдельные изображения людей и животных. Это переход, так сказать, с персоналий на нечто абстрактное. А далее, рисуя фломастером, Таня скрупулезно и тщательно покрывает всю поверхность листа мелкими раскрашенными деталями. Возникает что-то похожее на связный сюжет.

Появляются изображения отдельных домов, даже улиц – первый намек на рисунок-рассказ. Для этого этапа восстановления функций головного мозга у Тани характерно стремление к изображению объективной геометрии пространства с применением чертежных приемов – они увеличивают информативность изображения.

Восстанавливаются речевые функции левого полушария и появляется фризное (построчное) изображение пространства. Видно, что сюжет организован по горизонтальным линиям, наподобие строчек в книге. Такой способ организации пространства предполагает единую фиксированную точку зрения, его единое организовано поле. Таковой прием есть и в рисунках ребенка, и в изображениях древнеегипетских и шумерских памятниках. У Тани постепенно исчезают человечки с их неравномерной анатомией, появляется изображение человека, пропорции которого постепенно приобретают вид, близкий к нормальным.

Рисунок уже окантован рамкой, ограничивающей поле изображения. По-видимому, Таня – теперь вполне осознанно – создает пространство для задуманного сюжета, появляется боковая проекция изображения земли. В принципе так землей увидеть нельзя, но этот условный прием изображения извещает о принятии объективной геометрии пространства. С этого момента у Тани происходит логическое членение пространства по вертикали листа – с оппозицией “верх-низ”.

Изображение объективной геометрии пространства относится к сфере действия левого полушария. Применение чертежных приемов (ортогональные проекции, развертки) означает стремление художника не только к убедительному изображению предмета, сколько к пределению изображения о нем. Леповолушарное сознание человека накладывает логические схемы (ограничения) на многообразие форм мира, сводя их к минимуму. Так и формируется понятный всем (а не только творцу) рисунок-рассказ.

...Идут месяцы, у Тани медленно восстанавливается речь, то есть функции левого полушария. В ее рисунках все чаще находят место литературные сюжеты, иллюстрации какой-то идеи. Появляются семейные портреты, автопортреты. Вот рисунок “Я и моя мама”: взгляните, в нем все еще архаично (резко увеличены губы, несоразмерно огромная, хотя и анатомически правильная голова животного – а главное – глаза! глаза!). Это указывает на внутреннюю связь персонажей, создает ощущение диалога между ними. То есть опять же: возвращение в человеческий мир.

Уникальность восстановления сознания и творческой деятельности Татьяны Лебель связана с тем, что через много месяцев в поле тяжелой травмы головного мозга, сопровождавшейся длительной комой, вначале проявилась активность только правого полушария. Именно присущая ему зрительная память и образное мышление дали девушке возможность рисовать, когда она наконец смогла взять в руку карандаш. И тут – воистину чудо, если говорить о познании, казалось бы, уже непознаваемого, и именно в русле искусства: открылся целый пласт древнего, доисторического мира – удивительно фантастический мир фигур человека, животных, людей-зверей. В обычном здоровом состоянии этот подсознательный пласт у человека безнадолго подавлен или замаскирован. И вот у Тани – в силу сложившихся, безусловно, трагических для ее здоровья обстоятельств – он стал видимым.

Она воспользовалась единственным своим шансом – стала говорить языком рисунка, графики. Только так, безмолвно, наедине с собой, интуитивно осознавала себя, свое “я”. Происходила своеобразная невербальная аутокоммуникация. В рисунке выражались эмоции, реакция на беспомощное положение в этом мире, который ей стал чужим, как и она ему. Но как и должно было случиться, мифологическое – правополушарное – мышление со временем активизировало речевые функции левого полушария.

Регулирующая роль левого полушария состоит в фильтрации образов и рациональном контроле над эмоциями. Но полного подавления мифологического мышления у художественно одаренных натур все-таки не происходит. Творческий процесс неизбежно включает как мифологическое, так и логическое мышление – с беспрестанным “качанием” активности правого и левого полушарий мозга. Так индивидуальность “встречается” с профессионализмом.

Минуло восемь лет после травмы. Таня уже неплохо говорит, может прочесть короткий текст, учится владеть ногами, стоять. К сожалению, она еще не полностью понимает обращенную к ней речь. Не может долго заниматься рисованием: болят глаза, правый глаз почти не видит. И все же Таня смеется, радуется жизни и временами выглядит счастливой. |

ТРИ ЖЕЛАНИЯ МОСКОВСКОГО ПОДРОСТКА

надежда зырянова

- психолог, сотрудник Психологического института РАО

Старшеклассников московских школ попросили представить ситуацию, при которой может исполниться любое их желание, и спросили: "Какие три желания ты бы загадал?"

Желания оказались интересными и очень разнообразными - от элементарного: | хочу машину, квартиру и красивую девушку | до значимого: | хочу прожить свою жизнь не зря |. Хотя были и другие ребята, которые предпочитают ничего не загадывать, они считают, что просто | нужно жить и смотреть, что приносит тебе жизнь |.

Желания подростков удивительным образом показывают, чем они живут сегодня: что их интересует, к чему они стремятся, чего боятся и о чем мечтают.

На первом месте, как и следовало ожидать, мечты подростков о личном счастье. Как и их сверстники во все времена, современные подростки хотят: | чтобы личная жизнь сложилась счастливо |, | найти любящего и любимого мужа |, | жену хорошую |, | чтобы была крепкая семья |, | чтобы дети были удачными |, | встретить классного парня |.

Вторая группа - мечты, связанные с карьерой и будущей профессией. Но, как правило, эти желания общие, не очень определенные: многие подростки пишут о будущей престижной, интересной и высокооплачиваемой профессии, но лишь единицы - о конкретной профессии. Наиболее частые пожелания звучат так: | иметь надежную профессию |, | любимую и высокооплачиваемую работу |, | найти дело своей жизни |, | работать по профессии и добиться успеха |, | сделать карьеру, быть счастливой |.

Третью группу можно условно назвать | пусть все будет хорошо |. Это желания подростков о том, чтобы у них все в жизни складывалось удачно, чтобы все было хорошо, все удавалось, все получалось: | я попросил бы себе счастья |, | исполнения всех желаний |, | успеха во всем |.

Желания, касающиеся получения образования, как и в случае с будущей профессией и карьерой, как правило, - общие слова. Подростки пишут, что хотят: | получить хороший аттестат |, | поступить в хороший институт |, | получить высшее образование |. Но очень редко упоминается конкретный вуз или факультет.

На пятом месте - довольно неожиданными для исследователей стали мечты подростков о благополучии и процветании России. Как оказалось, современные старшеклассники вовсе не так равнодушны к судьбам своей страны, как можно было бы предполагать, наоборот, их волнует вопрос о месте России в мире. Прежде всего подростки хотят: | чтобы наша страна снова стала сильной державой |, | заняла достойное место в ряду европейских государств |, | чтобы Россия отдала долги |. Но есть те, кто мечтает о том, чтобы Россия стала главнее, сильнее и могущественнее других государств, чтобы ее все боялись, | слушались и подчинялись: | хочу, чтобы нас все боялись и уважали |, | мечтаю раздавить НАТО |, | хочу, чтобы вымерли все американцы и европейцы |, | желаю, чтобы возродилась Россия и заселила всю Землю |.

Мечты о материальном благополучии занимают только шестое место. Современные подростки пишут о важности денег для того, чтобы | иметь материальную свободу |, | осуществлять потребности и желания |, | жить достойно |. Хотя, конечно, были и желания такого рода: | иметь 100000000000\$ | и | хочу нескончаемые запасы денег в швейцарских банках |.

А вот благополучие родных и близких их по-настоящему волнует. Многие подростки желают: | чтобы близкие были счастливы, здоровы и жили долго |, | чтобы в моей семье у всех была работа |, | чтобы мой брат вылечился от ДЦП |.

Также высокой ценностью для подростков остается дружба. Они пишут: | хочу иметь хороших друзей |, | чтобы мои друзья оставались со мной на всю жизнь |.

И о "мире во всем мире" подростки тоже мечтают, и о том, чтобы: | всем людям на свете жилось лучше, чем сейчас |, | было меньше преступности |, | люди стали добрее друг к другу |, | наркотики ушли |, | все люди могли обеспечить себе достойную жизнь, в том числе и пенсионеры |.

Были и другие желания, но их значительно меньше.

Интересно, что, в отличие от шестилетних детей, мечты подростков о чем-то конкретном (о вещах, животных, событиях типа: | пусть победит наша команда в чемпионате мира по футболу |) не являются важными. И здоровье сегодняшних подростков не очень беспокоит - только единицы хотели бы | быть здоровыми | и | прожить долгую жизнь |. Но зато | оставаться всегда молодым | хотели бы многие.

Некоторые подростки хотят | поменять место жительства, уехать из России |, | переехать жить куда-нибудь в более цивилизованную и развитую страну |. Хотя просто путешествовать, увидеть мир своими глазами, при этом живя постоянно в России, все-таки хотят чуть больше подростков.

Мечтают они и о том, чтобы | стать уважаемым в обществе человеком |, | получить известность |, совершить что-то неординарное, прославиться или хотя бы | сделать счастливыми любимых людей |. С этой же группой желаний связаны и те, в которых подростки мечтают принести пользу людям, внести свой вклад в развитие общества, оставить свой след на Земле - например, | придумать лекарство от всех болезней |, | спасти мир от СПИДа и рака |, | возродить российскую науку |, | сделать, чтобы все на Земле были счастливы |.

Некоторые в своих мечтах заглядывают далеко: | стать президентом России |, | депутатом Государственной Думы |. А вот вопросы охраны окружающей среды, улучшения экологической обстановки на планете современных подростков, в отличие от шестилеток, почти не волнуют.

В некоторых желаниях нашли отражение личностные проблемы подростков: | вернуть себе папу |, | вылечиться от диабета |, | пожить, наконец, спокойно, без врагов |, | иметь возможность делать все, что захочется |, | перестать быть эгоисткой |, | кончить комплексовать |.

Для кого-то важно: | чтобы родители понимали |, | чтобы исчезли проблемы в школе | или | чтобы никто не грузил |.

А для кого-то: | чтобы маме не приходилось работать целыми днями и зарабатывать деньги |, а также | не пойти в армию |.

Были и "волшебные" желания, например: | поймать золотую рыбку |, | пусть воскреснет Фредди Меркьюри |, | жить вечно |, | родиться заново |, | чтобы существовала магия - по-настоящему... |, | чтобы была волшебная палочка, исполняющая все желания |, | научиться читать чужие мысли |, но таких желаний мало.

А большинство желаний современных подростков направлено в будущее, их главные мечты о том, как они будут жить. Но это будущее простирается не очень далеко: если о детях они еще мечтают, то о внуках и вообще о своей жизни в зрелом возрасте и старости не пишут совсем. Их волнует будущее, которое непосредственно последует после окончания школы, - поступление в институт, овладение профессией, любовь, брак, дети.

И основные желания касаются именно этого времени. |

Вопрос о мечтах и желаниях современных подростков - один из аспектов исследования ценностной сферы старшеклассников, которое провела в московских школах группа исследователей Психологического института РАО под руководством Марины Егоровой.

ОНИ. ОСОБЕННО ДЕВОЧКИ

Владимир Петрушов

– наш постоянный автор, писатель, художник, отец шестнадцатилетней дочери.

художник, писатель, постоянный автор нашего журнала

Конечно, замечательно, что есть паровозики, куклы, машинки, игрушечная посуда и плюшевые медведи. Хорошо. Но ИХ лучшими игрушками были МЫ. ОНИ играли в НАС азартно, страстно, жестоко; хохоча до слез и икоты, прекращая игру так же внезапно, как её начали.

Они играли с нами во врача, регулярно простужаясь и объедаясь конфетами. Особенно девочки. Мальчики не способны съесть столько сладкого.

Они играли с нами в магазин, заставляя продавцов показывать десятки разных вещей. Потом разворачивались и уходили, оставляя с носом всех. Особенно девочки. Только девочки могут столь сокрушительно-победоносно покинуть магазин, не купив ничего.

Они играли с нами в мудрецов и афинскую школу, рассуждая о смысле творения, прогуливаясь по дорожкам парка. И только девочки могли придать нашим неуклюжим экскурсам в философию сияющую красоту и элегантность, потому что девочки, разумеется, знают, что они-то и есть причина и смысл.

Они играли с нами в повара, в прятки и в "почитай книжку", которую знали наизусть. Они играли с нами в путешественника, охотника и в дракона, доводя до бешенства. Особенно девочки. У принцессы должен быть дракон.., а у мальчиков - кубики.

Они играли нечестно, коварно, обманывая на каждом шагу. Особенно девочки. Какие могут быть для девочек правила?.. Как их растить? Как воспитывать? Это ведь совсем особая наука. Или игра?

А потом они вырастают. Особенно девочки. Мальчики остаются детьми. Питер Пэн остался ребенком, а Венди-Мойра-Анджела-Дарлинг стала взрослой... и родила дочку.

Они перестают играть в нас. Мы пылимся среди мячиков и кукол, ревнуя их к компьютеру и друзьям. Мы пытаемся вернуть прошлое. Потом решаем показать, что и сами по себе игроки хоть куда... Но наши взрослые игры нас не завораживают, потому что вершины побед во взрослых играх покрыты лёгкой пеленой сизого дыма. Это горьковатый дым индейских костров нашего далекого детства. |

ЗАПИСКИ МОЕЙ

ЛЕВОЙ РУКИ

наталья ефремова
- антрополог, выпускница МГУ, изучает поведение приматов, в том числе двуногих.

ДЕТСКАЯ БОЛЕЗНЬ ЛЕВИЗНЫ

Моему деду левую руку в детстве привязывали к туловищу, чтобы отучить его пользоваться. Лупили, наказывали, ставили в угол - левой быть не разрешали. В школе, в мастерских - везде ему приходилось работать правой, преодолевая свою "нехорошую" особенность. Лишь однажды, уже став взрослым и поступив в институт, он правую руку сломал (разумеется, не специально) и, пока выздоравливал, писал конспекты левой. У нас дома дед устроил настоящую мастерскую, где творил всякие малюсенькие поделки: шкатулки, микроскопы Левенгука, самый крохотный замочек в мире... Как левой, так и правой - обеими руками.

А для меня дед сделал картофельный нож "под левую руку". Ибо я пошла в него - если не умением мастерить и "левизной" политических убеждений, то по крайней мере леворукостью. Меня, конечно, научили писать "правильной" рукой. Но у доски от волнения я начинала работать обеими: записывала правой, подрисовывала левой, а если очень увлекусь, то вообще начинаю писать в обратную сторону. Большие заголовки и рисунки на плакате до сих пор вывожу левой рукой, причем вверх ногами - так удобнее! Устойчивого почерка так и не появилось - наклон и рисунок букв получается "под настроение".

Меня, в отличие от деду, переучивали довольно мягко и безболезненно. Рисовать разрешали и левой. Поэтому в школе, едва учительница рисования отходила в сторону, я втихаря переключала карандаш в левую руку. А вот на балете проблемы были куда серьезнее - усваивать комплексы движений удавалось с трудом. Пробовала даже ходить на занятия дважды, с двумя группами подряд. Но когда пошли "верчения", я даже при такой нагрузке не могла ухватиться за всеми - пришлось балетный кружок бросить. Вообще-то я не левша, а амбидекстр - "ведущими" являются обе руки (а иногда кажется, что наоборот - ни одной).

Когда рос наш сын Егор, мы долго не могли понять, какая же рука у него будет главной - ни правая, ни левая ловкостью не отличались. Амбидекстр? Мой супруг называл его "нолидекстр" (то есть безрукий), а также... "тормоз". Пожалуй, это был единственный недостаток мальчика: неловкость и медлительность. Казалось, Егор и сам не может выбрать ведущую руку. Проблему решила энергичная бабушка: просто велела ему делать все правой. Ребенок особенно не протестовал. Так он стал правойшой. Но прошло время, и выяснилось, что у него есть очень многие признаки левши. Главным образом, это касалось пространственного восприятия. Мальчик долго не мог "сообразить", как повторить движения танца, зарядки, как управлять действиями ножек на велосипеде, как ловить мяч...

Еще Егор очень мило и выразительно лепил и рисовал удивительно похоже на оригинал, однако без единой "правильной" линии: настоящую технику ему освоить никак не удавалось. Изображение часто становилось зеркальным или заваливалось набор - все у него получалось то "Кривокаменный замок", то "Дельфины наклонного моря". Рисуя круг, рука из раза в раз смело взбиралась на его вершину, а затем - словно у пальцев начинали "дрожать колени" - линия соскальзывала, и один бок у круга всегда оказывался кривым.

Затем - школа. Все, что касается процесса познания, идет отлично. А вот оформление... Кривули, загогулины, "вылезания" за поля; здесь курица ходила лапой, а здесь она на минутку присела... Порой он делает в тетради по русскому такие лингвистические анализы, которые и нам не по зубам. Однако педантичная учительница из-за каракулей постоянно снижает ему оценки. Что с ним в конце концов такое?

Все стало проясняться, когда я познакомилась с работами психологов, изучающих проблему левшей. Начну с мрачноватой цитаты: "Как всякое меньшинство, левши внушают враждебность, подозрительность, впечатление всякого человеческого добродетелей и умений. Они часто становятся психоневротиками, эпилептиками, заиками; обнаруживают трудности при письме и чтении, зеркально пишут, затрудняются в ориентации в пространстве, рисовании; упрямы, неупорядочны, гомо- и бисексуальны. Но Леонардо да Винчи и Микеланджело - левши..." - так безапелляционно говорил о левшах крупнейший исследователь в этой области Ж. Эррон. Таким до сих пор является образ левши и в массовом сознании. Хотя я, будучи из этого племени сама, высказалась бы о левшестве намного мягче.

Сено? - Солома!

Ребенок-левша как бы всякий раз изобретает свой способ построения и овладения миром правой. Ему нелегко научиться пользоваться иголкой, ножницами, спицами, завязывать шнурки и завязывать одеяло в пододеяльник. Дело в том, что особенность левшей является нарушением автоматизма - того благословенного автоматизма, который позволяет нам всему научиться и переделать тысячи дел, не задумываясь над каждым своим движением. Левше же приходится усваивать навыки не автоматическим повторением, а подбором логических связей - делать все "через ум". Открывая консервную банку, я постоянно смотрю, под каким углом стоит нож. А когда я вяжу, каждая петля - это очередной смелый шаг в борьбе с нитью. Пройдет каких-нибудь полгода, и на свет вместо шарфа появляется некая желтая колбаска, которую я тут же распускаю, чтобы приняться за ту же работу с новыми силами. Но я уже взрослый, опытный человек. А ребенку-левше приходится гораздо чаще контролировать свою деятельность сознанием и искать особую логику для ориентации. Не удивительно, что возникает замедленность и неуклюжесть. Особенно трудно переключиться с одного процесса на другой или делать несколько дел сразу, например, разговаривать и чистить картошку (что это я все о своем, да о женском...).

Родители, не терзайте маленького левшу своими требованиями! - присоединяюсь я к совету детских психологов. Лучше учить его не через глаза, а через тело, вставая за спиной и двигая его руками и ногами, словно это Пиноккио. И тогда деревянная кукла превратится в живого мальчика. Полезно использовать дедовский прием "сено-солома": надевать, например, на левую руку красную "фенечку". И левая половина мира становится "красной": взмахивать "красной" рукой... Когда пишем, буква "Я" опущена в "красную" сторону, а "К" от нее отворачивается... Ребенку хорошо помогает опущенные руками объемных букв игрушечной "азбуки". А участь рисовать, пусть обводит линии, намеченные взрослым.

Полезны для детей-левшей занятия восточными единоборствами (особенно ушу). Там, кстати, по отношению к телу царит полная справедливость: сколько движений выполнено влево, столько же и вправо. Но здесь ученика ждут большие трудности - при повторении движений тренера, стоящего к нему лицом. Помочь могут два приема: "двигаем деревянную куклу" и "выпускаем тень-двойника". Первый прием мы уже описали. А второй? Нужно выпустить из тела свою "тень", мгновенно развернуть ее и совместить с фигурой тренера, заставив принять ту же позу. А затем так же быстро возвратит обратном, после чего наложить на "тень" свои собственные движения. Нужно немного приловчиться - и обучение пойдет как по маслу.

Наш сынок долгое время пытался упорно усвоить простейший танец, пантомиму, приемы борьбы. И чтобы его обучать, приходилось детально исследовать самые обычные наши действия ("как это у меня так получается?"). И только разбив их на элементарные движения, которые можно отработать по отдельности, мы добивались результата. Сегодня уже многое позади. Егор гордится своей первой яичницей (зажаренной дочерью) и тем, что ему удается порезать (точнее, изрубить на мелкие клочочки) редиску в салат. Будем двигаться дальше, веря в то, что ребенок-левша, научившись делать все "через ум" и привыкнув совершенствоваться, достигает больших успехов, чем его сверстники-правши.

Ленивая память

У нас были какие-то иррациональные сложности с запоминанием. Ребенок рос умным, хорошо учился, много знал. Но оказалось, что он не может воспроизвести информацию "по заказу". Перед сном к сыну приходил вдохновенный папа и рассказывал "лекции о природе вещей". Ребенок кивал и поддерживал разговор. Но как-то раз возник вопрос: "Так... о чем это мы говорили вчера?" Выяснилось, что наш книголюб и поэт совершенно этого не помнит. Более того, оказалось, что он в точности не помнит... вообще ничего! Самой малости не может удержаться в памяти - отсюда большая рассеянность. Не удается механически запоминать иностранные слова - хоть десять раз повторять. Что за дырявая голова! После этого отец стал с ним заниматься мнемоникой. Например, они заполняли воображаемый буклет: на первой странице лешадья, фонарь и морковка, на второй - синица, лепешки и пепельница... Самые дикие сочетания! А затем вопрос: "Что у нас находится на третьей странице?" Запоминали также последовательности цифр и воспроизводили их прямо, в обратном порядке, вперемешку... Развивали разное видение: "Представь себе синий одуванчик и белую пчелу..." Вроде бы такие тренировки помогли (жалко только, что их было немного).

Проблема в том, что у детей-левшей нарушения автоматизма касаются и процессов запоминания. И нередко вместо механического запечатления им приходится изобретать сложный мнемонический алгоритм. Особенно это касается пространственных кодов, начиная с того же "право - лево". Девочка, которая проходила коррекционный курс у психолога, пришла к выводу, что "слева - это там, где рука, которая на пианино берет аккорды". Другая девочка (это, кстати, была я) носила слева значок, и разразился скандал, потому что в советском садике значки носить было нельзя (возможно, позабытый уже скандал и помог мне запомнить, где же это нехорошее "лево"). А наш сын твердо усвоил, что левая сторона там, где стучит сердце. Оказывается, это умозаключение ничуть не проще, чем предыдущие. Во-первых, с ним связаны переживания спортсмена с четырёхлетним опытом: уха папаши прижимается к груди, слушающая, не перегружена ли сердце. А во-вторых... недавно Егор прочел повесть Б. Акунина "Алтын-толобас", где капитан, муштруя солдат, использовал такой же прием: налево - это, где сердце... Вот как сложно, "через ум" была решена эта проблема!

Где-то за зеркалом

Левши живут в своем собственном пространстве - и времени. Нашего бедного мальчика отец заставлял зубрить станции метро, улицы, остановки трамвая: "Ребенок не умеет ориентироваться в собственном районе!..." А рядом с отметками роста бисерными буквами записано: "Октябрь, 2000. Не умеет определять время. Декабрь, 2001. Не умеет определять время..." Теперь после измерения роста Егор с хохотом бежит к часам, глядяется, пыжится и выдает: "Десять тридцать!" (ошибаясь всего-то на час-другой). Оказывается, ориентироваться в географическом пространстве и определять время по стрелочным часам - для левши сложнейшая задача. Некоторые такие дети хитрят, пытаются вычислить, который час, путем сложных умопостроений. Другие постоянно ошибаются. Похоже, что у левшей проблема не только со стрелками будильника, но и с внутренними часами - отсюда неумение правильно оценивать временные интервалы.

Ох уж эта пространственная ориентация... Посещая какой-нибудь адрес, дорогу я, конечно, запоминаю - но как муравей: по деревьям, солнцу, пятнам на асфальте. Описать тот же путь словами - выше моих сил. Равно как и пользоваться планом, картой (приходится постоянно уточнять у прохожих). Когда я пытаюсь перевести образы в слова, картина может исказиться, и, скажем, розовый и приземистый в моих представлениях дом вдруг оказывается желтым и стройным. Однажды в детстве мы спустились в подземный переход, и, когда вышли на другую сторону улицы, я никак не могла понять, где же мы очутились, почему все вокруг стало совсем другим. От этого подкашивались ноги и хотело плакать. В другой, уже взрослой жизни я шла на юг, и вдруг вышло солнце, и оказалось, что я продвигаюсь... на север. Я даже присела - так закружилась голова. Интересно, что у обычных людей (правшей) пространственный анализ осуществляется по правому полушарию - главному обестом, та функция, где граничат теленная, височная и затылочная зоны. У левшей эта естественная функция нарушена - ведь правое полушарие одновременно вынуждено управлять ведущей рукой и речью, что у правшей делает левое полушарие.

Кстати, о речи. Когда слушаешь левшу, нередко возникает впечатление, что средств языка не хватает, чтобы выразить мысли. "Я, как возничка, все понимаю, но сказать не могу", - говорю я мужу, если он решает завести со мной философскую беседу. Специалисты утверждают, что у детей-левшей наблюдается сравнительно поздний дебют самостоятельной речи, она пестрена, скачута, бедна, содержит неправильные конструкции. Порой эти заикаются, а при письме путаются в буквах, совершая ошибки, которых "не бывает" (замена букв местами, зеркальные написания). Приходится учить написание слов наизусть, заучивать словари - это как раз в духе основательности левшей. Известен случай, когда человек пишет левой рукой каллиграфически, но с пятью ошибками в слове, а правой - очень неразборчиво, многие буквы зеркально, но абсолютно грамотно.

Левые ролевые отношения

Я где-то прочла себе приговор: левши - аутсайдеры, существа обидчивые, эмоции свои контролируют не могут и вообще - буки. В основном это оказалось чепухой. Но одна констатация показалась мне весьма точной - факт аутсайдерства. Если представлять себе аутсайдера не как хулигана и "панка", а как индивида, находящегося на периферии социальной группы и имеющего либо неопределенный, либо низкий ранг, то многие левши, по моим наблюдениям, - типичные аутсайдеры. В социальной группе существует иерархия, получившая у птиц название: "порядок клевания" (вначале пищу из кормушки клюет главная курица, в конце - захудалые). Так вот, аутсайдеры вообще не принимают участия в "порядке клевания" и клюют либо на стороне, либо последними, крайне редко первыми (уж если остаются в группе - то президентом!). В таком случае мы с Егором, конечно же, аутсайдеры. Дружелюбные, общительные, порой даже лидеры. Но коллектив, в котором сложился устойчивый "порядок клевания", нас выталкивает - мы какие-то не "свой".

Возможно, аутсайдерство левшей возникает не только под влиянием особенностей мозга, но и под давлением "общественности", которая норовит переучить, укорить или просто привлечь внимание к их инаковости. Таким образом, нервная система испытывает перегрузку, причем двойную. Во-первых, из-за нарушения автоматизма приходится вовлекать дополнительные ресурсы сознания (о чем мы уже говорили). Во-вторых, требуется постоянная подстройка своего поведения под вкусы окружающих. Переученные левши обычно имеют скрытые комплексы неполноценности (а если без сложных слов - выглядят затюканными и подавленными). Так и выпали психические процессы отнимают ресурсы у структур, отвечающих за эмоции и управление телом. И пока все "пропускается через ум", нервная система изнашивается, создавая почву для неврозов и эмоциональных срывов. Общее ослабление нервной системы влечет за собой и другие заболевания: иммунные, сердечно-сосудистые.

Левша - это в своем роде "рыжий-конопатый". Однако если не заставлять его изменить цвет и не показывать пальцем, то негативные эффекты, перечисленные Ж. Эрроном, могут и не проявиться. Мне кажется, что установление связи левшества и конкретных психологических особенностей не лишено предвзятости. Исследователь уже знает, что вот эти конкретные дети пишут левой рукой и что они обратятся за психологической помощью, поэтому и приглядывается к особенностям их души. А если просто окинуть взором большую группу людей, можно ли отделить "зерна от плевел"? Невротики, упрямы, балбесы и заики налево, остальные направо! Я не верю, что толпа тут же поделится на левшей и правшей. Слишком велико индивидуальное разнообразие людей. Нельзя забывать и о том, что асимметрия мозга проявляется очень неодинаково. Здесь, как в политике, найдутся и "ульштралевые", и "умеренные правые центристы"... Все зависит от того, какие зоны получают преобладающее развитие. Кстати, когда давление среды ослабевает, доля правополушарных людей резко возрастает: от семи процентов до одной четверти. Такая ситуация наблюдается как в слабо цивилизованных обществах (где дети не учатся писать), так и в сверхцивилизованных (Япония, США, где у детей просто много свободы). А еще - у близнецов, которые создают свой собственный огражденный мирок.

С этими мыслями я отправилась принимать зачет у студентов-психологов. И подметила, что одна из студенток - девушка с яркой замечательной внешностью - пишет левой рукой. Оказалось, что ее никто не переучивал - левшой она родилась. Я спросила о готовящейся статье и посоветовала: сложно быть левшой. Ответ был неожиданный: - Ха! Да это мы смотрим на правшей с чувством превосходства. Потому что они научились жить только в "правом" мире, а мы - и в "правом", и в "левом"! Сколько было уверенности в этом голосе! Эх, хорошо, когда у рук никто не отбирает свободу... |

М.Безруких. Леворукий ребенок в школе и дома. - Екатеринбург, АРД ДТД, 1998.

М.Безруких. Леворукий ребенок. Тетрадь для занятий с детьми. - М., Вента-Граф, 2001.

М.Безруких, М. Князева. Если ваш ребенок левша. - Тула, Арктоус, 1996.

Т.Доброхотова, Н.Брагина. Левши. - М., Книга, 1994.

И. Макарьев. Если ваш ребенок левша. - СПб, Лань, 1995.

А.Семенович. Психолого-педагогическое сопровождение детей-левшей. - М., 1998.

<http://inter-pedagogika.ru>

<http://parent.fio.ru>

<http://materinstvo.ru>

<http://baby.com.ua>

<http://dети.e1.ru>

<http://left-hander.by.ru>

КАК ПРАВИЛЬНО ЖАЛЕТЬ СЕБЯ | *светлана кривцова*

Когда я была моложе и прагматичнее, я с большим энтузиазмом проводила тренинги, много-много тренингов личностного роста, в которых жалость к себе рассматривалась как основной тормоз, не дающий человеку быть успешным. В моей концепции мира жалели себя только неудачники, а люди успешные и эффективные смело принимали очередной вызов жизни, быстро "превращали проблему в задачу", а потом спокойно и уверенно принимались ее решать. Теперь, став старше, в полной мере пережив как лицо, так и изнанку успеха, я понимаю наивность того молодежного подхода. Да и в психотерапевтической практике я так часто жалею внешне вполне успешных клиентов, что готова пересмотреть свои взгляды на жалость и высоко оценить умение правильно пожалеть себя. Что же такое жалость и почему так важно уметь себя жалеть?

"Жалость", "жалею" - слова очень русские. В них угадываются теплые чувства, но также слышны печаль, грусть, сожаление. Такая грустная любовь. Жалеть себя, по сути, означает сопереживать, сострадать самому себе в связи с потерей чего-то хорошего, ценного, дорогого.

Вот закончился очередной рабочий день, вот идем мы домой, и не "усталые, но довольные", а вовсе только усталые, потому что день был нелегкий, с конфликтами, ошибками, работой, не приносящей большой радости. Бывают такие дни, у одних людей их больше, у других - меньше. Я не встречала тех, чья работа была бы совсем лишена утомительной рутины. Идем и чувствуем себя очень плохо. До кома в горле, до слез иногда жаль себя. И эта жалость к себе, мы знаем, легко превращается в раздражительность, в недовольство, может быть, даже в скандал, как только мы принесем ее за двери своей квартиры, если, конечно, нас за этой дверью кто-то ждет. Вот тут-то, пока не дошел до дома, и можно пожалеть себя. Но прежде чем начать эту прекрасную живительную процедуру, необходимо сделать два предварительных шага.

Важно понять, почему мне плохо, что меня угнетает, что лежит за моей усталостью? Возможно, причина в реально существующем конфликте, в обиде, в недовольстве собой. В таком случае время по дороге домой не слишком годится для спокойного размышления о том, что было, кто виноват и что со всем этим делать. Если вы сможете отодвинуть эти "плохие" чувства и оставить только усталость и жалость к себе, действуйте в рамках этого процесса. Если же злитесь на кого-то или на себя самого - жалость вам не поможет.

Возможно, размышляя о причинах плохого настроения, вы придете к неутешительному выводу: "А я ведь виноват перед собой, и эта работа, это дело, которым я занимаюсь, - ошибка, и я должен срочно что-то менять". Для такого рода внутренних диалогов тоже больше подходит утро, которое вечера мудренее. И если вам кажется, что вы идете по ложному пути, что пора что-то изменить в своей жизни, вы не сможете по-настоящему пожалеть себя. (Для этого типа ситуаций полезен навык, который можно было бы назвать "обработка вины", о нем мы напишем в другой раз.)

Но если, недолго посетовав в сердцах на начальство или коллег, вы придете к выводу, что менять ничего не имеет смысла, что решение работать принято в ясном уме и твердой памяти, что, выбирай я эту работу заново, все равно выберу ту же самую (или другую, которая, очевидно, несколько не легче), - значит вам просто нужно немного сочувствия. Вот теперь можно начинать.

1 Разрешите себе пожалеть себя. Спросите себя: "О чем же я плачу? Что является причиной моего состояния?" Возможно, вы скажете примерно следующее: "Мне столько приходится работать! Я так устал! Как много пришлось сделать того, что я даже не планировал, потому что кто-то подвел меня, или обстоятельства сложились не очень благоприятно! Мне, в общем-то, не в чем упрекнуть себя, мне не стоит особенно винить и тех, кто подвел меня, они сделали это не нарочно, и я все сделал правильно, но как жаль мне этого бездарного дня, ведь он никогда не повторится, именно этот день, эта дата". Да, именно так. Это нормально - оплакивать потерянный день жизни, вообще горевать, когда в твоей жизни много того, что тебе не нравится.

Многие люди никогда себе этого не позволяют. Упрекая себя в малодушии, говоря о сантиментах, не позволительных сильным мужчинам или взрослым женщинам. Но жалеть себя можно. Потому что горевать и печалиться намного человечнее, чем злиться. Навык душевной работы такого рода исключает агрессию. Моя злость на кого-то - это грубая замена моей потребности в сочувствии, и когда я коплю недовольство для своих детей или партнера, я поступаю нечестно, ведь не они - тема моего плохого настроения, не они.

И вот, разглядев под недовольством потребность в любви и сочувствии, можно погоревать о потерянном дне и о себе. Отпускание чувств требует уединенности. Виктор Франкл говорил, что бессовестно делать публичными человеческое горевание, это очень интимный процесс. Поэтому найдите пустынную аллею, прогуляйтесь один, пешком, в вечерних сумерках. Острая горечь, комок в горле, тихий всхлип, все это - работа нашей печали.

2 В жалости к себе мы снова превращаемся в детей, у которых отняли игрушку или котенка. Мы, сильные и умные люди, плачем, как дети. От души, с удовольствием погоревать, отдаться острому чувству печали - очень важный шаг.

3 Поговорите с собой, как это могла бы сделать ласковая мама, назовите себя милым детским именем, представьте, что мама держит вас на коленях, станьте, наконец, сами себе родной матерью. Даже если доброй и любящей матери у вас никогда не было, никто не помешает вам поговорить с собой так, как это сделала бы мама, или бабушка, или кто-то, безусловно и глубоко вам сочувствующий, любящий. Есть один такой человек. Он никогда вас не бросит, не предаст, не оставит - это вы сами.

Такой воображаемый разговор, полный заботы и сочувствия, совершает чудо. Ушедшая было из усталого тела жизнь вдруг возвращается к нам мощной теплой волной, как будто кто-то согрел изнутри. А может быть, и слезами, которые - сама жизнь. Жизнь и тепло возвращаются, и у нас появляются силы хотя бы чего-то желать.

4 Спросите себя, чего бы вам хотелось, как бы вы хотели, чтобы о вас позаботились? Скажите себе: "Бедный мой мальчик, ты сегодня устал, ты много сделал сегодня. Сейчас мы придем домой, примем теплый душ, и ты покушаешь, позволишь себе рюмочку винца. А в субботу ты обязательно выберешь время и пойдешь в баню, и, может быть, уговоришь Федьку пойти с тобой, и вам будет хорошо. А летом обязательно нужно будет...". Не знаю, как это получится у вас, но я чувствую себя после таких разговоров очень хорошо, как будто и правда съездила к маме в гости.

5 Позаботьтесь о себе прямо сейчас. Спросите себя, чего бы вам хотелось, не вообще, а прямо сейчас. И ваше уставшее тело, и уставшая душа обязательно ответят, и ответ будет очень детский: может быть, сладенького купить в ближайшем киоске. Конкретное желание, желание, которое можно себе позволить, ведь выполнять его придется самому, оставаясь в позиции доброй мамы.

P.S. Конечно, мои друзья-гештальтисты, возможно, усмотрят в таком поведении диагноз. Одна из разновидностей ретрафлексии - нарушения взаимодействия человека с миром, в котором человек делает сам себе то, что хотел бы получить от других. Михаил Жванецкий сказал бы об этом: "Кофе в постель могу себе позволить, но для этого должен встать, одеться, приготовить, раздеться, лечь и выпить". Возможно. Однако я полагаю, что человек, который умеет грамотно жалеть себя, хотя бы не вымогает этого от близких. И в этой своей относительной самодостаточности он гораздо более для этих близких привлекателен. |

ДЕВОЧКА, КОТОРОЙ НЕ ХВАТАЛО ВРЕМЕНИ | *любовь огаркова*

Случай из практики игровой терапии

Опять я не успею ничего сделать! - Алена, оставив своих кукол, в отчаянии посмотрела на меня. - Каждый раз одно и то же. Надоело! Мне у вас все теперь не нравится! Только начала играть, а время уже кончилось!

В специально оборудованную детскую игровую комнату семилетнюю Алену привела ее учительница: девочке катастрофически не хватало времени. Она ничего не успевала.

А когда это, четверг?

Однажды, придя в класс, чтобы отвести Алену в игровую комнату, я встретила ее растерянный взгляд:

- А у меня сегодня музыка... - Девочка пыталась понять, как же она может успеть поиграть в комнате и быть вовремя в музыкальной школе.

- Ты беспокоишься, что опоздаешь на занятия?

- Да...

Во сколько тебе нужно уйти из школы, чтобы успеть на музыку?

Она еще больше растерялась:

- Не знаю...

- Ты знаешь, когда за тобой придет?

- Нет...

- А кто за тобой придет?

- Я не знаю...

На помощь подоспела учительница, которая уведила Алену, что она все успеет - и в игровую комнату поиграть, и на музыку вовремя прийти.

В другой раз, прощаясь, говорю Алене, что следующая наша встреча состоится в четверг.

"А это когда?" - неожиданно спрашивает она. Решив, что Алена уточняет время, я залезла в расписание и сказала ей, что в 12.30. "Нет!" - она нетерпеливо перебила. - Я спрашиваю, когда?"

Теперь я поняла, что она просто не может обозначить это день, а точнее, нашу следующую встречу в своем безвременном пространстве. Объясняю ей, что сегодня - вторник, и на расписании это обозначено вот так, оранжевой клеточкой, за ним - завтра, будет среда, а послезавтра - четверг - тогда-то и встретимся. Девочка с облегчением вздыхает и с криком "Ура!" бросается меня обнимать.

Похоже, она живет в мире, где время ей неподвластно - оно течет, танцует или бежит само по себе и сквозь пальцы.

В школьной стенгазете, посвященной птицам, напечатали Аленин рассказ, он начинался так: "Ласточка - это быстрое время, которое течет далеко-далеко". Ее быстрое время не бежит, не летит и не несется, как можно было бы логично предположить, а течет, как вода, молоко или густой мед. Оно течет очень далеко от нее, до него не дотянуться, как до ласточки в небе...

→Временная компетентность встречается довольно редко среди детей - она еще не сформирована, но и среди взрослых это качество не из самых распространенных.

"Опоздал", "не успел", "мало времени", "времени в обрез", "время течет сквозь пальцы" - вот далеко не полный список наших жалоб на время.

К концу времени формируется в детстве, взрослому человеку гораздо труднее скорректировать или изменить сложившиеся установки ко времени. Но о времени взрослые вспоминают лишь негативно, соотнося его с не удовлетворяющим их уровнем детей: "Что ты копаешься? Уже целый час шнурки завязываешь!" или "Уже прошло 20 минут, а ты еще не закончил этот пример?!" И у детей формируется неоднозначное восприятие времени, нередко оно становится их врагом.

До конца второй встречи остается десять минут, и я говорю девочке об этом.

Алена, продолжая раскладывать лоскутки в козыльном домике, равнодушно говорит:

- Нет. А десять минут - это много?

Я: - Когда они пройдут, ты поймешь, сколько это.

Ее движения замедляются, игра приостанавливается: - Ну скажите, пожалуйста, чтобы я не волновалась.

Я: - Ты волнуешься, что у тебя не хватит времени?

Она обижено:

- Да.

Через несколько минут оживленной игры она спрашивает:

- Ты сейчас сколько минут осталось?

- А ты волнуешься, что заканчивается твое время?

Не реагируя на реплику, она продолжает играть.

Алена, осталась три минуты.

Ровным тоном, но нахмурившись, она говорит:

- Нет. Меня такое не устраивает.

- Тебе неприятно, что у тебя осталось мало времени.

Умолчаю:

- А три минуты - это много? Скажите, пожалуйста.

- Когда они пройдут, ты поймешь, сколько это, - повторяю я.

Девочка продолжает играть, не торопясь: переставляет мебель в домике, раскладывает коврики.

- Совсем не осталось времени. - Скорбно смотрит на терапевта. - Да? Да? Конечно, я так и знала...

→В неструктурированной игровой терапии, разработанной Вирджинией Экслийн в конце 1940-х годов XX века, главное - воздержание терапевта от направленных действий и от диалога с ребенком. Терапия - это потенциальный процесс, который терапевт не пытается ускорить. Он не дает указаний, не задает наводящих вопросов, не отвечает на вопрос по существу, не критикует действия ребенка и не останавливает его, но, конечно, обеспечивает элементарные условия безопасности ребенка. Ограничено только время встречи. Ребенку предоставляются принадлежности для игры, включая песок, грязь, воду, и возможность выразить свои потребности с их помощью.

Борьба

и видимым врагом и невидимым терапевтом

Свои неприятельские отношения со временем Алена продемонстрировала не сразу.

Прошло две встречи в игровой комнате, прежде чем проблема обострилась.

...С первой же минуты Алена торопится: суетливо переставляет ящик с мебелью, расставляет мебель в козыльном домике, вспоминая, где и что у нее было в прошлый раз.

После 5-10 минут активного передвижения предметов темп замедляется. Она внимательно изучает мебель в коробке, переставляет тазик с рисом на стол и увлеченно копается в нем.

Услышав сообщение о том, что до конца встречи осталось десять минут, Алена "угукает" и продолжает неторопливо раскладывать кукол на столе и рассматривает их.

Расстроженный голосом делится, что опять она не успеет ничего сделать, умолчающим взглядом злится к моей жалости: "Ну хоть полминутки больше!" Поняв, что времени будет столько, сколько обычно, бормочет: "Каждый раз одно и то же. Надоело. Мне у вас все теперь не нравится!" Около минуты девочка лует щеки от обиды, но затем снова возобновляет игру, эрзетка бурча под нос, явно обращаясь ко мне:

- Если ребенок что-то хочет сделать, надо ему разрешать, тогда он будет рад. Это нечестно!

Через минуту:

- Вы неправильно делаете! Вы даете ребенку час, а надо столько, сколько ему захочется!

Уходить из комнаты Алене совсем не хочется, и она сообщает мне, что нам нужно поговорить. Я соглашаюсь сделать это по дороге обратно в класс. Алена пытается доказать мне, что я не права, не разрешая ей играть больше положенного времени.

Говорит она сбивчиво, ни одно из предложений не строится логически и не получается полным. Однако общая идея ясна: ей мало времени, она обижена на это обстоятельство и пытается понять, может ли своим ноющим и одновременно нравоучительным тоном убедить меня в обратном. Я говорю ей, что вижу, как она расстроена тем, что ей не хватает времени, что она чувствует себя обиженной. Алена в полной растерянности - ее вопли, призывы, не пытаются доказать обратное.

→Итак, обозначено: отпущенного времени не хватает, полчаса принимаются за час, и я виновата в этом.

Встреча четвертая

По дороге в комнату Алена хмурится:

Мне это надоело! Не успеешь начать, как время уже закончилось! Человеку же надо вдуматься прежде чем играть!

Тем не менее последние десять минут до комнаты она бежит, стараясь обогнать меня. Врывается в комнату, бросается к мебели, торопится все побыстрее достать, расставить. Шумит, гремит.

- Ты торопишься, - говорю я ей.

- Да мне, как обычно, не хватает времени!

- Тебе не хватает времени.

Надувшись, бурчит:

- Угу.

- Тебя расстраивает, когда тебе не хватает времени?

Говорит обижено:

- Да, мне это надоело.

- Похоже, тебе часто не хватает времени.

- Да.

- И каждый раз ты расстраиваешься?

- Не могу я не расстраиваться!

- Угу. Тебе часто не хватает времени, и каждый раз ты расстраиваешься.

Алена грустно кивает, о чем-то задумавшись. Но через секунду снова оживляется и начинает заинтересованно изучать игровую редиску. Дальше играет умиротворенно и весело, по ходу дела хихикает, повизгивает, бормочет себе под нос. Иногда замолкает, сосредоточенно расставляя вещи в домике. Копаются в рисе, насыпает его в игрушечный шкаф, смеется:

- Меня здесь все удивляет!

Девочка играет с пулсом и коляской, устраивает "остров" с разными животными рядом с козыльным домиком, раскладывает в домике тряпичные лоскутки. За десять минут до конца Алена внимательно осматривает созданный ею "интерьер".

- Похоже, ты почти все разложила.

Тихо и сосредоточенно она говорит:

- Да, у меня мало времени.

- У тебя мало времени.

Пауза. Девочка молчит и смотрит перед собой в некотором напряжении.

- У тебя еще есть шесть минут.

Алена оглядывается по сторонам, будто ищет что-то.

- Ты как будто что-то ищешь.

Девочка возвращается к домику и критически оглядывает свою композицию, выравнивает мебель, разглаживает лоскутки. Она спокойна, серьезна. На лицо вдруг падает тень растерянности, будто она вновь что-то ищет и, не найдя, примирительно машет рукой:

- Ладно, потеряла.

Затем снова подправляет свою "картину" последними штрихами.

- Похоже, ты успела все, что задумала.

Да, но у меня есть время на то, что тебе уже не играть.

- У тебя есть время на то, чтобы ничего не делать. (Пауза). У тебя есть еще две минуты.

Алена осматривается вокруг.

- Ты решила за это время все осмотреть.

Алена деловито устраивает "плиту", бормочет что-то, кладет "овощи" в шкафчик. Затем с вызовом сообщает мне:

- Ты здесь все так хитро спрятала, что вы ничего не найдете! Понятно?

- Да!

Алена не хочет, чтобы я что-нибудь нашла?

Алена очень довольна собой. Идет к ящику с кубиками, достает несколько из них, ставит их на стол.

- Алена, наше время закончилось.

Девочка увлеченно продолжает разбирать фигурки в ящике. Находит маленького пупса, смеется, кладет его "спать".

Я встаю, приоткрываю дверь:

- Наше время закончилось.

Она с негодованием:

- Я так и знала! Даже поиграть не успела!

С сочувствием говорю ей:

- Ты не успела поиграть.

И она, обижено:

- Ну как обычно... Нельзя быть такой жадной!

После дня я столкнулась с Аленой на улице. Она демонстративно отвернулась, построив при этом преувеличенно обиженную гримасу. Потом повернула и грубо высунула язык.

- Ты на меня злишься.

- Да! Если вы так со мной поступаете, обижаете меня, я на вас так обижаюсь!

- Ты на меня обижена.

Кривляясь и корча рожи, она крикнула:

- Да!

Демонстративно отвернулась и ушла прочь.

Итак, по сравнению с первыми встречами в игровой комнате Алена успевает сделать гораздо больше: создается задуманный "интерьер", критически его осматривает, внести коррективы; осматривает в комнате полочку, изучит другие игрушки - она использует свое время более продуктивно. Можно даже сказать, что она удовлетворена своей работой. Кроме того, становится заметна амбивалентность чувств ребенка: ей и весело и весело здесь быть, станевт ей и симпатична, и ненавистна она хочет и показать свою работу, и спрятать ее.

Эмоциональная реакция на единственное ограничение в игровой комнате - время - становится более резкой. Алена воспринимает это ограничение как личную обиду. Девочка открыто выражает агрессию, направленную на терапевта, и это громадный шаг вперед. Признание шаж ее чувств приносит ей очевидное облегчение.

Первые успехи

Прихожу за Аленой в класс, но она заявляет, что идти в комнату не хочет. Тогда предлагаю на выбор: не ходить сегодня в комнату, но тогда ее посещения комнаты прекратятся, или пойти. Нахмурившись, она выбирает второе.

Она скачет по коридору и кричит: "Время начнется только когда мы зайдем!" В игровой комнате девочка шумно и торопливо передает обиды. Корзина для мусора летит на пол. Алена кричит шумно и поясняет, ни к кому не обращаясь: "У вас тут ничего ничего нельзя!" Любопытно, что у девочки складывается ощущение, что здесь ничего нельзя, что здесь ее ограничивают (при этом ей ни разу не говорили слова "нельзя!") →Единственное ограничение во времени она воспринимает как ограничение всего - "тут никогда ничего нельзя".

...Поиграв с полминуты с домиком, Алена вдруг останавливается и решительно объявляет:

- Нет, все. С домиком я прекращаю работать.

- Ты решила закончить с домиком сегодня?

- Мне сегодня нужно что-нибудь другое сделать.

- Сегодня ты решила найти что-нибудь другое?

Алена увлеченно рассматривает игрушки в козыльном домике и разбирает кубики. Размучившей одевает на руку, осматривает другие предметы в коробке, находит саблон и размачивает ей, позирует с ней - смеется от удовольствия. Видя посуду, провозглашает:

→Начну с этой работы.

Что ж, это уже новая позиция: Алена обозначила начало своего времени, затем отметила конец работы с домиком и перешла к другой деятельности. Значит, она пытается структурировать свое время, учиться делить его на части: "работа с домиком", "работа с посудой", обозначая начало и конец каждого отрезка. Само слово "работать" по отношению к пребыванию в игровой комнате Алена употребляет впервые. Это может означать изменение ее отношения ко времени, которое она проводит здесь, и она хочет тратить более продуктивно, "работать", а не "играть".

В следующие двадцать минут Алена активно и сосредоточенно изменяет пространство комнаты. Она переставляет мебель, предварительно присмотревшись и обдумав перестановку, не задавая вопросов, не спрашивая разрешения на что-либо. Она торопится. Становится ясно, что ее "работа" - это создание все того же интерьера дома. Только на этот раз дом выходит за пределы козыльного домика и занимает все пространство игровой комнаты: вот кухня рядом с раковиной, холодильник на полках шкафа, коридор с зеркалом в той стороне, ванная - в этой. Где-то в стороне за отдельным столом устраивается "школа". Стены козыльного домика раздвигаются до размера настоящих стен комнаты. Аленин "дом" вырастает до ее собственных размеров. И посуда уже не крошечная, а крупнее; и стол уже высотой не в три сантиметра, а настоящий, за него и присесть, и покружиться, и табулетки настоящие, и раковина... Все становится больше во много раз. Рамки раздвигаются, и мир открывается перед ребенком, мир, создаваемый ею самой.

Раздвинув рамки своего мира, Алена как будто заново оказывается в игровой комнате. Смотрит свежим взглядом, видит вещи, использует их более разнообразно и творчески: коробка от пластилина становится пачкой пельменей, полочка клея - кетчупом, рис - и сахаром, и солью, и кашей. Она замечает телефон на полке, находит в шкафу бумагу, перевязывает буюно, стучит в барабан. С восторгом и радостью играет с куклами-перчатками, весело распевая песенки. Она обращает внимание на то, что за штормом есть еще комната:

- Ух ты, здесь целых три комнаты, - у Алены захватывает дух.

→Мир стремительно увеличивается в ее глазах.

- Алена, у нас осталось 10 минут.

- Ну вот, конечно...

И затем негромко, но решительно:

- Все. Я начинаю играть!

С этой минуты Алена действительно "играет" в полном смысле слова. До этого была не игра, а приговорения, подгонка пространства под себя, организация вещей вокруг себя. Алена берет на себя роль родителя, у нее появляется "дочка" - тряпичная кукла, которую она любовно усаживает за стол. Затем устраивается чаепитие с "дочкой" и ее появившимся "братиком". Все чинно и степенно.

У нас остается пять минут. Немного расстроено:

- Ну, конечно...

Никакой суеты. За эти пять минут Алена успевает не спеша сварить кашу (из риса и воды), приготовить кофе (в кофейнике с водой из крана), разложить кашу по тарелкам, разлить чай, насыпать в сахарницу "сахар" (все тот же рис), добавить сахар в чашки, поговорить с "детьми" и напоить их. Настраивает у девочки идилическое: нежное воркование с "детьми", неторопливая работа на кухне, мягкое выражение лица с легкой улыбкой.

Когда время закончилось, Алена с той же нежностью в голосе сообщила:

Вот это да! Опять не успела. Но хоть во что-то я уже поиграла!

Выходя из комнаты, прощается. И деловито-весело делится со мной:

- В следующий раз буду только с этим работать (неопределенный жест в сторону устроенной ею кухни), а то с другим очень долго (машет в сторону домика). И скачет в класс.

→Она стала планировать будущее!

"Я успела!"

Начало было неожиданным и замечательным. Придя за Аленой в класс, я застала ее за работой над созданием травы из опилок, клея и зеленой краски для картонного города.

Она посмотрела на меня, улыбнулась и сказала:

- Вы мне теперь больше всех нравитесь. Я все поняла. Просто была так устроено!

На приглашение пойти в комнату с воплем "Ура!" она бросилась ко мне в объятия. Перекакивая через ступеньки лестницы по дороге в игровую, она весело сообщила:

- Я знаю, во что я буду играть!

Вот так да! Что-то стронулось с места, бросилось вскачь через две ступеньки.

Оживленно девочка устраивает двойной дом и школу для "дочки". Все тридцать минут весело играет, сохраняя доброжелательный настрой, спокойствие и интерес. Уверенно двигается по комнате, зная, где что лежит. Оживленно щебечет, напевает, повизгивает и счастливо смеется.

Через восемь минут после начала сессии сама себе замечает:

- Ну что ж, все, кажется, готово.

Потом снова поздравляется с "приготовлениями" - раскладывает вещи по местам, что-то моет, рассаживает кукол. Еще через семь минут провозглашает:

- Я уже начинаю играть!

Алена играет в дом, в семью: с "дочкой", "братиком" и "дедушкой" - новым персонажем, с приготовлением пищи, подготовкой к обеду. По ходу замечает:

- Сначала мне не везло, а сейчас везет.

- Алена, у нас осталось десять минут.

→Спокойствие, никакой паники, лишь больше собранности и ускорятся темп. Девочка продолжает готовить еду. И эта новая игра оказалась мне очень любопытной. Алена готовит много еды, и каждый раз ей кажется, что еды в тарелках мало - она добавляет другой, не хватает каши - она варит еще, потом еще пельменей и подливки сверху. "Еда" вдруг кажется мне похожей на время в Аленином восприятии: сколько бы его ни было, его все равно недостаточно. Но если образовать время в еду, а в игре все возможно. Можно просто положить себе добавки. Дать себе больше времени, чем обычно. Девочка словно хочет его разделить вручную, разложить "по тарелкам", "по полочкам", взвесить ложкой, разделить по своему желанию и непременно своими руками.

Многое изменилось сегодня в Алениной игре и в ней самой. Ее настроение ровное, позитивное. Ничто не омрачает ее игры, даже ограниченное время.

Встреча восьмая

Сегодня Алена очень спокойна. Не слышно ни радостных визгов, ни громких восторгов, ни вздохов разочарования. Нет озадаченности в глазах и неуверенности в движениях -

все точно, размеренно и продуманно. Она очень серьезна, тиха и молчалива. Своими планами не делится, контакта со мной не ищет, но и не отстраняется - на реплики реагирует живо и дружелюбно, но сдержанно и кратко. Она работает и не хочет, чтобы ей мешали.

Сообщение о времени незадолго до конца встречи воспринимается очень мягко, будто даже еще больше успокаивает Алену. Она сообщает мне:

- Я закончила тем, что она (дочка) была в школе.

За 2-3 минуты до конца играет в школу, немного торопится и делится со мной:

- Я запомнила, на чем остановилась. В столовой.

Встреча девятая

Алена вбегает в комнату, хватая клеенку со стола и швыряет ее на пол - как и в

нескольких предыдущих встречах, когда она приступала к перестановке мебели и благоустройству дома. Пропев песенку из "Бременских музыкантов", при этом демонстративно комично кривляясь (знак того, что она ощущает полную безопасность - ругать и критиковать точно не будут), на секунду задумывается и провозглашает:

- Сегодня в куколки играть не буду.

И садится рисовать.

За три-четыре минуты до конца встречи Алена говорит лмоающим пародирующим голосом, искажая слова и строя гримасы:

- Придет время, и вы скажете: "Все, Алена, пора идти в класс!"

- Так и скажу.

- Да ведь осталось еще пять минут.

→Она уже может сама определить, сколько времени у нее осталось!

- Время закончилось.

Она раскрашивает небо, лаяя, тра-ля-ля.

- Я успела, я успела. Тра-ля-ля, тра-ля-ля. Я успела!

Провожая, я, как обычно, напомила ей о нашей следующей встрече в четверг.

- У меня музыка, - спозойно сказала она.

- Во сколько у тебя музыка?

- В час.

- Мы встретимся утром, и ты везде успеешь.

Алена весело засмеялась и посккакала прочь.

На

следующей, последней встрече с Аленой в игровой комнате время не упоминалось ни разу. |

P.S. Неделю через три я разговаривала с учительницей Алены. Она рассказала, что девочка активно участвует в театральной постановке, где с удовольствием играет одну из ролей. С другими детьми Алена общается больше и эффективнее, чем раньше: она может работать в паре, находить общие решения, принимать на себя ответственность за свою часть работы. В проекте "Город" (дети создали картонный город с улицами, домами, парками) Алена взяла на себя самостоятельную задачу - сделать отдельную от других часть города, но позже по собственной инициативе привлекла помощников, раздала им задания и руководила их работой! "Это уж совсем необычно для нее!" - отметила учительница. По ее словам, Алена теперь кажется более уверенной в себе, отзывчивой и вовремя выполняет задание и больше не жалуется на время.

→По словам Вирджинии Экслийн, неструктурированная игровая терапия основывается на предположении, что "у человека имеется не только способность решать собственные проблемы, но и импульс роста, который делает зрелое поведение более удовлетворяющим, чем незрелое". Столкнувшись со своими чувствами в безопасной обстановке игровой комнаты, семилетняя Алена открыла для себя проблему чувств времени, нашла собственное решение и - двинулась дальше! Она обнаружила в себе организованность, собранность и сосредоточенность, способность к умелому планированию. Постепенно перед девочкой открылись новые горизонты самой себя. И теперь ей предстоит решать уже другие проблемы.

ДЕТСКИЕ КНИЖКИ ПО-ВЗРОСЛОМУ

андрей ефремов

по образованию инженер, несколько лет работал редактором ленинградского Детгиза, член детской секции петербургского Союза писателей. Пишет для детей, пишет для взрослых, пишет для себя. Начиная как безоглядный оптимист, теперь иногда оглядывается.

Чтение хорошо, с какой стороны ни посмотри. Пока ребенок мал и азбука не освоена, оно связывает больших и маленьких общим интересом к читаемой вслух книге. Затем настает время разговоров, когда பெறு, едва оформленные впечатления у конкретного ребенка встречаются с нашими впечатлениями. И, наконец, одна из сильнейших родительских радостей: уже с отроком завести речь о самостоятельно выбранной книге, удивиться причудливости первого плода души и разума и все же узанть в нем свои труды, свои тревоги, свои представления о добре и зле.

Любой добросовестный воспитатель озабочен разделением территории добра и зла. А это значит, что нам, как это ни печально, придется желать своим детям при вступлении в пространство зла таких мук совести, которые гнали бы их к утраченной душевной гармонии. Иными словами, граница между добром и злом должна быть маркирована в душе ребенка предельно ясно. А это приводит нас к необходимости ясного определения греха. И, надо сказать, по вначалу книги не обманывают наших ожиданий. "Поступок, противный Закону Божию. Вина перед Богом". Это короткое определение греха из словаря Даяя содержит все, что необходимо для дальнейших рассуждений. Первая фраза напоминает о существовании законов и заповедей, воздерживаясь от нарушений которых человек мог бы сохранить чистоту. Однако - вторая фраза! С одной стороны, принятие или неприятие ее смысла позволяет уверенно отличать религиозное общество от атеистического (недаром же в XII томе Большой Советской Энциклопедии, подписанном к печати в 1952 году, грех определен как "нарушение религиозных норм поведения", что соответствует именно "Поступку, противному Закону Божию", с другой - стоит только согласиться с нею, и неотъемлемой частью представления о грехе становится ощущение вины не столько перед маленькой и папешкой, которые раньше всего знают, что такое грех, а потом уже и обладающей ошутимой властью судить и прощать, сколько перед Непостижимым и Недосгаемым. Замечательно, что такое восприятие греха, когда воздаяние и прощение лишь малой частью отданы на произвол мирского воспитателя, формировалось главным образом в семье. Смена друг друга, поколения росли и дети с ясным сознанием высшего закона, и укрепляющего, и ограничивающего родительскую власть. Беспретный истекший век оглушительно провозгласил право человека на окончательные суждения о добре и зле. Незблжительно стали и перемены в самой сущности детской литературы. Рассмотрим же течение этих перемен, попытаемся понять, к чему ведут они тех, для кого детская книга остается основным инструментом воспитания.

Для начала цитата из "Черной курицы, или Подземных жителей" Антония Погорельского, которая задает нам одну из реперных точек старого представления о грехе и вине перед Богом. В финале. "...Алеша громко зарыдал. - Прощай! - воскликнул он. - Прощай! И, если можешь, прости меня! Я знаю, что виноват перед тобою, но я жестоко за то наказан! - Алеша! - сказал сквозь слезы министр. - Я тебя прощаю; не могу забыть, что ты спас жизнь мою, и все тебя люблю, хотя ты сделал меня несчастным, может быть, навеки! Прощай! Мне позволено видеться с тобою на самое короткое время. Еле в течение нынешней ночи король с целым народом своим должен переселиться далеко-далеко от здешних мест! Все в отчаянии, все проливают слезы. Мы несколько столетий жили здесь так счастливо, так покойно! Скажа бросился целовать маленькие ручки министра. Схватив его за руку, он увидел на ней что-то блестящее, и в то же самое время какой-то необыкновенный звук поразил его слух.

- Что это такое? - спросил он с изумлением. Министр поднял обе руки вверх, и Алеша увидел, что они были скованы золотой цепью. Он ужаснулся!.. - Твоя нескромность причиною, что я осужден носить эти цепи, - сказал министр с глубоким вздохом, - но не плачь, Алеша! Твои слезы помочь мне не могут. Одним только ты можешь утешить меня в моем несчастье: старайся исправиться и будь опять таким же добрым мальчиком, как был прежде".

Стоит прервать на этом месте текст Погорельского и обратить внимание на то, что великодушный министр своим прощением не отменяет сам поступок. Он не держит зла на мальчика. Вот и все. Алеше же предлагается неопределенное по длительности искупление. И словно утверждая неизбежность душевного сокрушения, связанного с грехом, следует далее в повести: "За час перед рассветом послышался ему, что под полом что-то шумит. Он встал с постели, приложил к полу ухо и долго слушал стук маленьких колес и шум, как будто бы много маленьких людей проходило. Между шумом этим слышен был также плач женщин и детей и голос министра Чернушки, который кричал ему: "Прощай, Алеша! Прощай навеки!"

Потрясает в этой сцене именно не сопоставима с нынешним сознанием мера возмездия за то, что министр Чернушка с не расстранным еще изгустовом XVIII века назвал нескромностью. Бессрочное душевное сокрушение Алеша испытает и томит современного читателя. Но, во-первых, именно так и становится ясен живший в русской детской литературе до определенного времени признак греха - невозможность для героев, даже сказочных, отпугнуть друг друга содеянным. Это не в их власти. А во-вторых, способность к искреннему душевному сокрушению в представлении живших в России до XX века, это несомненная милость. Душевное сокрушение всегда предполагало возможность искупления. С учетом этого по-новому видится роль родительского прощения, к которому все мы так привыкли с детства. Последние лет пятьдесят и в жизни ребенка, и в предлагаемой ребенку литературе прощение, выраженное в той или иной форме, все откровеннее означало забвение проступка, стирание его из детской памяти и как следствие прекращение мучительных переживаний содеянного.

Через сорок три года, после сказки Погорельского в 1872 году, увидело свет первое издание "Азбуки" Льва Толстого. В были "Птичка" мальчику Сереже на именины досталось много подарков. "Но дороже всех подарков подарил дядя Сереже сетку птиц ловить". Вряд ли сетка, натянутая на рамке, была дороже разнообразных игрушек, но идея ловли захватила душу мальчика - вот что!

Конечно, Сережа ловит чижа, конечно, он в конце концов забывает прикрыть клетку, и чиж, вылетев, разбивается о стекло. Дальше так: "Сережа целый день не отходил от клетки и все смотрел на чижику, а чижики все так же лежал на груди и тяжело и скоро дышал. Когда Сережа пошел спать, чижики еще был жив. Сережа долго не мог заснуть, всякий раз, когда он закрывал глаза, ему представлялся чижики, как он лежит и дышит. Утром, когда Сережа подошел к клетке, он увидел, что чижики уже лежит на спинке, поджал лапки и засопел. С тех пор Сережа никогда не ловил птиц".

Почему мать хотя бы не защитила сына от зрелища медленной смерти? Да потому же, почему и великодушный министр Чернушка в сказке Погорельского не очистил Алешу от последствий содеянного. Долгое искупление предстоит обоим мальчикам вне текста. Тот, кто думает, что быть "Птичка" - плод менторской свирепости, свойственной исключительно Толстому, глубоко заблуждается, так чувствовала тогдашняя Россия. Толстому было сорок четыре, когда появилась "Азбука", и уже сорок три года не ношу раскаяния Алеша из "Черной курицы", но Льву Николаевичу и в голову не пришло прервать традицию.

И эта литература совести благополучно переходила в круг чтения подростков и сосуществовала и с Густавом Эмаром, и с Майн Ридам, и впоследствии с Джеком Лондоном. Особенно же замечательно то, что к этому литературному течению привыкли и писатели "с обличительной тенденцией". Тому же Короленко в "Детях подземелья" в голову не приходило мановением писательской руки отменить скорбь и отчаяние в детской душе. Традиция казалась незблемой. Тем решительней изменилось все с началом двадцатого века.

Теперь и речи не могло быть о том, чтобы оставить героя детской литературы наедине со своими скорбями, да и сами детские герои считались чем-то не то непристойным, не то несуществующим. Конечно же, детская литература должна была воспитывать, но угрызения совести по поводу собственной греховности уже не считались надежным педагогическим инструментом. Правда, и в этих рамках создавались блистательные тексты для детей и юношества, которые подготавливали осторожное возвращение литературы совести. При этом само собой разумеется, что это возвращение может состояться только в литературе для маленьких, где еще сохранялось семейное, интимное пространство. Сюда следует добавить и возвращение некоторых культурных традиций (например, новогодний праздник с елкой), которые с давних пор существовали в литературе для малышей как магические знаки. Недаром Михаил Зощенко шестой рассказ в своем детском цикле "Леся и Минька" так и назвал - "Елка". (Очень важно отметить, что такие раскозания для маленьких мог создать лишь писатель с опытом благополучного дошкольного детства.)

В рассказе "Галочки и мороженое" грех, обаяние которого подпадают брат и сестра, - это стяжательство, отягощенное чревоугодием. Леся и Минька, польстившись на легкие деньги, продают тряпичнику галочки гостей, тети Оли и дяди Коли. Ясно, что разоблачение следует незамедлительно. "Я возьму все Лелины и Минькины игрушки, продам их тряпичнику, и на вырученные деньги мы приобретем вам новые галочки". Голос отца набирает силу. "В течение двух лет я запрещаю Леле и Миньке кушать мороженое. А спустя два года они могут его кушать, но всякий раз, кушая мороженое, пусть они вспоминают эту печальную историю".

В том же году папа позвал тряпичника и "продал ему все (!!!), что мы имели". "И даже теперь, дети, когда я стал совсем взрослым... кушая мороженое, я ощущаю в горле какое-то сжатие и какую-то неловкость". Велика сила отца! И в этой истории о первоначном грехе, адаптированной писателем Золенко, нет, разумеется, ни слова о прощении.

Теперь о первом рассказе цикла "Не надо врать". Тривиальнейшая история о гимназистике Миньке, который, чтобы получить подарок, скрывает от отца дневник с едничей. Он теряет дневник, он вырывает его, но всякий раз ему дарят новый, где крадется та же едничей. Дневники подобно отрастающим головам змея горючат. Тогда Минька в отчаянии заклеивает страницы, но тут же является слуганья прохорая, которая нашла потерянный дневник с едничей. Тихие упреки отца жгут сердце героя, и он сознается в том, что есть и еще один, выброшенный дневник с едничей. И тут происходит событие, заставляющее исключить причту о блудном сыне. Отец говорит: "То, что ты в этом сознался, меня исключительно обрадовало. Ты сознался в том, что долгое время могло оставаться неизвестным. И это мне дает надежду, что ты больше не будешь врать. И вот за это я тебе подарю физиономический аппарат". А чтобы читателю смысл происходящего был ясен, Леся в надежде на подарок спешит сообщить, что и она сегодня получила двойку по физике. "Но ожидания Лели не оправданы. Папа рассердился на нее, выгнал ее из своей комнаты и велел ей немедленно сесть за книгу". При этом и речи не заходит о прощении маленького грешника. Отец просто радуется, что сын сделал выбор в пользу добродетели.

Очень возможно, что русская детская литература совести близка была к возрождению, хотя бы и в веселой интонации. Возрождение, однако, не состоялось. Николай Носов, писатель очень веселый, словно бы предчувствуя совершенное забвение темы неизбежной греховности, пишет об этом с недоизъянным ожесточением. В рассказе "Огурцы" Павлик и Котька крадут огурцы на колхозном поле. Хитрый Павлик, предчувствуя неприятности, отдает добычу протодушному Котьке, и тот является с огурцами домой. Между мальчиком и его матерью происходит страшный разговор, во время которого она принуждает сына пойти на поле и отдать огурцы сторожу. "Котька плакал и кричал: - Не пойду я! У дедушки ружье. Он выстрелит и убьет меня. - И пусть убьет! Пусть лучше у меня совсем не будет сына, чем будет сын вор". Рассказ, конечно, заканчивается вполне благополучно, а колхозный сторож даже утешает ребенка, но сказанное матерью настолько несоразмерно здравому человеческому сознанию, что невольно закрадывается мысль, а не явилось ли здесь читателю новое, специфически советское осознание греха, когда невозможно не только прощение, но и искупление в сколь угодно отдаленной перспективе. Ведь в этой перспективе отсутствует и некому нести свое сокрушенное сердце. В этом рассказе самым внятным ощущением оказывается ощущение неизбежности наказания.

В рассказе "Карасик" завязка сложнее. Желая владеть "миллионерским" свистком, герой отдает за него живое существо - карасика из аквариума. Другое живое существо, котенок, едва не подвергается экзекуции, так как именно его мама подозревает в изнитожении рыбки. Если в "Огурцах" ребенок страшился гнева матери, и именно это заставляло преодолеть даже страх перед ружьем сторожа, то здесь Носов оставляет нравственное пространство для тяжелейших борений, в которых рождается совесть. Мальчику указан путь к безболезненному выходу из ситуации: сделай вид, что виноват котенок, поймай его для наказания и будьшь в безопасности. Но: "Мамочка, он не виноват". Какой силы нравственное давление изгоняет из детской души чувство самосохранения! Сила раскаяния - вот что движет героем. И это несомненный признак литературы совести. Однако несмотря на высокую нравственную подкладку сюжета нельзя забывать об ощущении, что в основе всего лежит обмен, точнее говоря, запрет для ребенка на полное нравственное владение своим подарком (у Толстого в "Птичке" подарок был "нехорош", но матери и в голову не пришло ограничить право детского владения). "Приличный" советский ребенок, то есть ребенок, воспитанный в ясном различении добра и злого, не смеет владеть ничем! Трудно указать возрастную границу этого поведения, но можно быть уверенным, что значительная доля детских самостоятельных поступков вступала в решительное противоречие с этой нормой и служила источником жесточайших нравственных мук. В общем, как и в рассказе "Огурцы", страх наказания остается единственным по-настоящему реальным источником нравственного чувства.

Интересно, как воспользовался писатель Носов плодами этого открытия. Череда веселых, уморительных, поучительных и во всяком случае душеполезных рассказов совершенно заслонила от читателя тягостный творческий опыт, о котором шла речь выше. Да и невозможно было выстраивать свое творчество, воссоздавая многократно тягостный конфликт ребенок-взрослый, конфликт, в котором всегда проигрывает дитя. Неизбежно оказавшись на стороне ребенка, Носов не мог не видеть, что генетика современной ему нравственности именно такова. Идея греховности вытеснена материальным страхом нижестоящего перед вышестоящим. Советское истолкование греха подразумевало кару, но искупление, прощение и воздаяние были ему неподвластны.

Таким образом, можно утверждать, что Носов рисковал угадать художественную модель специфически советской греховности. Возможно, что именно нежелание следовать этой тягостной нравственной парадигме побуждает писателя создать иное литературное пространство - форменный детский лиризм - Детвочный город, где живут малыши Незайка и его друзья. Здесь осуществляется детская мечта - нет взрослых с их запретами, а значит, нет и тягостного ощущения греховности. Угрызения совести оказываются уделом одного лишь Незайки и лишь следствием его сказочно (!!!) неограниченных возможностей ("Незайка в Солнечном городе").

Незаметность души героя, которой Носов добился в сказке, утвердилась понемногу и в реалистической прозе для детей. Возможность или невозможность прощения утрачивала смысл, детская литература считалась "доброй" постольку, поскольку автор удерживал ребенка на грани того состояния, выход из которого сопутствуют угрызения совести. Нравственная стерильность верев детской прозы даже не слишком сбросалась в глаза, ведь обидца, гнев, любовь - все вневне. К тому же в этой стерильности не было злонамеренности, скорее - напротив. Сегодня с большой долей вероятности можно предположить, что ответственные писатели, в той или иной мере вкисившие сверны сторожа, почти инстинктивно стремились избежать своих героев от угрызений совести. Линный опыт свидетельствовал не только о том, что муки эти поистине ужасны, но и о том, что они ни в коей мере не защищают от последствий содеянного и дальнейших бед. К тому же совесть по большей части тревожит совсем не тех, кто сеет зло. А тогда зачем? Вот, например, повесть в рассказах Радия Погодина "Кирпичные острова". (Книга вышла в свет в 1958 году.) В рассказе "Сима из четвертого номера" жестокий и памятный предводитель дворовых мальчишек травит интеллигентного Симу. Разгнаны и уничтожены дворовые, которые сделал Сима для своей учительницы, сам мальчик претерпевает поношение и избиение. Отстаивая свою честь, Сима не доносит, а дерется с обидчиком, и тот снова безжалостно его избивает, хотя и ощущает при этом некоторую неловкость. Силы неравны слишком явно. В конце концов благородство героя делает свое дело, и жестокий враг признает в Симе равного себе. Он отбирает у своих вассалов рисунки, собирает их в альбом и, не говоря ни слова Симе, передает его по назначению. Доброе дело сделано, как полагаются, втайне. Но ощущая, что избыв вождя от явных угрызений совести, трудно сохранить необходимою по сюжету привлекательность предводителя мальчишеской ватаги, писатель прибегает к удивительному маневру. Гордое благородство Симы исчезает как по волшебству, едва мальчик обратился к нему как к равноправному члену сообщества, да к тому же и альбом сохранил. Рабская благодарность Симы за внимание сильно уничтожает между нравственными позициями мальчиков, и вот уже виртуальный и злой не нуждается в раскаянии: автор мастерски отделил ему от достоинств унижаемого и слабого. Лукавство приемы состоит не только в уходе вины одного из мальчиков, но и в сглажении высоких достоинств другого. Другой рассказ этой повести - "Чижи". Толстовская "Птичка", как мы помним, тоже была чижики. И погодинские чижики, подобно ей, оказываются на грани гибели. "Чижики носились по комнате, как сумасшедшие, с размаху бились о стекла, падали, взлетали снова и опять умиралось о невидимую преграду..." Кажалось бы, все идет к гибели птиц, но в ход событий вмешивается мама. Она распахивает окно и выводит чижики из пространства жизни своего сына. Рассказ, конечно же, богаче и глубже, чем это может показаться в этом предсказе, но эта правка толстовская позиция, этот уход от бедь несомнены. Эти проходы в другие пространства замечательны! Распахнутые вовремя окна, дыры в стенах придают порте несколько сказочный характер и театр читателя благополучно финалами, но эти маленькие бед и несовершенные грехи, которые взрослому так искусно отводит от своих героев, не поджидают ли они где-то неподалеку израстающих мальчишек?

Упомянутая легкость рассказов Виктора Драгунского объясняется отнюдь не отсутствием конфликтов, а прочностью нравственной семейной триады, куда включен Дениска. Этот трехместный космос не столько добр, сколько силен. Он не столько принимает окружающий мир, сколько преображает его. Ситуация, хотя бы отдаленно напоминающая заурядное прощение, встречается в рассказах крайне редко. Дениска не нуждается в прощении.

В рассказе "Синий кинжал" Дениску обижает однокашник, и герой решает: "Я решил Левку убить. После школы я целый день сидел дома и готовил оружие. Я взял у папы с письменного стола его синий разрезальный нож из пластмассы и целый день точил его о плиту". Благословенный Денискин мир устроен таким образом, что мальчик не может допустить даже намека на собственную греховность, так бы он ни делал, и оттого сама интонация повествования, всегда ведущего от лица героя, предельно облегчает выход из коллизии. "И когда я лег спать, все вдруг вернулось а боку на бок и вздрюкал, потому что мне было жалко Левку - хороший он человек, но теперь пусть несет заслуженную кару, раз он стукнул меня пеналом по голове. И синий кинжал лежал у меня под подушкой, и я слышал его ржукать и чуть не стонал, так что мама спросила: - Ты что там кряхтишь? Я сказал: - Ничего. Мама сказала: - Живот, что ли, болит?"

Ясно, что после разговоров о больном животе грядущее убийство мыслится невозможным, ненастоящим, как пластмассовый кинжал. А Драгунский получает возможность завершить рассказ, не перегибая финал избыточным психологизмом. "И он (Левка) протянул мне золотую стреляную гильзу. И глаза у него стали такие, как будто он еще что-то хотел сказать, но стеснялся. А мне вовсе и не нужно было, чтобы он говорил, просто я совершенно забыл, что хотел его убить, как будто и не собирался никогда, даже удивительно."

Но абсолютное превосходство над внешним миром, неподвластность его законам семья Дениски демонстрирует в рассказе "Разговаривающая ветчина". Тут надо отметить, что из рассказа в рассказ Драгунский воссоздает атмосферу безусловного уважения Дениски ко взрослому. Ценность и весомость их слов априори. Без усилия, без натуги Дениска остается внимательнее, приветлив и доверчив. Очень важно, что он именно доверчив. Это уж та ступень воспитания городского ребенка, перешагнув которую можно стать только блаженным. Странноватой знакомце своих родителей, Тамаре, он прощает ее беспардонное лганье, лишь в сердцах выдает свои чувства словами: "Тамарице семидювое". Вот как говорит он в начале рассказа "Разговаривающая ветчина": "Но она все равно продолжала свое гнусное дело и обманывала людей направо и налево. Встречных и поперечных. Она даже мою маму ухитрилась обмануть. И мама тоже на нее обижалась. А я хотя и долго злился на нее, но потом незаметно позабыл обо всем и стал жить по-прежнему. По-прежнему, конечно, по-прежнему, но едва отец произносит "разговаривающая ветчина", как Дениска сразу понимает: речь идет об их милой бабушке. Еще и мама не поняла, кого это ее интеллигентный, добрый, да Бог знает какой еще муж назвал так ужасно, а Дениска уже угадал. И тут же, как того требует сюжет, обманщица напоминает о себе телефонным звонком, и разговаривает с ней по телефону Дениска. Он полной мерой отформивает "разговаривающей ветчине", он лжет ей дерзко и глумливо, и этот переход так неожидан, что кажется, Денруход от удивительного доверия. Но нет никакой подмены. Такой нечувствительный переход от уважительного доверия к безоглядному глумлению дается именно мальчику из семьи, созданной Драгунским. Эта нравственная сверхгибкость совершенно недоступна детям, воспитанным для жизни среди людей вообще. Для них это перелом, нервный срыв, во всяком случае - потрясение, но для Дениски человек, отторгнутый семейной триадой, просто обыватель вне закона, и вопросы "можно - нельзя", "заслуживает - не заслуживает" теряют смысл.

Череда авторов, запечатлевших особенно то одно имя отчество назвать тенденции, близится к завершению. Всего-то яркого и яркого осталось звать. 1997 год. Книга детских рассказов "Моя собака любит джаз" московской писательницы Марины Москвиной. Формальное родство с традицией Драгунского открывается в ее рассказах сразу же, но сразу же видно и другое - писательница упорно преодолевает нравственную атмосферу, созданную предшественником. Андрей, герой всей этой книги, решает заниматься джазовой музыкой. Для проверки своих музыкальных возможностей он приходит к педагогу. Героя, и это важно, сопровождает такса Кит.

"На двери висела табличка "Зав. уч. частью Наина Петровна Шпорина. Я постучал. Я так волновался раз в жизни, когда Кит изжевал и проглотил галочку. Я чуть с ума не сошел, все делал напереварт его Кит и так? Стройная красавица с длинным носом сидела у пианино и выжидательно глядела на нас с Китом. - Я хочу в джаз!"

Дальше речь идет о том, что, во-первых, Шпорина выставляет Кита в коридор, а, во-вторых, Андрей поет оглушительно. "А я не могу воплотлоса. И я не люблю не звенеть ложечкой в чае, когда размешиваю сахар" Здесь ясно слышна перефразка с рассказом Драгунского "Слава Ивана Козловского". Андрей и Дениска и пропеть-то не велят одно и то же.

"- Стоп! - сказала Наина Петровна. Руки у нее были холодные, как у мороженого. - Во по-де бе-рез-ка сто-я-я...". - спела она и сыграла одним пальцем. - Повтори. - Во по-де бе-ре-ка... - Стоп, - сказала Наина Петровна. - У тебя слуха нет. Ты не подходишь. Кит чуть не умер от радости, когда меня увидел. "Ну?! Андрюха? Джаз? Да!!!" - всем своим видом говорил он и колотил востом".

Однако шадящий комизм Драгунского простирает из того, что мальчик выбрал не тот критерий для оценки своего вокального мастерства. И совсем не обидчив предстает оценка учителя, и сам он, несмотря ни на что - симпатичен. У Москвиной исчерпывающей оценки пеню героя нет, а значит, нет и комического подтекста. Ведь мама Шпорина неиремлема эмоционально, и - тут уж ничего не поделаешь - ее оценка берется под сомнение. Как ни приклядишь, а все-таки самой реальной фигурой в череде экспертов оказывается такса. Человеческие оценки - всего лишь фон. "Я извлек из гитары квакающий звук. Звук Кит... Он знал, как поднять мой ослабевший дух".

В рассказе "О, швабра, швабра, где моя любовь?" на сцене вся труппа. Герои играют в семью, где ничто и никого не удивляет. Учитель рисования приходит жаловаться на Андрея и просит в семью в качестве второго мужа. Мама играет роль не способной накормить свою семью. А папа, уйдя под Новый год из семьи к другой женщине, которая его хорошо кормит, возвращается, потому что вспомнил про растение "Мокрый Ванька", который без него не сможет выжить. Все остальные смогут, а растение - нет. Вот и у отца нашлась нравственная опора. Он возвращается домой, и растеение растений в горшках велика. Занавес.

Познакомившись с рассказами этой писательницы, можно сказать определенно: подобных мутаций семья не претерпевала в детской литературе никогда. Между тем профанное освоение нравственной структуры семьи разворачивается по очень простой схеме: папа и мама - дети, играющие в семью. Чтобы взрослые стали пригодны для этой роли, автор ампутирует им жизненный опыт и чувство ответственности. Получившиеся новообразования устойчивы не менее, чем семья Дениска Коралева, но не за счет преобладающей нравственной силы, а благодаря полной неспособности дать нравственную оценку происходящему. Они не знают греха, потому что им неведомо добродетель.

Герои, не способные к нравственному выбору и вместе с тем социально безопасны из-за своей пассивности, - это, если угодно, открытие, писательский капитал. Остаеся вопрос - как быть в таком случае с неизбежной утратой человеческих качеств. Ведь именно способность различать добро и зло свидетельствует: душа жива и разум ясен. И Москвина не уходит от ответа.

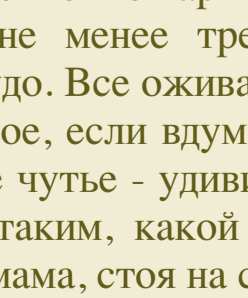
Итог становления героя в рассказе "Дерево мое сучковатое": "Кругом дым, гарь, чад, не сияли огни, не светило солнце, не появились планеты, созвездия и кометы, только красные языки пламени вырывались из ствола липы, страшно выл черный пудель, да серые воронье кружило над деревом".

Удивительные метаморфозы, которые ожидают гильзую липу, заставляют усматривать в ней черты мирового дерева, древа жизни, гибель которого может означать только конец света и страшный шок (см. откровения Иоанна). Однако у новоблагословенного апокрифа есть серьезные отличия: живущие вокруг существа и не думают трепетать в ожидании своей участи. То ли они не верят в грядущую катастрофу, то ли в умственном и душевом опеченении не видят разницы между бытием и небытием. Мама Люся и Андрей недаром порываются спасти этот мир - от первого до последнего отжата он населен родственными им существами. И пожарная машина, трубя, выезжает во двор.

"Андрюха! - мама глазам своим не поверила. - Это труба архангела". Выясняется, что у пожарных нет воды, и тут начинается главное. "Величественные и невозмутимые, ни разу не оглянувшись, грозно и торжественно пожарные сняли штаны... В ту же секунду эллипные струи диаметром каждая не менее трех-четырёх сантиметров ударили по эпицентру пожара..." И происходит чудо. Все оживает. Все спасены. Спасение без суда и следствия, которое, если вдуматься, такое же беззаконие, как и его противоположность. Но писательское чутье - удивительная штука. Вольно или невольно Москвина делает свой мир именно таким, какой достоин именно такого спасения. - Патронов не жалеть!!! - кричала моя мама, стоя на скамейке и размахивая сумочкой. Вспомненный маминым призывом мужчины-лимитут будто на штурм крепости бросился к диле и внес огромный вклад в дело тушения пожара. При этом он держался молчком и так победоносно поглядывая в нашу сторону, что мама сказала мне: - Я бы хотела, чтобы из тебя вырос такой же лилипут!"

Парадоксальность последней фразы лишь кажущаяся. Благотенствие осенило спянный мир героев Москвиной, едва этот мир превратился в отхожее место. "Люди стали сердечнее, земля плодороднее, в магазинах снова появились яйца". Кажется, возможности землица исчерпаны... Впрочем, и рассуждения наши подошли к концу. И, может быть, кому-то показалось, что невеселая череда наблюдений и выводов бросает мрачную тень на бесспорно замечательную отечественную детскую литературу.

Ни в коем случае! Мы лишь позволили себе обратить ваше внимание на некоторые особенности литературной эволюции. На некоторые штрихи и оттенки, о которых неведо поминть, усаживаясь с ребенком за книгу. Что же до остального, то литература, слава Богу, полна неразрешимых загадок, и тайна ее очарования творит неподдающиеся логике чудеса. Так будем же читать! |

КАК УКРОТИТЬ ГНЕВ, ПОБЕДИТЬ СТРАХ И НАЙТИ ДРУЗЕЙ

надежда комолова, дарья рязанова, виктория чал-борю - психологи, ведущие курса "Жизненные навыки" в первом и втором классах московских школ.

Начиная занятия по курсу "Жизненные навыки", мы рассуждали так: если дети научатся решать типичные жизненные задачи в безопасной обстановке, возможно, у них появятся средства, чтобы справиться с этими проблемами в менее комфортных условиях. Каково же было наше удивление, когда мы увидели, что овладение навыками происходит буквально на глазах. И полученные на групповых занятиях умения ребята вскоре начали применять в других ситуациях: в перерывах между уроками, на улице, дома...

"И твой папа - хороший!"

По нашему предложению ребята завели дома тетрадь, где отмечали: сколько кто тратит времени на приятные и неприятные дела. После чего они должны были ответить на вопрос: "Как внести больше "нравится" в то, что делать нужно". Скажем, нужно выполнять домашнее задание, но не хочется. Как быть? Может быть, ситуация улучшится, если сесть рядом с мамой или повесить разноцветные шарики над рабочим столом?

Катя, посчитав, на что же тратится ее время, была поражена вместе с мамой. Первая колонка (нелюбимых занятий) получилась гораздо больше второй - на то, что нравится, почти не оставалось времени. Но в процессе занятий колонки стали выравниваться, а затем соотношение изменилось в пользу нравится. На наших уроках девочка училась вносить в свои дела приятные моменты.

Развивая эмоциональный интеллект (на это и нацелен наш курс), человек учится следовать своим собственным, а не чужим пристрастиям. Замечательный эффект наблюдался и в овладении навыком выстраивания отношений со сверстниками. Запомнился случай, когда Егор во время перемены попросил у Маши фломастер, а та отказала. Он попросил снова и опять твердый отказ: "Не дам". Тут мальчик по-настоящему разозлился: "Я тебя убью!" Один из нас, остановив его, спросил: "Что ты сейчас чувствуешь? Ты, наверное, злишься?" - "Злюсь... силь-но... сейчас убью". Скажи Маше: "Я злюсь". Он попробовал и высказал свое чувство, и это помогло девочке осознать происходящее. Через некоторое время она дала этот злосчастный фломастер, и уже вместе они что-то рисовали. Это пример того, как осознание собственных чувств помогает сглаживать конфликтные ситуации. Причем подобные диалоги происходят не единожды, а раз за разом. Другие дети тоже их слышат и учатся называть собственные переживания своими именами.

Почему же второклассники быстро и легко учатся навыкам общения, обхождения со своими чувствами? В большой степени этому способствует атмосфера групповых психологических занятий. С самого начала мы приняли специальные правила, по которым стали жить вместе с детьми: говорить о людях хорошо - нормально, видеть положительную сторону явления - нормально, говорить о том, что тебе неприятно, надо обязательно, но подчеркивая, что это твое чувство, твое отношение к происходящему. А вот брюзжать и критиковать ненормально, это стратегия неудачника. У нас существует правило конфиденциальности или секрета: если то, что говорил человек, касается его личного опыта, эта информация не должна выходить за пределы нашей группы.

Когда теперь мы спрашиваем детей, что важно для них на наших занятиях, они говорят: "Здесь мы никому не делаем больно, каждый может высказать свое мнение, мы не деремся и не толкаемся, никого не обижаем, не обзываемся и ни над кем не смеемся".

Пыль в голове

Поразительны детские озарения, инсайты, которые нередко становятся открытием и для взрослых. Ребята не просто учатся, они учат нас умению общаться, доверять им, видеть их необыкновенные возможности.

На одном из занятий был задан вопрос: кто в нашей группе не такой, как все? Дети стали высказывать свои мнения, и каково же было их удивление, когда в результате оказалось, что они назвали всех. Представляете, все не такие, как все! Это стало настоящим открытием!

Часто бывает, что ты идешь к ребятам с одним планом, а дети предлагают что-то свое, и это совершенно меняет замысел занятия. На одной из встреч Антон вдруг произнес: "Вы знаете, я устал думать, у меня пыли много в голове". В такие моменты понимаешь, как важно прислушиваться к детской семантике, к словам, которые говорят дети.

Как рвутся страхи

Иногда ребята раскрываются с неожиданной стороны. Так произошло при обсуждении темы школьных страхов: чего боятся ребята в школе? Конечно, мы не спрашивали в лоб: чего ты боишься? Мы рисовали обобщенную фигуру второклассницы и обсуждали, чего эта девочка может бояться в школе. И дети свободно проецировали свои страхи.

Оказывается, им страшно не только опоздать на урок или получить плохую отметку. Страшно выходить в коридор, потому что старшие могут толкнуть, обидеть. Один подвижный и шустрый мальчик сказал: "Я боюсь столов, острых углов, потому что меня могут ударить, сшибить, раздавить, в лепешку раздавят, в лепешку сомнут". Другой продолжил: "Я другой, совсем не такой, как все, и по-этому я боюсь находиться в школе". Третий боялся, что ему не достанется завтрака в столовой. А мы ведь и не догадываемся, что у детей могут быть такие разные страхи.

Это очень важный разговор. Ребенок видит, что не только ему бывает страшно, и это не стыдно обсуждать. Причем мы не просто проговариваем то, какие опасения у кого существуют, а ведем разговор о том, как можно справиться с ними. Ребята вносят свои предложения и размышляют: кому какой способ подходит.

Чтобы отреагировать на детские страхи, мы используем специальные техники. Особенно здорово это получилось на занятии, которое началось с рассказа известной страшилки из детского фольклора, в которой говорится о женщине в черных перчатках. Потом мы с детьми сделали из газеты фигуры разных страхов, поставили их в ряд и вместе побоялись, каждый своей фигуры, выразили посредством телесных движений свой страх. Страхи, естественно, получились разными: кто-то сделал волка, кто-то скелет, а Оля сказала: "Я раньше смотрела по телевизору Фредди Крюгера и не боялась, а теперь смотрю новости и боюсь". Побоявшись страшных фигур, мы сами начали их пугать, а затем с удовольствием крушить эти страшилки. Когда дети собирали с пола и складывали в мусорную корзину разорванную в клочья бумагу, они словно сбрасывали свои опасения, освобождались от страха.

Пусть в доме тоже поселится чудо

Опыт проживания какого-либо действия хорошо запоминается. И спустя длительное время дети продолжают вспоминать: А помните, как мы все пытались уместиться на острове из четырех стульев?! А вы помните, как я делился конфетами?! А помните Павку, какой он необычный, особенный мальчик! Дети несут полученные на тренинге знания за пределы группы, домой. После занятия, на котором дети из покрывал, подушек, стульев, игрушек, новогодней мишуры и других средств создали свои безопасные места, Саня сказал, что он сделал такое же место у себя дома. А Маша не только рассказала маме о том, как мы играли в сказку "Три медведя", но и провела с ней терапевтическую работу по аналогии с игрой, во время которой ребята через количество налитой в стакан воды пытались показать, сколько гнева накопилось у героев сказки. Придя домой из школы, Маша спросила маму: "А как ты думаешь, сколько у тебя гнева - полный стакан, половина или чуть-чуть?"

Некоторые ребята подарили домашним - родителям, сестрам, братьям - мешочки по "укрощению" гнева (набитые рисовыми или пшеничными зернышками резиновые шарики, которые можно с удовольствием мять или бросать об стенку).

Мы видим, как меняется отношение родителей к нашим занятиям и к тем, кто их ведет. Поначалу родители нередко не понимали: "Почему на психологических занятиях так много внимания уделяется чувствам?", не доверяли: "Прошло уже два занятия, а ничего не изменилось!", стремились полностью контролировать процесс: "Отчего мой ребенок не хочет рассказывать о том, что у вас происходит?" Но постепенно все больше задают иные вопросы, на смену настороженности пришел живой интерес и желание сотрудничать. |

/ эмоциональный интеллект - способность понимать и усваивать знания о чувствах и с помощью чувств

КАТЯ. 30 ЛЕТ СПУСТЯ

Валерий мильдон - доктор филологических наук, профессор кафедры эстетики, истории и теории искусства ВГИКа им. С.А. Герасимова

Перечитываю/ переживая события 30-летней давности, не нахожу ничего, что заставляло бы изменить мой тогдашний взгляд. Разве что с большей настойчивостью записывал бы все, что происходило с моим дорогим дитяtkом. И если успеваю сейчас, то в недостатке письменного внимания к его жkтью-бытью. Увы мне, как зовывали в старину. Есть еще одна сторона в тогдашних записках. Мой соображения той поры в основном справедливы, ибо последующая жизнь их оправдала, и дочь моя выбрала (насколько "выбирает" свою судьбу любой характер) тот вид занятий, где ее одарования реализуются с наибольшим, я надеюсь, полнотой.

Москва, 1 декабря 2002 года

1972 год. 1 декабря

Катя подбежала ко мне и стала что-то говорить. Ей около двух лет, разговор ее невнятен, и я ответил, что не понимаю. Тогда она принялась ползть на четвереньках, приговаривая: "Папа". Она хотела, чтобы я на четвереньках бегал за ней. Слабая словесная способность вынудила ее к "пантомиме", к балету, если воображаемо развить это наблюдение. Из этого я заключил: слово содержит пластическую картину, которая сама бессловесна и потому "беднее" смыслом. Эти мысли натолкнули меня на сравнительную эстетику, которой давно занят, да забросил, и Катя повернула меня ко мне же. Глядя на Катю, думаю, я разбередил старую занозу, и она заболела, требуя "удаления".

1973 год. 26 января

Когда она хочет чего-то, она показывает. Так и люди, освоив язык, сохраняют жестикуляцию, усиливая значение слов. По жестикуляции нередко угадываются и содержание речи, и умственный уровень говорящего. Из наблюдений над Катей вывожу, что язык жестов был первым языком. (Не считая языком крики, звуки, которые были реакцией на что-то, а не обращением. В первые месяцы жизни Катя кричала, не обращаясь, а по потребности организма). За первым последовал "второй" язык - словесный, но еще без всяких согласований слов, а названием их одно после другого, как сказала она однажды: "Катя-водичка-пить". Когда она хочет взять мою вещь, она так и говорит: "Мою", хотя надо сказать "твою". (Этой прамотою мышления объяснима раннедетская честность. Дети делают и говорят все, что их просят и как просят, ибо они и произносят, как слышат, а позднее и пишут, как слышат.) Скрывать, обманывать, умыленно искажать не умеют, ибо такое умение предполагает самосознание, ощущение грани между собой и миром, деление на "я" и "не-я", некоторую психическую перспективу.

2 февраля

"Почему?" - вопрос детский, скоро Катя начнет так спрашивать, растягивая мою взрослую жизнь и пробывая извне твердеющую скорлупу сознания. Это и есть благо, данное взрослому в ребенке: для нее - все впервые, и я невольно становлюсь на ее точку и все Катины "почему?" должен разрешить так, чтобы и мне было ясно, почему так, а не иначе. Катин немудреный взгляд учит меня, мудреного.

Мою взрослому бытию детское оказывается спасительным, поскольку разрушает привычный жизненный образ и заставляет "жить заново", не отказываясь от прежнего опыта. Получается, что через ребенка, на которого столько сил ушло и уйдет, я делаюсь и мудр, и юн: продлеваю свою жизнь и получаю возвращенным десятикрато против того, что затратил, растя ее. Это благо - не временно, а постоянно, и не уходит с ее взрослением, остается во мне прибавкой к опыту жизни.

19 февраля

Настала пора и мне учиться у Кати, которой пошел третий год. Я живу в своем порядке и мире, жена - в своем, и мы оба - взрослые - чужих порядков (она - моего, я - ее) не нарушаем, а, наоборот, как-то сочетаем выступления. Катя наших порядков не знает и своим поведением их все время пробует. Оказывается, они не очень важны для поддержания того, ради чего, вероятно, и заведены - ради жизни, а просто существуют и поддерживаются по взлохоту косности. В моем мире - "иерархия": одно - для одних дел, другое - для других. Для Кати пока все одинаково и равно. Она разбросала книжки на полу, потому что не знает, что такое книга, для чего она. Я книги собрал на полку, привел в порядок, но поведение Кати покачнуло мое отношение к нему. Своими вопросами "зачем так?" Катя и меня заставляет спрашивать невольно: "В самом деле, почему так, а не иначе?".

21 июля

Катя захотела взять подушку, а бабушка ей запретила. Катя обратилась ко мне, чтобы я позволил. Я ответил, что если запретила бабушка, нужно еще раз спросить у нее. Катя, видно, смекнула, что разрешения не будет, и, положив на подушку кубики, понесла со словами: "Мешочек несущ".

26 августа

Сегодня утром посыпал Кате в чашку сахару, она попробовала и сказала: "Несахарно". Конечно, если нет сахара, это "несахарно", а не "несладко". Спросил ее: "Нельзя мне тебя поцеловать?" Ответила: "Льзя". Спросил, когда она играла: "Откуда идешь?" - "От магазина".

Такая "прямызна" ответов - результат ее нравственного космоса, который устроен без перспектив "я" и "не-я". Поэтому Катя легко разговаривает с куклами, хотя они ей не отвечают. Для нее, раз она говорит, то все говорит, все есть Катя. Она живет не в мире, как мы все, а в мире, который есть она, продолжение ее. Поэтому ветер - ветрит. Пчелы добрые, но кусавые. И еще (успел записать прямо за ней): "Был-жил одна лошадка. Одно время плакала, одно время смеялась. Ей хорошо было жить на белом свете". Эта лошадка для Кати - та же Катя: смеется, плачет, ибо весь мир - Катя.

1975 год. 9 марта

Спрашивает меня: - Ты старый? (Мне 36 лет). - Еще нет. - Ты взрослый. Ты скоро умрешь, и тебя посадят в ночную. "Ночная" - это ночная группа детского сада. Она там еще не была ни разу, но знает, что дети остаются там ночевать, и для нее это, наверное, равносильно "уходу под землю", "тьме", с которыми она предположительно связывает еще смутное сознание смерти.

22 мая

Вчера была сильная гроза. Утром Катя проснулась и рассказывает мне, как она испугалась. Видно, что ей нравится, что испуг прошел, и она с удовольствием рассказывает: "Гром - это отец, гроза - мать, молния - дочь, дождь - сын". Так у нее составляется самодельная мифология.

5 июля

Сказала твердо: - Я расту. Спрашиваю: - А я? Отвечает деловито и равнодушно: - Ты отрос.

21 августа

- Что такое мотыль? Объяснили. - А что такое мотыль? Тоже объяснили. - А что такое мотылек?

Очень интересуется словечками, постоянно спрашивает, слыша незнакомое слово, сама словечки делает. Сегодня утром протягивает мне саидаль и просит: "Продыри дырку". Как-то хотела сказать слово "увеличивает", но не знала его и тогда придумала: "убольщивает".

25 октября

Катя играет сама с собой и сочиняет. "И листик решил упасть. Лето, почему ты уходишь? Меня ветер гонит. Возьми нас (листья. - В.М.) с собой. Ладно. Вы не умрете до следующего лета".

1976 год. 9 ноября

Одеваюсь в передней, чтобы идти на улицу. Катя говорит. - Ты скоро шапкой до потолка достанешь. - Да, еще подрасту немного... - Ты не растешь. - Захочу и вырасту. - Это не от захотенья, а от природы.

21 ноября

Играет с куклами и напевает, что придет на ум. Визуд услышал: "Во мне сияет блеск ее души". Откуда это? Вспомнил: несколько дней назад читал Ире (жене - ред.) персидских поэтов, и Катя была здесь же. Из таких вот не осознанных и не контролируемых взрослыми вниманием мгновенных эпизодов формируются некоторые стороны детского сознания.

1977. 27 мая

Читал Кате "Детство" Толстого. Она слушала, а после, когда я закончил и понес книгу на полку, спросила: "А про тебя в этой книге не написано?", "А почему?" Я не знал, как ответить, и ответил, что под руку пришло: "Тут про других людей - про Карла Ивановича, Маман, детей". "А ты сам про себя напишешь?" - продолжает расспрос Катя. Я сказал: "Да, напишу". И начал ответ ("Да") неуверенно, а закончил ("напишу") твердо, вспомнив свои дневники, тетрадки, которые веду за Катей и Колей (сын родился 14 мая 1977 года), и от этого продления своей жизни словом стало радостно. Катя снова спросила: "И читать про тебя будут?" - "Да, и вы оба будете читать про меня и про себя". И оттого, что в таком неожиданном виде предстали мои домашние писания, я и эти писания, и детшишек своих почувствовал ближе и роднее.

3 июля

У Кати было незанятое время, и я предложил: "Давай почитаем?" - "Я лучше по хозяйству помогу". В этом "хозяйстве лучше чтения" я увидел интерес: женскую чистую натуру и Катину особенность, над которой думаю (и по дню думаю, и по жизненной обязанности отца-родителя) и сейчас пробую определить по фактам ее жизни, по бессознательным интересам и предпочтениям.

Ей уже восьмой год. Сама не предчу читая ли, писать - нужно напомнить. Зато любит играть, но тоже в "хозяйственные" игры: пеленать кукол, делать им обед, устраивать для них комнату, наряжаться, прихорашиваться. Какие свойства ее женской природы видны? Устроительница мира вокруг себя, а не переустроительница; не делает нового, а повторяет старое (как мир) - главноее свойство женской натуры: не новое, а старое, извечное, неизменное. Для этого нужны условия не резкие, взрывные, бурстительные, а постоянные, настойчиво-терпеливые, округло-плавные. Жена живет "на гибкость", "на растяжение", муж - "на стояние", "на излом". Поэтому жена "живучее", "жизненное" мужа.

Как Ахиллес выбрал оружие, так Катя, без подсказки и внушений, предпочла хозяйство, быт, устройство (а не переустройство). Сейчас она сидит рядом и копается в коробке с Ириным рукоделием. Когда ей был год, она сидела в кровати (в которой сейчас спит Коля), и ей дали мешок с тряпками. Это ее очень увлекло, она долго их перебирала, забыв плакать.

В первые месяцы и годы жизни она походила на мальчика, чужие ее часто путали, и она обижалась: "Я не хочу, чтобы меня считали мальчиком". Ее женская натура противилась. Физические Катя не слаба, любит возиться, но ловкости нет, бегаает небыстро. Несколько раз наблюдал неприметно, как она вела себя в "грозных" ситуациях - садилась на снег, делала сердитое лицо, а не бросалась яростно на обидчика. Очень любит собирать цветы, хорошо помнит названия, у нее сильный интерес к несексомому и растительному племени.

13 июля

Позавчера (или третьего дня) Катя пришла с улицы и спрашивает: "Что будет, если потрогать мертвого человека?" Я тогда ей начал по-ученому разьяснять, что сам когда-то читал и помню в пол-ума нечто трунного яда и пр. Катя продолжает: "А если мертвого голубя тронуть?" Я ей примерно в том же духе: мол, и на животных бывает мертвого яда. Она задает: "А если птенца мертвого тронуть?" И узнав, что это все равно, в растерянности соизалась: "Я трогала мертвого птенца. Он лежал на дороге, а я его взяла вот так (показала щепотй из двух пальцев) и отнесла в кусты. Теперь я умру от яда?" и стала расспрашивать, как бывает, когда умираешь от яда. На следующее утро просыпается и говорит: "Не умерла!" И все утро была весела, распевала песни, послушная. Я ее спрашиваю: "Отчего у тебя на душе хорошо, не капризничаешь?" Она отвечает: "Не знаю". И тут же добавляет: "Потому что умерла".

29 сентября

Гуляла с мамой, пришли домой, Ира рассказывает: "Катя сказала, что небо - это все". - Как так? - спрашиваю. Катя пришла на кухню и стала, увлекшись, пояснять: - Ну все, все. Это воздух, которым мы дышим, который окружает нас. Оно сверху, и сбоку, и кругом. Мы живем среди неба.

1979. 17 августа

Катя ходила по дому, скучала, и я ей в шутку сказал: - Что ты маешься? Поди, отдохни, подумай о бременном. - Что такое "о бременном". - Что умирает, недолго живет: бабочка, гусеница, червячок, мушка. Сегодня живы, а завтра умерли. И мы с тобой так, ты и я. Не задумываясь, она возразила: - Мы конечно, умрем. - Ну, конечно, наше "завтра" нескоро, но тоже настанет. Тут она с каким-то удовлетворением спросила: - А ты раньше умрешь?

- Да, да, да. - Не хочу, не хочу. Я перевел разговор на другое.

23 августа

Гуля с Катей и попросил ее почитать наизусть, что она помнит. Стала читать. Дошла до Лермонтова: "Нет у вас родины, Нет вам изгнания". Вдруг Катя спрашивает: - А как же "нет родины"? У них есть родина - небо. Почему же Лермонтов написал "нет"?

5 сентября

Рассказал ей, что сорочка любит таскать разные предметы и прятать. Когда Коля вытаскил из шкафа ключ и с воплем радости побежал в комнату, Катя пошла за ним и строго спросила: "Ты зачем сорочишь?"

11 октября

Сегодня решила обеда затеял с Катей метафизический разговор (решив уже потом, что надо чаще пробовать такой жанр, чтобы выработать у нее привычку обсуждения, навык ментального существования). Я прочел ей из Д.С. Милля ("О свободе", кажется, сейчас не помню, а тогда не записал, откуда) фразу, где сказано, что общество может стеснять человека там, где его действия касаются других лиц. В остальных случаях он полный хозяин своего тела и души. Спросил Катю, что она поняла? - Что человек хозяин тела и души.

- Ты не поняла, а запомнила последние слова и хитришь, что поняла. - Пускай так. - А есть разница между телом и душой? - Конечно: тело снаружи, а душа внутри. - Как же? А разве внутри нет тела (хотел дать ей примеры, да она сама быстро согласилась). - Да, есть. - А где душа?

Катя показала на грудь. Я спросил, почему? Объяснила она не смогла, но сделала рисунок с указанием места души и ее строения. Из этого краткого разговора вывожу: метафизический любознательности у Кати нет. Она потому и захотела нарисовать, что ей недостаает нематериального воображения, она хочет воплотить белстелесное, в котором чувствуется себя неуютно. Думаю, эта черта в ней изначальна, от рождения, и есть ее природа, а не возрастной признак, что совпадает с моими прежними наблюдениями за ней. Выходит, мое дело отца-воспитателя состоит в том, чтобы одухотворить ее материальность, ее вегетативно-животный космос - стихами, музыкой, беседami, а когда подрастет - указанием на то, что мир материи не исчерпывает всех отношений бытия. Как раз в этой зоне и лежит феномен человека - в зоне преодоления чистой материальности. Следовательно, задача отца не только дать жизнь, но довести ее до человеческой степени, воспитать навык победы над миром материи. Страх смерти - страх перед вечностью мертвого вещества, и этим страхом люди действительно просвещены к истинной жизни. Родившись как материя, человек призван не быть одной материей - вот к чему я направлял воспитывать детей моих, себя, жену. Который раз убеждаюсь, что дети не только чтобы сносить наши поучения, но и сами учат нас порою, как дети, неразумных и тщетных.

26 декабря

Спросил Катю: - Что такое Бог? - Не знаю... Это человек, который все может. - А я разве не все могу? (Подумаю, что она ответит: "Нет, ты даже валенки мои не смог сегодня отдать в починку"). Я носил, чтобы при мне починили, и не смог уговорить). - Нет, конечно, ты не умеешь летать. - Как же, сел в самолет и полетел. - В самолет, а он сам по себе, как птица. У него крылья повсюду - на голове, на ногах, вокруг туловища - большие крылья за спиной. Он может через дом перешагнуть.

9 декабря

Сегодня решили отметить ее день рождения (сей ей исполнилось 9 лет 12 декабря), пригласил подругу, и она ночью проснулась несколько раз и спрашивала, нет ли 8 часов (открывала магазин, и она хотела купить торт). Узнав, что уже восемь, быстро встала (чего обычно не любит) и стояла час в очереди ради "брюховной" потехи. Ее волнение от праздника не душевно, а направлено на материю-плоть-брюхо. Не только, разумеется: она ждет и подарков, и радости, и веселья, но это не чисто, а вмешано в торг, печенье (которым вчера занималась с матерью). Напряжение и волнение ее внутри держатся не на чистой духовной радости, как естественно 9-летней; а на материи, у нее очень сильная и давнейшей ее. Правда, во мне есть спасительная мысль: Кате суждено рано отделить материальную страдательности, закалиться в ней, и в девичестве, женстве Катя не дастся ей так, как, по моим наблюдениям, немало женщин с задатками сникают под бременем вещественного мира.

1980 год. 12 февраля

Из ее занятий в художественной студии при Доме пионеров вижу те же черты, какие наблюдал раньше. У нее развита репродуктивная способность: хорошо копирует, срисовывает. Как-то ходила с матерью в Третьяковку, привнесла несколько белглых зарисовок, сделанных на коленях в маленьком блокноте. Я сразу узнал известные картины. Дома быстро и умело заносит на бумагу все, что видит. Но сама рисовать не очень любит, маловато воображения и фантазии. Чтобы простое умение держать в руке карандаш преобразовать в творение, нужен сильный душевный огонь, которым плавают впечатления и требует излиться. Этот огонь в Кате не нагревается до степени плавления.

21 февраля

Сегодня спросила меня за обедом: "У тебя бывает, чтобы тебе казалось, что тебя не существует?" Я задумался: "Нет, не бывает". "А у меня бывает так: смотрю на что-нибудь, не отрываясь, и говорю себе, повторяя много раз: "И это все я". И начинает казаться, что я - это не-я, что меня нет. И мне кажется, что я не существую". Я сразу задаю ей свой "большой" вопрос: "А ты знаешь, что ты умрешь и тебя не будет никогда и навсегда?" К моему изумлению, она пожала плечами: "Ну и что? Я об этом не думаю". И было видно, что эта мысль теперь на самом деле ее не занимает.

1981 год. 17 ноябрь

Предложил Кате к моему дню рождения как подарок написать рассуждение о жизни и о себе. Она согласилась, и теперь это стало традицией: Катя и Коля пишут такие работы к моему и маминумо дням рождения, а забывают их уже много. Вот самый первый опыт Кати. Называется "О жизни и смерти".

"Смерти я боюсь. Поскольку жизнь очень мала, ее надо беречь. Я не представляю, как это - умереть, как мир будет без меня. Я есть, и мне неясно, как все без меня существовало. Мне странно это. Как это, ничего не чувствовать? Почему за свою короткую жизнь должен сделать много хороших дел, чтобы люди запомнили его хорошие дела и вспоминали о нем. И меня бы успокоило то, если после смерти я буду жить, только в другом мире. И иногда мне приходят эти мысли и голову, и я мучаюсь из-за этого. Боюсь умереть и в то же время не слушаю родителей. Боюсь умереть, потому что хоту жить".

Вторая часть самоанализа называется "Хороший ли я человек?" "Человек я не очень хороший и даже плохой, но есть одна хорошая черта -справедливость. Это я так думаю. "Жестокый и неотзывчивый человек", - говорит мама. Очень люблю ругаться, и в школе мне говорят, что я грубая. Правда, это я знаю и сама. И еще люблю осуждать себя и еще спорить и доказывать свое. Хорошо это или плохо - не знаю".

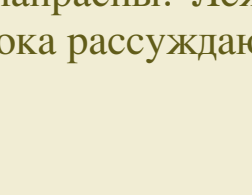
Через год она написала: "Сейчас я смерти боюсь по-прежнему, но все же меньше вспоминаю о ней, успокаивая себя, что я еще живу. Мне хочется, чтобы я оставила память о себе в народе, и неплехую. Как я это буду делать, еще не знаю. Собираюсь, когда вырасту, написать книгу моих наблюдений по дневникам. Я иногда думаю, что никому не нужна, что умру и никто обо не вспомнит, и тоска на меня находит. Хочу, чтобы люди, когда я умру, говорили: "Вот, жила такая-то". Лучше было бы, если люди бы верили в бога. Помолится и умер себе спокойно. Будешь жить, но в другом мире. А сейчас нет утешения, чтобы после смерти жить. Только оставить о себе память. Я хочу стать писателем или биологом, может быть, зоологом".

Вторая часть о том, какой она человек, как оценивает себя, почти 12-летнего: "Человек я такой, какой при азарте может сделать что угодно. Но если азарта нет, - все, хоть головой беися, ничего не выйдет. Я знаю это, и когда у меня чего-нибудь не ладится, я занимаюсь другим, а после - этим. Мне кажется, что такое свойство может подойти поэтам, писателям, художникам, но ни в коем случае не музыкантам. У музыкантов концерты, им надо в любую минуту быть готовыми ко всему. Человек я самолюбивый, люблю покомандовать над Колей. Если против чего встану, не слезу ни за что и так и буду делать, как в первый раз сказала. Например, сказала мама: "Вымой посуду", говорю: "Нет!" Но после думаю: "Все равно мыть надо, пойду сейчас, так нет же, мама подумает, что я испугалась, мне это не по вкусу, и я не мою".

1982 год. 18 мая

Родители, вероятно, ложно судят о своих детях, как вообще человек частенько ошибается в человеке. Ошибка же родителей усугубляется тем, что их отношение к детям строится так, как если б дети были не людьми, а собственностью. Когда же дети обнаруживают свои волю и суждения, родители оказываются не готовы к разногласиям. И если не сумеют переменить отношений к детям, трещина превратится в пропасть.

Мы думаю, чтобы я не понимал Катю, но совсем заранее: понимать и вести себя согласно понимаю. Поэтому родителям нужны оценки их детей со стороны. Такое наблюдение будет не только корректировкой понимания, но и преимущественно поведением родительского. К тому же невольная эмоциональная пристрастность заменяет для понимания кое-какие тонкие черты детской натуры, и там, где у Кати отенки, я вижу сплошную ко-я. От этого и обаятельная картина искажается, так что выходит, начав утверждением "Я понимаю", я заканчиваю обратным: "Не понимаю". А раз так, тем более необходима сторонняя поправка, и мои тетрадки наблюдений отчасти выполняют эту задачу. |

МУЖСКИЕ ЛАСКИ | *маргарита жамкобян, алексей бялков*

Алексей Бялков по образованию биолог, по жизни - тренер Федерации шаолиньских боевых искусств, отец семилетнего сына.

уважаемая маргарита степановна, так и не получилось оформить свои мысли про "мужские ласки", чукча все же не писатель, чукча верстальщик. дальше первого абзаца дело не пошло. в кач. эписофа заказана справка из госкомстата о процентном соотношении городского и сельского населения россии в 30-х, 60-х г.г. и сегодня (т.е. соответственно годы детства наших родителей; моего поколения; наших детей), а начать хотел так:

Мой дед и прадед пахали. Натурально, землю. Отец умел запрячь лошадь. Худо-бедно я знаю, как держать в руках ставеску и шпатель и как ласкать собак и женщин. Мой сын в 4 года вел аквариум переписку по электронной почте с "Дедом Морозом", а в 6 знал, как получить из ангела архангела - да просто надо апгрейд сделать, оказывается.

дальше собирался писать про коллапс традиционного многомерного микрокосма ребенка (чердак, подпол, сарайки, дерево во дворе...) до одноуровневой стандартной детской в стандартном доме; то же касается социума, в перв. оч. социальных контактов - со сверстниками и внутрисемейных (клановых), потом - про гиподинамию и отсутствие условий, главное, необходимости полноценных и разнообразных физических нагрузок в современной городской среде; про патриархальные традиции воспитания (не помню случая, чтобы отец дотронулся до меня), про ханжество и сверхбильный опыт нашей цивилизации по части тактильных гетеро- и гомосексуальных контактов - на лотках всякие там камасутры, секс тебе и тантрический, и оральный, и какой хошь - с одной стороны, и клише "мадонна с младенцем" - с другой.

а вот что прикажете папе делать с мальчиком, который не выходит во двор, потому что там нечего делать, и сбивает дышалку после двух пролетов лестницы, зато часами может сидеть за компьютером?

потом еще про навык интенсивного физического труда: в патриархальной семье был и наглядный пример, и жестокая необходимость раннего включения; сейчас ребенок если и видит папу работающим, то со спины и за компьютером, но это же не работа - папа в свои игрушки играет, а для чего же еще компьютер.

в итоге хотел выруть на необходимость компенсировать дефицит общения, движения и проч. витаминов роста - в нашем примере это 10-минутная зарядка, в перв. оч. эмоциональная.

но самое забавное - я только что из суда, где с 5-го раза меня наконец убедили в полном провале моих поисков неавторитарной модели семьеустройства - в нашей стране правильно воспитать ребенка может только мать.

и кто теперь будет делать с моим сыном эту зарядку и нужна ли она вообще - непонятно. и не до такой уж степени я циничен, чтобы в этой ситуации (развода) сочинять тексты про мужское воспитание. поэтому, если в своем материале вы вскользь пройдесь по моему тезису, то я расслаблюсь и ничего вымучивать не буду, всяко у вас получится в тему и правильной.

спасибо

в. к.

22.11.02 |

Можно жаловаться на природу, но, разделив весь животный мир по полу, она наделила женские, а точнее, материнские ласки критической силой. Без физического контакта с матерью невозможно вырасти полноценным членом общества, по крайней мере у высших млекопитающих. Известны классические эксперименты с детенышами обезьян, которым подсовывали суррогатных матерей. Часть из них воспитывалась "тетками" (взрослыми самками), у которых не было молока, но которые таскали малышек на себе. Другая часть маленьких обезьян выкармливалась мохнатым чучелом обезьяны, на котором укреплялся рожок с молоком, а еще одна группа выкармливалась проволочным каркасом, который тоже держал рожок с молоком. Все обезьянки благополучно выросли, но очень разными. Самыми благополучными оказались обезьяны, воспитанные "тетками" - они смелы, уверены в себе, любознательны и быстро обростали своим потомством. Обезьяны, воспитанные плюшевым чучелом, от них отличались незначительно - разве что они были более робкими, но вот дети "проволочной" матери демонстрировали полный спектр отклонений - они вели себя невротично, среди эмоциональных реакций преобладали страх, депрессия или агрессивность, но самое главное - они не в состоянии были завести нормального сексуального партнера и не оставляли потомства.

Если обратиться к человеку, то вспомним, что в традиционных обществах африканские и азиатские женщины постоянно таскают своих младенцев, кто на спине, кто на животе, не расставаясь с ними в поле и дома. Оказалось, что с этой традицией связано чувство безопасности ребенка и доверие к миру. Современный западный мир сознательно позаимствовал эту традицию, введя моду на "Кенгуру" - специальные рюкзаки для переноса младенцев на теле родителей.

Увы, наука не знает достоверно, что приобретает человек, а чего он лишается, когда речь идет о физическом контакте с отцом. Мы можем только предполагать, что этот контакт не столь критичен, как контакт с матерью, да и относится он к более позднему периоду - где-то после 2-3 лет.

Наблюдения за животными показывают, что физические игры малышей с отцами семейств, например, в прайдах у львов, волков, имеют четко выраженную статусную природу: под защитой детства малыши пристают к огромному и сильному отцу, пока он им не напощадит и не покажет свою власть и мощь. Одновременно во всех стадных сообществах есть и прикосновение покровительства, и одобрения.

Недавно по телевидению показывали фильм о жизни слонов, которые всем стадом вытаскивали слоненка, увязшего в грязевом болоте. К спасенному и очень грязному малышу по очереди подходили все взрослые слоны и дотрагивались до него хоботом. Так и мы хорошо помним прикосновения своих отцов к нашему плечу в знак одобрения или поддержки. А прикосновения к плечу - типичный статусный жест - того, кто старше и сильнее. Это важная часть нашей жизни - статусная. И здесь без отца или другого главы семейства не обойтись.

Но чего мы добиваемся, когда стремимся к физическим играм вне статусного контекста, это менее понятно. Это может быть обучение дружественному сосуществованию - ведь у обезьян тот, кто ищет в шерсти у своего партнера, как правило, приглашается разделить и трапезу.

Похоже, два этих направления - контакт равенства и контакт статуса - трудно совмещать. И тот отец, который позволяет ползать и лазить по себе, как по дереву, должен чувствовать тот предел, когда ему пора и власть употребить, иначе дети с ним считаться не будут. А отцы, дружащие со своими детьми, как правило, не злоупотребляют прямым физическим контактом, заменяя его контактом опосредованным - например, в игре с мячом или в игре с конструктором, через действие с предметом. Как сюда вписывается утренняя гимнастика с упражнениями восточного образца?

Весьма причудливо... |

Мыслишком серьезно относимся к физическим упражнениям, которые делаем со своими детьми. А ребенок живет игрой и очень быстро устаёт от целенаправленных учебных занятий. Мы хотим предложить вам упражнения, которые можно делать вместе с детьми дошкольного и младшего школьного

возраста, играя. Их можно использовать в любых комбинациях в зависимости от физических возможностей ребенка и взрослого, от размеров помещения и времени, которым вы располагаете.

Выстройте упражнения в определенной последовательности и придерживайтесь ее каждое занятие. Постепенно ребенок запомнит упражнения и станет в вашей игре ведущим, вам же останется только подыгрывать ему и постепенно вводить новые элементы.

Делая игровые упражнения, ребенок будет выполнять простые и понятные действия, станет подражать движениям разных животных. Совсем не обязательно придерживаться тех образных названий, которые предлагаем мы. Возможно, ваш ребенок придумает свои, найдет свой образ.

Помещение для занятий может быть любой площади, главное, чтобы оно хорошо проветривалось, и были убраны предметы, которые могут нанести травму (например, неожиданно упасть).

Разминка

1. Приветствие. Начинайте каждое занятие с ритуального приветствия, например, поклона.

2. Просыпалки. Самые первые движения утренней зарядки должны быть предельно просты и естественны. Потрите ладони, предплечья, плечи, разотрите лицо, "причешитесь".

3. Потягушеньки. Потянитесь вверх, "толкая небо"; наклонитесь с прямыми ногами, "толкая землю".

4. Повороты. Встав спиной друг к другу, обернитесь и хлопните ладошками.

5. Взбивать подушку. Похлопайте друг друга по рукам, ногам, корпусу, поочередно правой и левой руками. Постепенно наращивайте силу удара.

Упражнения на координацию движений

Можно выполнять по отдельности или последовательно, как один комплекс. В начале обучения упражнения можно выполнять, стоя у стены и держась за нее руками. Исходная позиция для всех упражнений (И.П.) - ноги вместе, руки в стороны ("держат стенку").

6. Цапля. И.П. Поднимите ногу, согнутую в колене, выше пояса, медленно выпрямите ее вперед (носочек оттянут). Взгляд направлен вперед. Согните ногу в колене и опустите в И.П. Повторите упражнение другой ногой.

7. Пастушок. И.П. Поднимите ногу, согнутую в колене, выше пояса. Медленно выпрямите ногу назад (носочек оттянут), одновременно наклоните корпус вперед, руки в стороны ("держат стенку"). Взгляд направлен вперед. Повторите упражнение другой ногой.

8. Дерево. И.П. Поднимите ногу, согнутую в колене, выше пояса. Выпрямите ногу в сторону, пятка вперед, носок на себя. Нога и корпус, выгнутые ноги должны составлять одну линию. Взгляд направлен в сторону поднятой ноги.

9. Посмотреть на луну. И.П. Поднимите ногу, согнутую в колене, выше пояса. Заведите ее за спину и поднимите так, чтобы стопа оказалась на уровне пояса. Руки в одну линию по направлению к согнутой ноге. Взгляд направлен на стопу.

Если ребенок выполняет упражнения с легкостью, делайте их, стоя друг напротив друга. В этом случае И.П. будет позиция с поднятым коленом, руки в стороны (пока все четыре движения не будут выполнены, нога не опускается).

Упражнения на развитие скорости реакции

10. Поймай игрушку. Возьмите мягкую игрушку, сядьте друг против друга на расстоянии вытянутой руки ребенка. Попросите его приготовить руки на уровне груди и бросьте ему игрушку так, чтобы он ее обязательно поймал. Когда упражнение будет выполняться с легкостью, постепенно увеличивайте расстояние. Предмет сначала ловят двумя руками, затем одной. Лучшее всего для отработки этого упражнения подходит тринадцатый мяч размером с теннисный.

11. Забери игрушку. Положите игрушку между вами и попытайтесь схватить ее одной рукой - кто быстрее.

12. Ладушки. Вытяните руку перед собой, положите ее ладонью вниз на ладонь ребенка. Ребенок должен постараться хлопнуть по вашей руке. Поменяйтесь ролями.

Упражнения на растяжку

13. Мостик, сидя на папе.

14. Мостик из папы. Ребенок подползает под папу и помогает ему встать на мостик, толкая спиной.

15. Доставать игрушку. Наклоны с прямыми ногами.

16. Уставшая лягушка. Сядьте на колени напротив друга, возьмитесь за руки. Погая друг друга, ложитесь на спину.

22. Бабочка. Сядьте на пол, стопы вместе. Раскачивая коленками, старайтесь ими коснуться пола. Помогая папе, ребенок встает вам на колени.

18. Колечки из листиков. Лежа на животе, прогнитесь в спине и попытайтесь достать ногами до затылка.

19. Блинчики. Сидя на полу, потянитесь руками к носкам ног, ложась грудью на прямые колени ("протягивать горячий блин"). Качнувшись назад, лягте на спину и постарайтесь достать носками пол за головой (ноги прямые).

20. Надевать валенки. (Наклон к ноге). Ноги прямые, пальцы рук в замке, тянутся ладонями вверх. Поставьте ногу на пятку и с поворотом корпуса наклонитесь грудью к колену.

22. Шпагат. Поддерживая ребенка за руки, помогите ему сесть в шпагат. Покачайте до боли.

21. Паучок. Встаньте в низкую позицию: одна нога прямая, вторая - согнута в колене так, чтобы ягодица касалась пятки, стопы стоят. Возьмитесь руками за подъемы стоп и перекатывайтесь с ноги на ногу, выпрямляя то одну, то другую.

Общезаставочные упражнения

23. Качаем пресс. Лягте на спину ногами друг к другу. Поднимайтесь навстречу друг другу и хлопайте в ладоши. (Или подставьте ладони, а ребенок бьет в них кулаками.)

24. Отжималки. Лягте на живот крест-накрест и отжимайтесь.

25. Кенгуру. Перепрыгивание через руки, через предплечья, через лежащего папу.

26. Везем тачку. Папа держит ребенка за ноги, а тот идет через руки по полу.

27. Катаемся на "крадущемся тигре". Папа в низкой позиции, опирается на руки и на ноги, грудью почти касаясь земли, а ребенок садится на него верхом. |

КОГДА ДЕТИ ДЕЛАЮТ ТО, ЧТО ДЕЛАТЬ НЕ НУЖНО

ванесса редгрейв

Я не знаю, что делать, когда худшее с нашими детьми уже случилось или начало случаться. И всегда не знала. И потому всегда была нацелена на предотвращение.

Самая худшая из опасностей, которые грозят человеку, как правило, исходят от него самого. Это пустота внутри, никчемность существования, бесцельность. Это и ложные цели, плодящие зависть. Потому так важно, чтобы человек был воспитан, воспитан в понимании, что мир не вертикален, что мы не вершина творения, а только его часть. Он должен точно знать, что у других - у соседей, у кошек и страусов, муравьев и растений - есть их права и что он сам родился на свет со смыслом. Смысл в том, чтобы существовать достойно. Но родители могут чувствовать себя господом, демиургом и в самом лучшем - не тираническом - смысле. Мы можем управлять судьбой ребенка - на первом этапе, решив, например, для себя, дать или не дать малышу прикоснуться к раскаленной каминной решетке, к которой тот тянет руку. Может, и неплохо, если он на наших глазах дотронется? В конце концов ему самому надо осваивать этот мир. И, может быть, так он поймет закономерность - после каждого двусмысленного поступка его жизнь вполне может измениться не в лучшую сторону. А если поступок однозначно нехорош - она изменится к худшему. Пусть это станет условным рефлексом, как бы двусмысленно это ни звучало...

Когда мы говорим об опасностях, грозящих нашим детям, мы почему-то больше думаем об алкоголе и наркотиках. Будто дети наши изначально безгрешные, ангельские существа. Бывают искушения и пострашнее: алчность, желание продвинуться, переступив через кого-то. С "физическим" можно справиться, поняв причину. Хуже с "психологическим", ведь причины тут связаны с искажением всей системы координат.

Всегда нелишни сеансы "родительского психоанализа" - чтобы ребенок с нашей помощью понял, что влечет его на путь опасности. Конечно, это возможно только при доверии между нами. Но если нет доверия, нет и всего остального, невозможно решительно все... Тут надо начинать с самого начала - с утверждения взаимного доверия.

Когда росли мои дети, в Британии очень остро стояла проблема с наркотиками. И опасность "инфекции" была. Но мои дети были нацелены на дело, на работу - сказались наследственность и жизнь, идущая у них на глазах: у Наташи и Джоли - отец известный режиссер (Тони Ричардсон), у Карло - актер-звезда (Франко Неро). У них перед глазами всегда была интересная, наполненная жизнь, ощущение того, что мы живем не зря.

Я всегда давала и девочкам, и сыну читать зрительские письма - и добрые, и гневные. Брала детей с собой, когда принимала участие в общественных кампаниях. Так или иначе, они видели подтверждение тому, что мы нужны людям, того, что их мать уверена, что дурное в мире можно изменить к лучшему. В наших жизнях не было рутины, не было необходимости ухода в иллюзорное, а острые ощущения вечно ждали за ближайшим углом.

Шанс иметь наполненную жизнь - лучший антинаркотик, знаете. И вообще категория жизненной цели не так уж беспочвенна, хотя для меня и безусловна. Всегда вопрос в цене. В смысле поступков наших детей тоже - даже в худших случаях нельзя сломать нечто важное в них и в наших с ними отношениях. Даже на самоуничтожение у них есть право. Но я-то верю, что даже у такого упорства есть предел. Он там, где начинается боль близких. Значит, главное - воспитать в человеке чувствительность к боли другого. |

**УЧИТЕЛЯ.
УЧЕНИКИ**

Людмила Воронова
- школьный библиотекарь, считает свою работу самой, самой, самой. Званий и наград не имеет и не жалеет. Ее награда - работа.

Библиотека.
Дети. Читатели. Люди. Мы и дети. Дети и мы.
Зайдем? Тем более, что библиотека в школе. Забегит пятиклассник Вася Никитков. Вздохнет: "Я жаворонок, но грустный".
- Почему? Грустный?
- Я же рано встаю. Но совсем не радуюсь.
Библиотекарь - Васе:
- Ты думаешь совы все радостные... Что ты! Ты же про биоритмы говоришь. А то темперамент. Судьба...
Вася садится "в кресло за шкафом" - место раздумий для всех грустных жаворонок и сов. Веселье по двору бегают и орут. И говорит мне:
- А еще много слов вы знаете... умных ("Действительно чего-то я? - удивилась библиотекарьша. - Терминами-то бросаюсь. Ему же одинадцать, Никиткову.")
И вид из окна в библиотеке самый лучший. (Пятый этаж. И воздух! Окно открыто.) Журнал "Педология" лежит на столе. Видите? Воздух... Окно... Вася... Легко дышится... Вася еще на него только смотрит, слегка листает... Картинки... Нравятся...
- Чудной говорит... Какой... Таких не видел... Журналов...
Придет давнишний друг-читатель Леша Олейников, ученик Лены Долматовой... Он уже не школьник, но моим читателем быть не перестал.
Горжусь!
Лена его учила до шестого класса. Русскому языку. Уже тогда не могла "преподавать" школьную литературу. И вот у Леша "классики на горохе стоят", а от Пушкина зубы сводит, как от кислого.
Видите, что получается, когда хорошие словесники перестают учить хорошей литературе хороших учеников. Я, библиотекарь, была бессильна преодолеть сей казус: в старших классах Леша "уходил в специальную математическую школу". Потом автоматически попал в технический вуз. Сейчас вот стараюсь, чтобы вошел он в Пушкина и в Толстого. С переменным успехом... Но он все же мой читатель! Так что я не теряю надежды.

А школе плевать, что лучшие из нее всегда уходят! У нас реформа, нам не до людей.

Леша принес, как всегда, кучу "эстетских книг". Все издательства "София" да "Амфора" - всякие Пауло Коэльо да Алессандро Барикко. Видишь, Лена! А вот "Войну и мир" Леша так и не прочел. (Ябедничаю!).
Придет с пакетом книг. Вытряхнет горкой перед моим носом:
- Людмила Евгеньевна, что вы такая грустная? Когда вы наконец восстановите свою целостность? (Философ-практик Леха).
- Грустная? Что-то с дочкой Женькой мы плохо понимаем друг друга.
И глядим на книги из пакета Лешиного, как на огонь.
- А ты, Леша, чего такой странный?
- Да вот из института ушел...С третьего курса.
- Ле-ша-а-а! - давлюсь я "дежурным для Леша бубликом".
- С ума со-шел?! (Пытаюсь заглотнуть бублик).
А мама?
- Матерячье (так и сказал!) сердце - страшное дело - с испугом произносит Леха.
- Я в Литературный институт поступать буду. Людмила Евгеньевна, у вас есть учебник русского языка? Чтобы все правила были?

Глаза на лбу - это не преувеличение..

Поэтому он по-мужски прагматично тут же "занимает" меня делом.
- А вы чайничек-то ставьте, чего сухой бублик жевать! - и откусывает бублик с другого бока.
("О! Так успокаивают животных и женщин", - пронзает меня фраза фантастов Дяченко. "Долина Совесть" - рекомендую!)
Леша садится в кресло, то же, что и Вася... Тянется к стопке журналов.
- А-А! Новая "Педология"! Нравится мне их дизайн! (Говорю же, эстет Леха!). И вообще - хороший журнал. Видел номера три.
- Возьму? Это надо дома... Понемножку... Вдумчиво - говорит мой старинный читатель.
Но мне же не терпится! И я говорю (хвастаюсь!):
- Вот, Леша, кстати, и твоя учительница русского языка - Лена Долматова. Почитай.

Чай поспел. Леха читает.

"Педологию", собственно, читают либо "продвинутые дети", как Леша. Либо "задвинутые" учителя, как Лена.
Лена Долматова, кстати, очень радовалась журналу. Ей очень помогла статья о детской агрессивности: "Я наконец поняла, почему они такие, эти "злые" дети", - сказала она.
Более того, один номер "Педологии" прочитал даже "высокий панк в классической черной бандане" с арбатским именем Лис... Сейчас он в тюрьме... Но успел сказать про журнал так: "Все правда, и морды бить не хочется". Мало почитал. Сел за драку.

Общая педагогическая масса не читает ничего.

Леша дочитывает "Маленькую девочку". Откусывает бублик.
- Ну как? - волнуюсь я. - Как текст?
Леха смотрит за окно. Открытое. Там качаются деревья, и наконец говорит:
- Это не текст, это дыхание теплое.
- Я вот боюсь младенцев и покойников, - удивляется Леша.
Моя горестная мысль: молодой ты мальчик, Леха. Не было своих. И покойников. И младенцев.
- Зря, - говорю я ему - Зря. Ты не представляешь, как улыбается 2-недельный младенец. Они же сильные! 2-недельные! Чего бояться их? И - за них!
Сидим. Кусаем бублик с разных сторон. Пьем чай, говорим. Он мне про маму. Я ему про дочку.
Одно общее - журнал "Педология/новый век", например, читаем. Два дурака: старый и малый.

Никто мне не объяснит моего ребенка так, как "посторонние" дети. А я, "посторонняя" мама - другую, родную маму, привычную, как диван.
Психологическая роль школьной библиотеки, где вместе взрослые и дети, как и в жизни. Читатель Леша переживает за маму (Институт бросил! У меня-то волосы дыбом.), а он говорит:
- Я с мамой не спорю. Я же понимаю. (Чего он, злодей, "понимает"?)
Я терплю. Не ругаюсь. Все время даже киваю, но ведь и я Лешу понимаю. Живо себя представила на экзамене по сопромату. Зачем? Жизнь одна. И институт ведь "выбрали" за Лешу родители.
И легкое все же недоумение мое:
- Я грустная - он заметил.
А ее, маму?
Леха дерганый. Я заметила. А она?
"Сюда", в библиотеку, в "разговорную зону" - шоколадку принес. (Покормил шоколадкой и ушел - так он это называет.) А маме?
Кому недоросль-сын приносил шоколадку? И вместе потом поедал за разговорами. Леша незаметно вырос, но в школьную библиотеку ходить не перестал. И не он один. Хотя по всем нашим "школьным" показателям "я позади Европы всей". Чего библиотекарь "делает", не ясно никому. Выгонят, наверное, скоро. Все к тому идет. Статус библиотекаря очень близок к статусу беженца, причем в России. Глупые разговоры разговаривает незнамо с кем да чай гоняет. Вот и все мои дела.
А беженец - потому что бесправен и бездомен. И всем чужой.
Впрочем, вернемся к детям. Слышу я и от собственной дочери:
- Mam! Я уже полчаса как встала, а ты все со мной не здороваешься. Все пишешь, пишешь.
- Прости, дочь. Я не заметила.
Они дети такие, только им лет меньше, и они за детей не боятся. У них - ни детей, ни работы, ни семьи своей. У них страхи страшнее нашего. До смешного: "У вас (взрослых) неприятности, так вам принято сочувствовать".
Как же:
- Начальник кричал! Перчатки потеряла!
У него (нее) - нашего ребенка - двойка и "обломная" любовь, а мы ему/ей:
- Лентяй, дура, рано!

Когда они успели вырасти? А я впасть в детство?
Вот и Леша будет учить меня. Невольно. Говорит:
- И вы с Женькой разберетесь. Вы же ее, видно, не поняли.
- А она меня понимает? Грубит! - сварливо бубню я.
- Да что вы девочнок, что ли, не знаете: дуется, дуется, а потом сама же и целует.
- Да? - изумляюсь я.
И вот "взрослые дети" мне объясняют простые вещи: надо здороваться. И нельзя, например, влюбленной девочке кричать: "Он же гад! Брось его! Думай об учебе!" А надо так.
Вот, например, моя Женя разговаривает с Олей Генераловой.
Женя старше Оли. И говорит ей так. Вернее, задает ей вопрос:
- А что ты будешь делать, если он вернется? Тебе это разве надо? Представь. Ну?
А я учусь. Совсем мы, "взрослые", обезумели. Себя забыли в свои 16 лет.
А с Женей мы, конечно же, помирились.
- Ну не хотелось мне, мам, разговаривать. И все. А ты все своё: "Почему ты такая? Что с тобой?" Ну-у-у. Я дверь и захлопнула свою.
- И без того кисло. А ты нудишь. Да нудишь.
Кто кого понимать должен? Мы, взрослее. Нам и водить! А им еще не время.
Но подростки дети пустили меня в свои разговоры. Я горжусь. И это мой орден желтого дятла. |

КНИГИ | *Сергей Иванов/Харуки Мураками/"Дети о.г.и."/ "Открытие"*

Иванов Сергей
1000 лет озарений.
 История вещей.
 - М.: Слово, 2002

ЧЕРТЕЖИ НЕ ГОРЯТ

Автор книги, известный византист, профессор МГУ Сергей Иванов, бестрепетно признался: колонки об истории изобретений для журнала "Итоги" (старого!) он стал писать от полного академического безденежья. По той же причине принял предложение издателя сделать из журнальных колонок книгу. Так "1000 лет озарений" вышли в свет.

Какими, однако, достойными способами принято решать финансовые проблемы у византинистов? На удивление. И всем академическим мизераблям в пример.

...8 мая 1790 года Национальная ассамблея революционной Франции постановила ввести новую систему мер вместо старой, феодальной (По пафосу - акция стороны грядущей русской идее взрыва буржуазных железных дорог и строительства новых, социалистических).

Предложение внес подающий надежды депутат Шарль Морис Талейран.

Единицей длины была патриотично объявлена одна десятимилионная расстояния от экватора до Северного полюса, измеренного по меридиану Парижа. Ученая комиссия в составе двенадцати академиков приступила к трудам, дабы перевести все существовавшие во Франции единицы измерения в новую систему.

Что потребовало, в частности, точного вычисления разницы в широте между Барселоной и Дюнкерком: несчастных ученых, проводящих эти измерения на местности, не раз арестовывали добрые патриоты по подозрению в шпионаже.

На будущей площади Согласия вовсю трудилась гильотина. Половина комиссии была осуждена Комитетом общественного спасения. Робеспьера сменил Директория. Голод, террор, а затем повальное казнокрадство верхов и дезертирство низов правила Францией, породив фразу "Народ подал в отставку".

Но ученая комиссия в отставку не подавала, а продолжала вычислять. Вероятно, домашним эти труды напоминали форму тихой мании...

В 1810-м, на двадцатом году работы, уцелевшие академики подали императору Наполеону новую десятичную систему мер. То был метр (та самая "одна десятимилионная расстояния от полюса до экватора", утвержденная санкюлотами). Грамм, литр etc. Эрудированный Бонапарт заметил: "Плоды завоеваний уходят - плод этой работы останется в веках!". И оказался на удивление прозорлив...

Вот сюжет главы "Метр", одной из ста коротких, изящных новелл книги. История XI-XX веков, история цивилизации "европейского", "фаустовского" человека изложена ясным и ярким языком - через калейдоскоп историй вещей. Нотный стан, компас, мыло, игральные карты, зеркало, штывы, газета, протез, пулемет, фарфор, шелковая машинка, колочная проволока, героин, эскиммо, телевидение, ксерокопирование, нейлон, компьютер, лазерный диск создали наш мир. Выплавка железа и цепочка ее хозяйственных следствий сделали Европу на тысячу лет "интеллектуальным полюсом человечества", как говаривал Шпенглер. Зеркало многократно успело (можно сказать, сфокусировало) психологизм и тягу к рефлексии в европейской культуре. Пишущая машинка оказалась сокрушительным механизмом эмансипации женщины, а химинотерия противозачаточных пилюль довершила дело. Трамвай и фабричные притероды немемысли друг без друга. Радио и колочная проволока создали тоталитарные режимы, ксерокс и компьютер аннулировали их.

Спирт появился как побочный продукт пытливого поиска алхимиков (кажется, в эпоху Крестовых походов его считали водой, стекающей с философского камня). Внутрь лихое зелье было впервые прописано в 1348 году, при отчаянных попытках европейских врачей побороть эпидемию чумы (выяснилось, что алхимическая жидкость не лечит от чумы, но спасает от страха и депрессии... и понеслось).

"Зародышевая клетка" телевизора изобретена в 1908 году в Петербурге профессором Борисом Розингом, что и было отмечено золотой медалью Русского технологического общества. Уеник Розинга, Зворыкин, в эмиграции довел дело до конца. Его помощником был инженер Григорий Оглоблинский, а менеджером, спасшим проект, - еще один эмигрант из России, Давид Сарнов. (Тут хочется вспомнить, что в США 1950-х сюжетом первой в мире цветной телепередачи был избран балет Балanchina со сценарфией другого почтенного американца, Михаила Баронова, бывшего офицера Добровольческой армии).

На историю телевизора весьма похожа история вертолета Сикорского...

Каждая из 100 коротких новелл держится на стальной пружинке культурологической притчи. Эта книга системна. В принципе она о том, как техническое творчество Абендланда породило новый тип личности. Греки и римляне лишь созерцание считали достойным занятием для свободного человека" (отчего шестеренки, тиски и даже термометры, изобретенные в античном мире, отнюдь не изменили лицо этого мира, а остались курьезами). "Нацеленность на внедрение новшеств, готовность перестроить жизнь в соответствии с открывшимися возможностями", "более деловитое" отношение к миру создали "новоевропейскую цивилизацию Запада". Поэзия изобретательства и инноваций, поэзия менеджмента и пиара, роль финансирования и прибыли перед лицом вечности - тоже темы книги. Особо любопытные для просвещенного русского читателя, еще недавно считавшего созерцание единственным достойным занятием свободного человека.

Но лейтмотив здесь - притча о двенадцати академиках, не заметивших ни Робеспьера, ни Бонапарта за разработкой десятиричной системы мер. Каждый километровой дорожный столб на хайвеях этой планеты - египетский обелиск им.

Книга (как почти все издания московского "Слова") отменно иллюстрирована. Последняя радость закодирована на последней странице: в отличие от прежних художественных воломолов "Слова", книга отпечатана не в Италии, а в "Первой образцовой типографии" г.Москвы.

И это - знак нашего возвращения в деловитое новоевропейское человечество. |

Мураками Харуки
Хроники заводной птицы.
 - М.: Независимая газета, 2002

СОЛОВЕЙ ИМПЕРАТОРА ЯПОНСКОГО

Это самая амбициозная попытка Мураками вместить всю Японию в рамки одной литературно-художественной конструкции", - писал "Washington Post Book Review" о романе 1994 года, только что переведенном на русский.

Характеристика очень точна. Двусмысленное слово "амбициозная" пляшет в строчке, как поплавок в волнах, бликует, настаивая на читателя. И правильно делает...

"Мне тридцать лет. Рост - 172 сантиметра, вес - 63 килограмма, короткая прическа. Очков не ношу. - Перечисляя, я подумал, что это вряд ли можно назвать отличительными признаками. В кафе отеля "Пасифик" на Синагаве может оказаться полсотни людей с такой внешностью. ...Конечно, нельзя сказать, что у меня нет никаких отличительных особенностей. ...Я сижу без работы, помню имена всех братьев Карамазовых. Однако на наружности это не отражается".

Герой "Пинбола-1973" был молодой-зеленый, как рекламная тишотка из супермаркета, легкий, как игровой шарик в трехфлипперном автомате "Ракета". Герой "Охоты на овец" и "Dance, dance, dance...", яростно выплесывая свой реив на площадях мегаполиса, под тихую дудочку из пещеры Человека-Овцы и синтезаторы поездов токийской надземки.

Они-то не боялись затеряться в кафе отеля "Пасифик" среди себе подобных, не носили галстуков в горшечке, не думали об отношениях с родственниками жены...

Но к 1994 году, к "Хроникам заводной птицы", постоянный персонаж Мураками стал абсолютно взрослым. Сменил лихой свист о сибирских подвигах товарища Троцкого на двухтомные гуманистические муки братьев Карамазовых. А острый, блестящий, как лезвие "Gilette", одноразовый подгизм хроникера глянцевого журналов - на смиренне горного отшельника-летописца, потомка своих предков.

К лицу ли ему эти разительные перемены - трудно сказать...

Его романы всегда выглядели продуманными, профессионально сконструированными - как магнитола в Тойоте". С драйвом завоевав рынок нашего воображения, обеспечив себе сотни тысяч преданных читателей, он остался конструктором прозы. И "Заводная птица" чем-то напоминает механического "Соловья императора японского" из сказки Андерсена.

Здесь так же трудолюбиво и профессионально, как раньше, Мураками позиционирует себя на книжном рынке, но в культурной вечности. По старым эпическим ноу-хау европейских гуманистов. Кажется, он сам этим ошеломлен...

Конструкция огромного романа сложна, но пребывает в равновесии. В индустриальном Токио, где шестнадцатилетняя девочка, дерзкая и прекрасная, как фея горных источников, подрабатывает подсчетом лысьх на Гиндзе для косметической фирмы (лысьм и плевшиным она представляется социологом) нет места ни летописцу, ни поэту, ни пророку. Три героя пытаются заменить его: преуспевающий политолог-телезвезда, безработный Рассказчик - почитатель братьев Карамазовых и случайно встреченный в окраинном кафе исполнитель баллад. Тексты он пишет сам. Вследствие чего живет в руинах квартала, назначенного под снос. Его коронный номер, лучшая его песня - треск и тихое шипение живой плоти. Не слишком веря в эмоции слушателей, певец держит руку над огнем, тем пробуждая публику в кафе и доводя ее до настоящего катарсиса.

Слово на это уже не способно. Но... не все ли равно? Исполнитель баллад мелькнет и исчезнет в перулках романа. Политолога настигнет паралич. Дерзкая девочка поймет работать на фабрику париков, и хорошо оплаченное восьмичасовое ручное инсталлирование волос внесет мир в душу японской феи...

А Рассказчик встретит лейтенанта Мамию - Человека-Овцу этого эпического, реалистического и даже исторического романа.

Восьмидесятилетний отставной лейтенант, изувеченный, а потом Халкин-Голе, оттрубивший в плену, в шахтах сибирского лагеря, двенадцать лет, а при Предковавшей историю в сельской школе под Хиросимой. - поразительно не похож на знакомых нам героев Мураками. Сотни страниц его рассказа о Халкин-Голе и лагере, о Борисе Живодре, любимце Бетти, о монгольском паскае, сдиравшем заживо кожу с пленных, и о дочерях "русских белых", подававшихца шанхайских харчевен 1930-х годов, - созданы по законам романа XIX века. Его мужественное смирение подвигло бы князя Л.Н.Мышкина заглянуть лейтенанту в глаза и сказать с непосредственностью, присущей князю: "А знаете? Я думаю, что вы очень хороший человек! Да, да!". Рассказчик Мураками - того же мнения.

Однако нежное почтение к однокласснику старику и его письмам "кистью, на старой рисовой бумаге, великолепным легким почерком образованного и воспитанного человека" не открывает новых измерений в жизни кафе отеля "Пасифик" и социологов-терминологов, подрабатывающих на Гиндзе. Опыт Мамии, если пользоваться терминологией Человека-Овцы, - вынесен в новый мир из пещеры, где хранится все подлинное. Но - не подключен к этому новому миру...

Возможно, именно поэтому - у "Хроник заводной птицы" нет развязки. Самое сильное "послевкусие" романа - мысль о том, что и поколение пролетариев глянцевого информационной цивилизации когда-нибудь повзрослеет. Утратит драйв, усмешку и циничную точность ориентировок и диагнозов. Попытается понять времена, предшествовавшие Общему Благодействию, но...

Еще одно "но": в России эта стадия явно наступит лет через десять-двадцать.

Когда сверстников и солагерников лейтенанта Мамии уже не будет на свете. |

"Дети О.Г.И."
Книжки на вырост.
 - М.: О.Г.И., 2002

ЧИСТОПРУДНЫЕ НГНАСАНЫ

Имя новой издательской серии "Дети О.Г.И." - емкое определение. Потенциальному читателю "книжек на вырост" - от 8 до 13 лет. В ампирно-"икейных", чистопрудных и замоскворецких книжных скворсниках пока появились четыре легких, сдержанно-ярких томика с крупным шрифтом, с многочисленными и совсем недурными черно-белыми иллюстрациями.

Книга Кристины Нестлингер, лауреата премии Г.Х.Андерсена, "Долой огуречного короля!" выходила у нас в конце 1970-х. Ну-с... с тех пор в России появились новые дети. Герои Нестлингер, венские гимназисты Вольфганг и Мартина, их деловитость, их ирония, их скептическое отношение к отцу, помешанному на желании хоть чуть-чуть да преуспеть и продвинуться в своей фирме средней руки, - теперешним тинэйджерам стали даже ближе и понятней.

А московские окраинные овраги и кварталы "спальной застройки" с 1980-х изменились мало. Полузабятая повесть Константина Сергенько "До свидания, овраг" (она о бездомных собаках - Гордом, Головастом, Хрюмом, Черном и Бышейе Таксе, единственной даме с прошлым в их компании) осталась и современной, и человечной. Вправе что - чуть сладковат ее текст...

Первые на русском в "О.Г.И." изданы сказка Андре Моруа "Толстопузы и дольговязы" (1930) и повесть Ульфа Старка "Чудаки и зануды". (Старк, лауреат Андерсеновского диплома 2000 г., известен и любим в современной Швейцрии.)

Сказка Моруа так же добротна, как все тексты беллетристи. В парке Фонтенбло склад Бинокль, известная каждому парижскому ребенку - потому что всех парижских детей по воскресеньям папы водят гулять в парк Фонтенбло, да-да... Под скалой таинственная ветка метро уходит в полость земли, где живут, ожесточенно борясь друг с другом, два народа.

Дольговязы - трудоголики и аскеты, пунктуальные до свирепости. Они никогда не тратят времени на развлечения, клеймят вкус к комфорту и в лимузинах ездят стоя. "Незлые, но завистливые и самолюбивые", они отравляют себе жизнь вечным состязанием и скрупулезным подсчетом траг.

Добродушные Толстопузы, их соседи, едят по сто раз в день. И меньше, чем на полчаса, куда никогда не опаздывают. Даже раскормленные ласточки там летают с трудом - зато все всегда добродушно, учтивы и невозмутимы.

Энергичные парижские мальчишки Тьерри и Эйдмон примиряют народы. За братством идет стремительная интеграция. Мораль незатейлива, но зато душевно описаны парадоксы, поезда, дирижабли, семафоры и портовые пушки...

Повесть Ульфа Старка много талантливой и печальной. С семьями из Стокгольма нас всех знакомят Линдгрен, внушившая человечеству ну о-очень благоприятное мнение о плюшках, взбитых сливках, тефтеляхка, именных свечках и ангельском терпении мамы Мальша. Но... прошли полвека. Завязка сюжета "Чудаков и зануд" кажется прямой и грустной пародией на "Карлсона".

Версия книги Симона утом возится на кухне с тортом. Покрыв коржи традиционными горбытыми сливками, воткнув - за неимением свечек - елочные бенгальские огни и пыльный пластмассовый цветок, она входит в комнату. Мама спит, укрывшись шубой. Пахнет духами и табаком. Блестят лайковые чулки с драной пяткой. Ночью мама придумает: срочно рисовала "слащавую, кокетливого ангела в райских куцах из марципана" для дамского журнала.

- Happy birthday to me! Happy birthday to me! - безнадменно блажит Симона.

Мама просыпается с трудом, ахает, просит прощения, прижимает дочь к груди и возмущает: "В эти мы должны держаться друг за друга, деточка!"

Симона кивает... В жизни утом повесть исполнилось двенадцать лет.

Старк быстро заставляет читателя вспомнить новейшую школьную скороговорку "Петя ушел на митинг, а Митя ушел на пестинг". Страсти стокгольмских двенадцатилетних школьников 1990-х, пытливе взаимоследование, вечеринки с чипсами, красным светом и уханьем группы "Banshees" - очень отличны от дружбы Мальша с Кристером и Гуниллой.

"Может, вечная любовь уже умерла, ведь вымерли же мамонты, исчезли газовые фонари и граммофоны", - думает Симона. Но дед, старый виолончелист с причудами, шелковое платье покойной бабушки, заброшенный фамильный дом на острове в Стокгольмских шхерах (с укоризненным скрипом красного дерева, пыльной супницей, запущенным садом) играют в ее жизни спасительную роль. Только дед и пес Хидрой умеют пристыдить и приласкать замкнутую и нервную девочку в доспехах кариомера, примирить ее с матерью, отчимом, недалеко учительницей, собственной жесткостью.

Но дед умирает. Дверь в эпоху мамонтов и газовых фонарей закрыта...

Проект "Дети О.Г.И." симпатичен стремлением вернуть два хорошо забытых нами в 1990-х жанра: качественную, тонкую проблемную, полную деталей "прозу о сверстниках" - и тонкую, полную деталей книжную графику.

Стремление это кажется отнюдь не праздным. И не эстетским.

Страсть маленьких детей к пуговицам, бусинам, мелким деталям "Лего" сродни страсти собак к свежей траве: моторика возни с "мелочами" развивает и пальцы, и интеллект. В ней - залог возможности восполнять тонкую, зрелую работу в будущем. Даже одаренность народов Юго-Восточной Азии "к электронике" этнографы выводят из младенческого умения есть палочками.

"Белой расой" эпохи комикса, триллера и фаст-фуда этнографы не занимаются. Жаль: нашли бы связь между тонкостью, детализацией прочитанного в детстве - и зрелой способностью мыслить, сравнивать и принимать решения. Выбор между "Бешеными бабками" и энциклопедией в картинках очень огрубляет моторику сознания. А одомашненная птица интеллекта несла, по сути, все "золотые яйца" техногенной цивилизации. Резать ее, бездумно "поколение пользователей", крайне глупо. (Особенно в России, где поколения бестаящих пользователей появляются очень нескорю).

"Вымывание" из круга чтения "некоммерческой" проблемной прозы о детях-сверстниках - часть процесса радостного оглушения.

При этом, однако, попытка "Детской литературы" в 1990-х создать серию "книг о сверстниках новых времен" провалилась с треском. Читать беспомощные ламентации было вистину невозможно... Но и повесть-сказка Людмилы Петрушевской "Маленькая волшебница", с блестящим отразившая типаж, напасти и одичалый язык эпохи шоквой терапии и первых телешоу, отнюдь не стала "народным чтением". И ее "Душка и гадкий Утеноч", тончайшей работы грязно-стеклянные зеркала Москвы конца 1990-х, притча о молодых улетях с Патриарших прудов, готовых идти на гибель ради белой булки, осталась в Патчиной комнате как "авторской прозы". (См. в кн.: Л.Петрушевская Счастливые кошки. - М.: Вагриус, 2002. Десять страниц полного читательского счастья. Тираж - 7 000 экз.)

Ролан Антонович Бьков в свои последние годы говорил о продолжении "Чучела" с такой завязкой: взрослая Лена приезжает в 1990-х в тот же городок преподавать в гимназии... Кажется, у Владимира Железникова был эскиз сценария. Но и проект "Чучело-2000" не был осуществлен.

...Вот и проект "Дети О.Г.И." по совести сказать, задевает воображение полной беспомощностью идеи - и полной ее беспомощностью.

Текстов - отечественных давних и переводных недавних - можно было б найти на целую "Золотую библиотеку". Эти тома "намыли" бы плодотворную почву для новых российских "Романов воспитантеку". И...

Но мешает одна строка в выходных данных серии. При скромнейшей цене в 40 рублей: "Тираж 5 000 экз. Первый завод - 1000 экз.". Видимо, примерно столько "детей О.Г.И." издатели предполагают найти в столице нашей Родины.

Проект "Дети О.Г.И." поражает двумя, вроде бы взаимоисключающими чертами: безупречностью замысла и его беспомощностью. |

Кормье Жан
Че Гевара: ступица революции.
 - М.: Астрель, 2001

ФРАНЦУЗСКИЕ ОТКРЫТИЯ

Легендарное парижское издательство Gallimard нашло партнеров в России много позже, чем Coca-Cola и Nestle. Тем не менее - случилось. Московским партнером Антуана Галлимара стал концерн "А.С.Т.". Здесь теперь выходит русская версия серии Галлимаровских научно-популярных работ Decouvert - "Открытие".

Серия Decouvert существует двенадцать лет и успела выпустить свыше четырехсот pocketбуков. Истории революций и войн, крестовых походов, архитектурных стилей, графа Дракулы и ювелирного дела в Византии, судьбы художников и ученых. "Язык знаков и символов" и "История красоты", "Сады мира", Магомет и Че Гевара - темы этих книг. Тиражи томов во французском мире - от 35 до 100 тыс. экз. По мере развития серии Gallimard находил издатель-партнера в других странах, и сейчас существуют английский, испанский, японский, китайский Decouvert.

Теперь и русский. "А.С.Т." определил начальные тиражи книжек в 7 000 экз.. В 2002 году концерн выпускает в свет сорок книжек в русском переводе. Оригинал-макет полиграфический (в каждом томике Decouvert не менее 150 иллюстраций), галлиграфическое качество соответствует ему. В каждом томике - многоязычная библиография вопроса (двадцать-тридцать основных монографий по теме), указатель имен, раздел документов и источников. Русский аналог примерно в четыре раза дешевле французского издания (там каждая книжка стоит 12 евро).

"25 ноября 1956 года, в час тридцать утра, туманной ночью, восемьдесят два человека вступили на борт яхты "Гранма". Это было старое деревянное судно длиной 32,25 и шириной 4,79 метра, рассчитанное лишь на двадцать пять человек. Приехавшие из Мехико, Верacruzа, Халапы и Виктории люди Фиделя... добрались до Туксанана, маленького порта к югу от Тампико на берегу Мексиканского залива. ...Дождь и туман позволили повстанцам избежать встречи с мексиканскими военными кораблями..." Журналист газеты "Паризьен" Жан Кормье, автор книги "Че Гевара", шесть лет занимался судьбой команданте, а в 1987 г. вместе с Пьером Ришаром снял документальный фильм "Расскажите мне про Че". И традиция высокопрофессиональной, лаконичной и элегантной научно-популярной литературы родилась во Франции не вчера.

Томики информативны (их пишут и люди академического круга: так, Ксавье Жирар, автор книги "Матисс" - профессор университета Ниццы, организатор международных выставок, редактор искусствоведческого альманаха "Тетради Анри Матисса") и отличаются отстраненной учтливой человечностью просвещенного европейца, если автор книги "Че Гевара" и носил в студенчестве тишотку с портретом своего героя, читатель об этом не узнает и лишь догадывается. Сложнейший образ Дон Кихота кубинской революции, одержавшего сокрушительную победу в джунглях Сыerra-Маэстра и потерпевшего полное поражение в роли "Госплана" демократической Гаваны складывается из мозаики деталей и цитат. Здесь и письма юного Эрнесто к родителям из лепрозория в верховьях Амазонки. И на прощание прокаженные устроили нам небезыкий концерт. У аккордеониста на правой руке не было пальцев, вместо них он перебрал к костям бамбуковые палочки и так играл. Один из певцов был слеп, а его лицо постоянно сводилось страшными гримасами. И все это при свете фонарей". И речь команданте Че к собравшим кубинцам после поездки в Японию, и встречи с главами корпораций "Сони" и "Тойота": он убеждает народ, что Куба и Япония очень похожи - островным положением и отсутствием сырья. Теперь молодой читатель следует напрячь мозг. И сходство станет полным. Делать выводы автор предоставляет читателю. И текст побуждает к выводам (у "А.С.Т.", кстати, в работе находится томик "Революция 1917 года").

"Мы много думаем о книге как о вещи. Наше ремесло - делать хорошие книги. Точнее, делать хорошие книги, которые можно продать" - сказала на московской презентации Элизабет де Фарси, создатель и куратор серии Decouvert. Книги эти рассчитаны на широкого читателя. Они и являются в Европе достоянием широкого читателя. Но уровнем, архивными иллюстрациями, репродукциями, собранными по музеям всего света, многоязычной библиографией, плотностью фактов и имен задают очень приличный уровень этого самого читателя.

И в этом, кажется, главная прелесть серии "Открытие". Тем более что на московских лотках она будет конкурировать не только с Доценко и Даниэлой Стил, но и со сборниками сканвордов в узнаваемой голубой обложке. Эти сборники нынешней зимой начал с горя выпускать журнал "Новый мир"... |

/ елена дьякова

МАЛЕНЬКИЕ ЗИМНИЕ СКАЗКИ | *путь русло*

КТО – КТО...?

В парке за дощатым забором, рядом с сараем, где хранились лопаты, мётлы и грабли, возле мастерской, где делали скрапейки и плавушки будки для уток, между дворами и тремя тракторами, стоял домик. Дерево нависало над домом, толстый его сук спускался к самой крыше, возле чердачного окошка. Зимой было заносило снегом, и с парковой тропинки заметить его можно было только по запаху печного дыма, поднимавшегося из трубы. Дым шел из трубы, потому что топилась печка, а печку топил старик. Старик был сторожем и в этом домике жил. Еще на зиму в дом перебиралась Белка. Она приходила, перепрыгивая с дерева на дерево и минуя забор, по ветке прибегала на крышу, а потом на чердак. На чердаке она и жила. Белка была хозяйственная и даже с лета запасала несметное количество орехов. Орехи белке ещѣ ела на рынке на окраине парка, возле метро. Она захпывала орехи за щеки и бежала на чердак прятать их. Зимой каждое утро Старик находил около двери на крыльце бумажный пакет с пустыми ореховыми скорлупками. Ими он растаплавил печку.

Еще в доме жил Кот. И Собака. Кот умел урчать и точить лапы об дверные косяки. А Собака умела оглушительно лаять (когда злилась) и сметать со стола хлестом предметы (когда чему-нибудь радовалась). Под застрехой было гнездо диких ос. Осы жужжали летом и не жужжали зимой. Что они делали зимой, непонятно.

Домик Зяблика находился с противоположной стороны крыши, и к себе он никогда никого не приглашал. Зяблик пел песню, всегда одну и ту же. Но песня Зяблика никого не утомляла.

У Старика иногда гостила внучка Алианора. Когда маленькая Алианора в длинном красном бархатном платье и меховых сапогах, с рассыпавшимся по плечам черными кудрями и мерцающими карими глазами появлялась у Старика, она начинала ныть: «Сядь со мной, быстро выкрикивая:

– Дед, а что у тебя здесь лежит?

– А зачем в книжке фантик?

– Достань со шкафа фарфорового коня!

Она рассыпала по столу старые пуговицы, хранившиеся в банке. Доставала молоток и отвертки, играла с Котом в догонялки и Собакой в прятки, листала атласы по астронавигации, пальцем рисовала на замершем окне стекло жуткого вида зверей и уже через несколько минут устраивала такой беспорядок, что Старик только кричал. Но он очень любил эти шалости, любил рассматривать ненужные пуговицы, показывая Алианоре, как игрушечным слонам переправиться через реку и как в настоящей печке приготавливать картошку. Еще они ходили вместе с Собакой кататься на санках с горки, подпевали Зяблику и с третьей попытки забрасывали Белке в окно кедровую шишку с орешками внутри.

Но гости приходили не только к Старику. К Белке на чердак нет-нет да и заглядывал кто-нибудь. Приходили Мыши, их Старик узнавал по тоненькому писку, похожему на тихий свист, и по суетливому шуршанию. Прилетали Синицы, они кричали "цвинь-цвинь", долбили что-то носами и изредка теряли красивые перышки.

В такие дни Белку можно было увидеть в чердачном окне с хвостом, усыпанным блестками. Вид при этом она имела безмятежный и рассеянный.

Однажды, когда в гостях у Старика была Алианора, он вечером покормил её ужином, умыл, уложил спать и перед сном рассказал сказку. А сам сел читать вечернюю газету. Газета была интересной, в ней была статья про медведя, который не уснул на зиму, как все медведи, а отправился бродить. Писали, что медведь этот появился откуда-то из-под Нового Иерусалима из истринских лесов. Выпрашивал еду в цыганском таборе около Опакших. Потом его видели катающимся на коньках на пруду в Покровском-Стрешеве. И, наконец, среди рыбаков на канале.

Некоторые рыбаки принимали его за своего, думая, что это у него такой тулуп и шапочка.

Прочитав газету, Старик тоже отправился спать. Ему пришлось, что к Белке на чердак пришли гости и толпают по толку ногими. Утром доски потолка и вправду оказались прогнутыми и из щелей насыпался всякий мусор. По всему было видно, что не обрушились они только чудом.

Старик вышел на крыльцо. Рядом с обычным пакетиком со скорлупками для растопки стояла пустая банка из-под меда. А на суку дерева, что нависал над самой крышей, кора в нескольких местах была содрана чьими-то когтями. Старик задумался.

– Белочка! – позвал он, тихонько постучивая пальцами по стене дома. Белка появилась в чердачном окне, глаза её были туманны и счастливы.

– Привет, Белочка, – сказал Старик, отламывая сосульку с козырька над крыльцом, – мы с внучкой сейчас завтракать сядем, приходи к нам. Какао поьем, поедим булочек с вареньем... Заодно я вам с Алианорой книжку покажу.

– Какую? – спросила обрадованная Белка.

– Называется "Терем-теремок", это очень-очень старая книжка.

– А она интересная? – гордая от любопытства, спросила Белка, которой книжек никто никогда не читал.

– Эта книжка интересная и очень полезная.

ВЕЧЕРОМ, В СЕРЕДИНЕ ЗИМЫ

Котенок родился в сентябре и теперь, зимой, жил в большом подвале один. Дом стоял высоко на косогоре, и даже из подвального окна можно было разглядеть крыши занесенных снегом гаражей, двор, дорожку, ведущую к магазину. В прогалине между забором и покосившимся бледно-желтым особняком видна была замерзшая Яуза, парялет набережной, покрытый инеем, и на противоположном берегу деревья Лефортовского парка. Котенку иногда даже казалось, что он видит купола церкви Петра и Павла, надтреснутый звук колоколов которой был ему хорошо знаком.

Зима измучила Котенка. Холод и голод: этот сведенный живот и вечно мерзнущие лапы. И голод, и мороз уже не пугали его. Они просто надоели, как перестает пугать и надоедает слешком часто повторяющийся страшный сон. Дома, у Котенка в подвале, конечно, было тепло, там проходили горячие трубы, но ему всё равно приходилось час за часом бродить по улицам в надежде найти какую-нибудь еду. А какую еду найдешь в городе зимой под снегом?

Ледяной ветер с реки громыхал мерзлым бельем на веревках во дворе у гаражей и навевал мысли о том, что, если не произойдет чуда, жизнь прекратится. Котенок жал чуда. Ничего другого он ждать не мог. Котенку представлялось очень красочно и в мельчайших деталях, что утром он выходит из подвала и видит прогуливающую по тропинке в магазин мышь. И мышь эта величиной со слона. Мышь замечает его, пугается, бросается наутек, но застревает между стеной особняка и забором. Котенок геройски борется с огромной мясной мышью и наконец могучим ударом лапы оглушает её. Потом тащит мышь в подвал, коптит на костре, и нежнейшая мышьяная ветчина тает у него на языке... Но дни проходили за днями, а, кроме старой картошки, замершей до твердости дерева, да хлебных корок, ничего найти, конечно, не удавалось.

Однажды днем Котенок увидел человека с лопатой, разгребавшего снег. Это был Дворник. Дворник воткнул лопату в сугроб, снял варежки, вынул что-то из кармана оранжевого жилета, развернул шуршащую фольгу и стал ЕСТЬ. Котенок с невероятной быстротой оказался у ног Дворника и замер, глядя на бутерброд с колбасой. Котенок съел лопату на колбасу. Он не мог думать о чем, кроме этой колбасы, но всё же почувствовал, что Дворник глядит на него почти с таким же вниманием, как он сам на его бутерброд. Нет! Дворник не хотел его съест! Но во взгляде Дворника обнаружилась сначала задумчивая грусть, долгая печаль, а потом появилась маленькая-маленькая надежда...

Дворник смотрел внимательно, но видел не маленького голодного полосатого котенка, а что-то удивительное, таинственное и прекрасное... и в этот момент Котенок получил всю бутербродную колбасу, а Дворник рассеянно доел оставшийся хлеб.

С этого дня жизнь переменилась, Котенок без труда по шарканью и скрежету лопаты находил Дворника, подбегал, терся у его ног, мешал работать и, конечно, получал свою колбасу. А сам Дворник принимался расчищать снег во дворе. В том месте, где не ходили люди и не ездили машины. Там, где в расчищен снега не было никакого смысла. Он ежедневно терпеливо разгребал сугробы, выравнивая и расширяя длинную гладкую площадку среди двора. По краям Дворник набросал такие высокие кучи снега, что дети стали кататься с них на санках и картонках. Дворник кормил Котенка колбасой, разравнивал маленькие неровности на широкой и длинной снежной полосе и говорил:

– Ну, Кот, теперь надо дожидаться ясного вечернего неба, и они появятся.

Котенок ничего не понимал в этих разговорах, но тоже стал дожидаться ясного вечернего неба. А снег валил и валил. Он падал хлопьями, густо и медленно, или мелкими колочими иголками, часто и суетливо. Снег шел с неба, а Дворник разравнивал и расчищал его на земле, ожидая чего-то непонятного.

И вот однажды снег прекратился, звезды высыпали на синем вечернем небе. Дворник в чем-то черном появился во дворе, расставил по обемм сторонам вдоль гладкой полосы фарфоровые плоски и зажег в них бледные трепещущие огни. Он отошел в сторону и закрыл глаза. Котенок понял, что сейчас должно случиться то, чего Дворник так долго ждал. Котенку представилось стадо огромных питательных мышей, мышиные корока и сосиски, паштет, бекон, котлетки и тефтели. Он представил, как они с Дворником ловко хватают толстых мышей... Тут звезды чуть-чуть заморгали, раздался легкий свист, и, скользя мягкими фетровыми валенками по ровному снегу, во дворе появилась девushка удивительной красоты, в длинной шубе, с ожерельем на ше и тонким сияющим мечом за поясом. Следом за ней на ящике из-под мандаринов прилетела кошка. Она была самой прекрасной кошкой на свете, она была сильная, величава и благородна, мех её светился голубым пламенем в свете звезд и фонарей, а глаза были добры и зелены. Кошка закончила свой полет на ящике, вышла из него оранжевый мандарин и протянула своей хозяйке, после чего подняла хвост трубой и удалилась. Котенок видел, как она пересекла дорожку, сгорела за углом, потом на мягких лапах перешла по приямку вербатого моста на другой берег реки и исчезла из виду среди вековых дубов и лип Неметцкой Слободы. Девushка с мечом и Дворник о чем-то весело поболтали, они очистили мандарин и съели его.

– Котенок, – прокричала девushка, смеясь, – лови! – она прицелилась и, сжав между пальцами, выстрелила в него мандариновой косточкой. Косточка упала прямо у него перед ногами. Дворник и девushка помахали Котенку на прощание, Дворник сказал: "Спасибо", – и они тоже ушли.

Котенок подобрал мандариновую косточку и посадил у себя в горьеле в цветочный горшок. Он поливал ее водой изо льда, растопленного на горячей трубе. И очень скоро из земли появилась зеленый росток с листьями и веточками. Котенок смотрел на него и понимал, что весь мир переменился. Что среди зимы у него есть живое дерево, что у него есть друг, спасший его от беды, и которому он сам тоже чем-то помог. И самое главное, теперь он знал, что где-то есть волшебная удивительная кошка, которая ходит, мягко ступая меховыми лапами по снегу, самая прекрасная и таинственная кошка в мире.

Стало теплее, мальчишки во дворе играли в хоккей, гуляя шайбой по мандариновому ящику, люди тащили елки, мир стал уютнее и лучше. В таком мире можно было жить даже зимой, если у тебя есть знакомый Дворник, если ты видел смеющуюся девushку, если ты знаешь, что чудесная кошка уже прилетела на мандариновом ящике, и если у тебя дома растет маленькое зеленое дерево.

ДОБРЫЙ ДОКТОР

К.О. БРИН И СТРАШНЫЙ ЦАРЬ ИОАНН

Добрый доктор К.О.Брин очень много знал, и поэтому его называли доктором. А врачом он не был. Врачей называют докторами, наверное, тоже потому, что они много знают.

Добрый доктор К.О.Брин занимался историей. В маленьком кирпичном домике на краю города он рассказывал студентам про времена Страшного царя Иоанна и про самозванца Иоанна. Домик этот располагался так далеко, что добраться до него было непросто. Но доктор К.О.Брин не растерялся и ездил туда на зеленом поезде, читая по дороге книжки. Никто вела от станции дождража. Если бы не эта дорожка, найти бы дом было очень сложно среди высоких сосен. Весной возле дома цвела голубая сирень, а осенью оранжевые сосновые ветлы и темные кирпичные стены зарастали диким виноградом с кислыми ягодами.

Доктор К.О.Брин рассказывал студентам про злого царя Иоанна и всё время потешался над ним. Потому что действительно смешно, когда человек сам про себя говорит "СЕ АЗ, ВЕЛИКИЙ КНЯЗ", и при этом не умеет говорить "БЫЛ" или "НЕ БЫЛ", а говорит "БЯШЕ" или "НЕ БЯШЕ".Еще доктор К.О.Брин рассказывал, что у Страшного царя как-то раз от злости, вылезли волосы на голове, и он стал лысым. Доктор смеялся и от смеха так встрихивал головой, что очки перелетали через аудиторию, и студенты их ловили.

Надо сказать, что всё это очень не нравилось самому Страшному царю Иоанну, сидевшему на полке в книжке с баранками. Конечно, царю не нравилось, когда доктор К.О.Брин в белоснежной сорочке, темном костюме с аккуратной седой бородкой и в очках в красивой оправе, рассказывал про него, каким он был на самом деле. И царю не нравилось, что в перерыве между лекциями доктор отправлялся обедать в столовую, пить пиво и балагурить со студентами. А сам Страшный царь Иоанн, с вылезшими от злости волосами и вытаранными глазами, в одежде, расшитой драгоценными камнями размером с кулак, такими тяжелыми, что трудно шевельнуться, сидел сплосщенный в старой книжке. И злился. Злился на доктора. А Страшный царь Иоанн когда-то разрушил свою собственную страну и воевал со всеми соседями и перебил столько людей, что под старость сбился со счета. Вот каким он был страшным! А доктор К.О.Брин его не боялся.

Как-то раз доктор засиделся за книгами. Стемнело, в маленьком старом кирпичном доме под соснами никого уже не осталось, только доктор сидел и читал, и на столе его горела лампа. Доктор К.О.Брин достал с полки ту самую книгу, раскрыл, и тут же от цветной картинки отклеился Страшный царь Иоанн, оставив некрасивую дыру на странице. Он запрыгал по столу и закричал как можно страшнее:

– Се аз! Великий князь! БЯШЕ!

Доктор К.О.Брин, конечно, услышав такое, очень развеселился и начал смеяться, встряхивая головой от удовольствия, и очки соскочили у него с носа. Но и очень скоро он прекрасно поймал двумя пальцами Страшного Иоанна, взял банку клея и кисточкой аккуратно намазал Иоанна с изнанки. Потом доктор К.О.Брин не спеша проверил, где верх, где низ, и приклеил Страшного Иоанна на то место в книге, откуда тот выскочил. Доктор исторических наук расправил складочки на Страшном Иоанне и промокнул его чистым листом бумаги. И потом погрозил ему пальцем и сказал:

– Бяше, не бяше, а библиотечные книжки портить нельзя!

Доктор К.О.Брин подобрал свои очки, потушил лампу, по дорожке среди сирени и сосен дошел до станции и поехал домой на зеленом вечернем поезде. Он тихо сидел в вагоне у окошка, а когда вспоминал, что с ним произошло, смеялся в усы и потряхивал седой головой.

МУЗЫКА СНЕГОПАДА

В музыкальной школе на углу Мерзляковского и Медвежьего переулка, что возле Никитских ворот, на парте в пустом классе после уроков сидел Федя и смотрел в окно. Шел снег. Снежинки медленно падали, наполняя весь мир тишиной. Но в тишине чувствовалась музыка. "Сейчас я это дело сыграю", – подумал Федя, достал деревянную блок-флейту и набрал побольше воздуха.

Он представил, что окно раздвинуло нотными линейками. Дело было сделано: теперь, когда снежинка подлетала к раме, Федя определял, на какой линейке она находится, и дудел.

– Ду-ду, ля-ля, п-и-и! Пу! Пи-пи, бу-бу-бу, – очень внимательно выдувал он, – бе-бе, тра-та-та, пу-пу.

Нянечка тетя Поля, мывшая коридор, отворила дверь и спросила участливо:

– Феденька, ты хорошо себя чувствуешь? Уж очень странно ты играешь.

– Я играю "Музыку Снегопада", – проворчал Федя.

– Вот, – сказала нянечка, – оставляю тебе свое стоее будет. Отбарабань на нем африканский танец и ступай домой. Будет лучше. А это, – она указала шваброй на Федину флейту, – не "Музыка Снегопада", а КАКАОНИЯ! – она закрыла дверь и ушла.

Федя был умный мальчик и не обиделся на тетю Полю, он и сам понимал, что со снежинками что-то не так. Музыка есть, но поймав ее нотными линейками не удается.

Федя представил, как снег идет над площадью у Никитских ворот: – Трум-пум-пум.

Как в стеклянной будке над площадью сидит милиционер – милиционер в стакане?!

– Трам-пам-пам.

И если ложечкой:

– Дринь-дринь-дзынь.

Постучать по стеклянной, горячей, сладкой, чайной глубине стакана:

– Динь-динь-динь.

– То оттуда выбегит милиционер, взвезя по лестнице сапогами:

– Трам-пара-рам-бряк-бряк!

Федя играл на флейте и отбивал такт ногой на перевернутом ведре.

На ветке дерева:

– Пом-пом-пом-пом.

Ворона:

– Пум-пум-пум-пум.

Замечает собаку на поводке:

– Пам-пам-пам-пам.

И летит её дрязнить:

– Вжик-тара-пиз-пам-пам!

Собака срывается с поводка:

– Бум-бум, пымс!

И несется за вороной к Малой Бронной:

– Трум-трум-трум-гав!

Удивительная дама:

– Тра-ля-ляшечки, ля-ляшки.

В норковой шубе:

– Три-татушки, три-та-ташки.

Наблюдает эту сцену:

– Ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля.

Не замечает:

– Чик-чирик, чирик-чирок.

Как клубничное мороженое:

– Ням-пурум-пурум, пум-пим!

Капает на норковую шубу:

– Шлеп!

Оттпель, снег кружится, клубничное мороженое капает, человек несет елку с базара, в церквушке Александры Василича вдрут: – Рождество твое, Христе Боже наш!

Хор взмывает вверх, снежинки замирают. С крыши магазина "Ткани" отламывается сосулька. В безмолвии – два, три, четыре, – четыре такта сосулька падает, на крышу "Ремонта обуви":

– Трам-там-там-там!

– Трум-тум-тум-тум!

– Брум-бум-бум-бум!

– Бах!

– Бум-буру-рум-бум-бум! – удивляется ассирийский чистильщик обуви, высовываясь наружу.

– А хорошо, – сказал голос Франца Ивановича, – неплохо. Позвольте, молодой человек, присоединиться.

Франц Иванович вошел в класс, сел за фортепиано. Федя (ведро, блок-флейта), Франц Иванович (фортепиано) играли теперь вместе: милиционера в стакане, сбегавшего по ступенькам, вонюче. Крышка засвистела, она пронеслась у рыжего пса-обормота перед самым носом, пес рванул, скользя лапами и балансируя хвостом. Мороженое сливочно-клубничной каплей сияло на неверной шубе. Басом: Рождество твое... – басом! Священник вскидывает руки, крамальная сорочка, бриллиантовая запонка всхлиывает гудки, взлетает... серое небо распаивается, луч солнца, сосулька! Глаза Франца Ивановича горят, он держит четыре такта. Всѣ! Выход ассирийца:

– Бум-буру-рум-бум-бум! – и Федькина флейта рассыпает опоследок солнечных зайчиков из сладкого стакана милиционера. – Напсично! Bravo! – говорит Франц Иванович.

Федя и сам понимает, что хорошо. Франц Иванович всё так здорово понял, взял на две октавы выше, облака хором пробил! Небо, солнце!

– Вот только здесь, – говорит Франц Иванович и играет:

– Трам-там-там-там!

– Трум-тум-тум-тум!... – в том месте, где она выходит на край сцены в коричневом платье и черном фартуке:

– Брум-бум-бум-бум, – становится на самом краю, раскачиваясь с пятки на носок, читает:

– Юный маг в пурпуровом хитоне Говорил нездешние слова... – потом она смотрит пристально, в упор. Сердце у тебя забывается и падает в бездну. В этом месте нужны кларнет и альт. Будет просто прекрасно.

– Спасибо, коллега, – сказал Франц Иванович, пожал Феде руку и откланялся.

"Как хорошо понимает музыку Франц Иванович, – думал Федя, переходя Никитскую, по дороге домой. Но откуда он взял какую-то "её" в черном фартуке? И что за "юный маг"? Эдак просто сосулька падает! Никаких губностей. Снег, сосулька и всё!" Дверь киоска "Ремонта обуви" отворилась. Молодой ассириец в красной мантии вышел на улицу, заваял ремень на сандалиях, пересек дорогу и вскоре скрылся за стенами деревьев на Тверском бульваре. Ровную строчку его следов быстро запоросило снегом.

Кларнет и альт:

– Бум-буру-рум-бум-бум!

ЗИМНИЙ ЁЖИК

Дождливая, сылаятная осень сменялась зимой. Снег начал идти еще вчера вечером. Большие липкие хлопья падали на мокрые ветки деревьев, на крыши домов, на машины, оставленные во дворе, на проехожих. Снег таял под ногами, но с серого неба его валилось больше и больше. Снег падал ночью напролет и к утру ровным слоем покрыл весь город. Наступила зима.

Водитель трамвая Екатерина Васильевна ехала в своем оранжевом трамвае. Искры с заснеженных проводов падали из-под дуги, гапли с шипением на белой мостовой. Люди входили на остановках, грелись чудесным сухим теплом трамвайных электрических печек, сморчели в запотевшем окне. По скользким дорогам осторожно ползали машины, мигая друг другу фарами. На базарчиках продавцы венниками стряхивали снег с яблок на лотках.

Водитель трамвая Екатерина Васильевна подъезжала к конечной остановке маршрута, возле Останкинского пруда. Она развернулась, высадила пассажиров и пошла покупать горячие пончики в сахарной пудре, чтобы подкрепиться и отдохнуть. Екатерина Васильевна ела пончики, разглядывала заснеженных кентавров на воротах Шереметевского театра, Останкинскую башню, до половины закрытую низкими облаками, уток на не успевшей ещё замерзнуть воде пруда. Наверное, если бы Екатерина Васильевна не была водителем трамвая, она бы ничего не заметила. Но Екатерина Васильевна водителем была и привыкла очень внимательно смотреть на дорогу. А привыкнув внимательно смотреть на дорогу, вообще стала человеком наблюдательным. На большом белом от снега газоне возле Останкинского пруда металась маленький зеленый комочек. Он подпрыгивал и даже очень тихо что-то кричал. Вот что заметила Екатерина Васильевна. Никто кругом этого не видел. Дети кормили уток хлебом, праздные пешеходы втягивали головы в воротники и не глядели по сторонам.

Екатерина Васильевна приблизилась. Посреди газона маленький ежик пытался на лету сбить снежинки лапами. Иголлки на спине ежика были цвета зеленой травы.

– Я не позволю, – тихо кричал обессиленный ежик.

– Не позволю, чтобы наступала зима! Я – единственный зеленый ежик – хочу, чтобы все было зеленым! Мы будем зеленеть! Ура! – ежа в изнеможении повалили на бок. Он совсем охрип и дрожал от холода и усталости.

– Мне кажется, – сказала Екатерина Васильевна, сажая ежика себе за пазуху, – что зимой ежикам положено спать.

– Мне всё нипочем! – сорванным голосом прошептал ежик, – я единственный в мире зеленый ежик – брат зеленой травы. Я хотел остановить приход зимы.

– Как же ты собирался это сделать? – удивилась Екатерина Васильевна.

– Я очень долго шел. Потому что живу-то я не здесь, а в Привалово, в саду у Марка Осиповича, – сказал он так, будто все должны знать приваловский сад Марка Осиповича, а Екатерина Васильевна в особенности.

– Я хотел влезть на Останкинскую башню. На самую верхушку. И оттуда разогнать снеговые тучи. Вот. Я шел три дня. А башня оказалась такая высокая... Я не смог на нее забраться даже немножко. Теперь всё пропало. Наступила зима...

– А я о тебе слышала, Зеленый Ежик, – сказала Екатерина Васильевна.

– Что? Расскажите! – заинтересовался он, пытаясь высунуть наружу мордочку.

– Вот придем ко мне домой, тогда расскажу.

Екатерина Васильевна посадила ежика в теплую кабину трамвая, накормила его пончиками с сахарной пудрой. Ежик поел и согрелся. Он ездил в трамвае по городу, смотрел, как из липкого снега катают снеговиков, как дым поднимается из труб котельных, как закипают желтые фонари и как под ними кружатся снежинки. Он успокоился, перестал хлпать носом, глаза его начали слипаться.

Вечером Екатерина Васильевна отвезла его домой, посадила в тазик с теплой водой и принялась отмыывать.

– Вот, что я про тебя знаю: ты не "единственный в мире зеленый ежик – брат травы", который должен остановить зиму. Ты просто ежик.

– Получается, что я обыкновенный? – отрикиваясь от мыльной пены, протестовал он.

– Ты единственный, очень храбрый, смелый, очень хороший, удивительный ежик, на которого мой сосед по даче Марк Осипович случайно этим летом уронил ведро зеленой краски! Марк Осипович кружил веранду, стоя на лестнице. Внезапно лестница заклинила и рухнула, Марк Осипович повис на ветке яблони, а ведро упало, Краска окатила тебя с головы до ног. Пока Марк Осипович спускался с яблони, ты успел скрыться в зарослях крыжовника. Марк Осипович очень за тебя беспокоился. Такая история.

– Ой! – на минуту смутился ежик, – а я не придал этому ведру никакого значения. А я действительно храбрый? – спросил он.

– Действительно! – искренне сказала Екатерина Васильевна, – только теперь больше не зеленый.

Журнал иллюстрировали

художники:

Омар Годинес
Евгения Двоскина
Екатерина Силина

и фотографы:

Арсений Калашников
Виктор Васенин
Леонид Жданов
Наталья Кононенко
Анатолий Ильяхинский
Евгений Крылов
Лилия Сакуренок
Илья Новиков
Дмитрий Борко
Людмила Зинченко
Борис Михалевкин

Мы благодарим
за душевное и
умственное участие
в создании и распространении журнала
Инну Равич-Щербо,
Татьяну Бабушкину,
Викторию Белопольскую, Анастасию Осипову,
Андрея Савельева и
Пал Валентиныча
Сипитина.

спасибо!

*Кажется, мы нашли свой
стиль, нашли
замечательных авторов,
узнали своего читателя.*

*Мы делали журнал, в
котором было что
прочитать и профессионалу-
психологу, и педагогу, и
умным и ответственным
родителям. Мы*

*стремились к тому, чтобы
журнал развивал,
информировал, был полезен
и в то же время стал
своеобразным клубом
общения всех, кого
волнуют проблемы детей
и наших, взрослых, с ними
отношений.*

*Возможно, не все в нашем
журнале было интересно,
но мы старались делать
его лучше, современнее.
Надеемся, что вам,
читателям, как и нам -
тем, кто его делает, -
было по крайней мере
нескучно.*

